

ЛЕНИНСКАЯ
БИБЛИОТЕКА



СУД НАД СОКРАТОМ



СБОРНИК
ИСТОРИЧЕСКИХ СВИДЕТЕЛЬСТВ

СЕРИЯ

**АНТИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА**

ИССЛЕДОВАНИЯ



СУД НАД СОКРАТОМ

СБОРНИК
ИСТОРИЧЕСКИХ СВИДЕТЕЛЬСТВ



СЕРИЯ

АНТИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА



ИССЛЕДОВАНИЯ



Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
2000



СУД НАД СОКРАТОМ



СБОРНИК ИСТОРИЧЕСКИХ СВИДЕТЕЛЬСТВ

- *Платон*
- *Ксенофонт*
- *Диоген Лаэртий*
- *Плутарх*
- *Либаний*

составитель А. В. Кургатников



Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
2000



ББК ЮЗ(0)321-214

УДК 1(38)(092)

С 89

С 89 Суд над Сократом. Сборник исторических свидетельств / Составитель А. В. Кургатников. — СПб.: Алетей, 2000. — 272 с. — (Античная библиотека). ISBN 5-89329-015-1

Основатель и руководитель серии:

О. Л. Абышко

Образ Сократа вот уже третье тысячелетие остается одним из самых притягательных в истории мировой философии. В настоящем издании под одной обложкой собраны все исторические свидетельства древних о знаменитом процессе над афинским мудрецом, прежде разбросанные в разных книгах и разных изданиях. Данный подход, учитывая исключительность взятого исторического события, бесконечно интереснее для читателя. Да и по сути, описание любого судебного процесса требует, чтобы все относящиеся к нему документы были собраны вместе. В книгу включены сочинения Платона, Ксенофонта, Диогена Лаэртца, Плутарха, а также специально переведенная для данного сборника «Апология» ритора Либания. Его речь (написанная специально для чтения), помимо собственных несомненных достоинств, обладает еще одним существенным плюсом — в ней сохранились реминисценции утраченных сочинений современников Сократа: «Обвинения» Поликрата и «Защиты» Лисия.

Книга снабжена всем необходимым справочным материалом.

Для всех интересующихся античностью.

ББК ЮЗ(0)321-214

УДК 1(38)(092)

ISBN 5-89329-015-1



- © Издательство «Алетей» (СПб.), 1997 г.
- © А. В. Кургатников, составление, предисловие, послесловие, 1997 г.
- © М. А. Райцына, перевод Либания, 1997 г.

К ЧИТАТЕЛЮ

Вероятно, не найдется человека, который не слышал бы о Сократе, не накопил каких-то сведений о его жизни, осуждении и смерти!? Суд и «высшая мера» наказания, чаша с цикутой, прощальные беседы Сократа с учениками, мужественное спокойствие в ожидании конца, об этом написано немало; имя мыслителя — на слуху у каждого, а характерное лобастое, престолярное и курносое лицо — на сетчатке. Можно ли рассказать нечто новое?

Ответ на заданный вопрос связан с одной существенной особенностью, суть которой в том, что многочисленные сочинения о суде над Сократом всегда опираются на весьма ограниченное число исторических документов; их можно пересчитать по пальцам: «Апология Сократа» Платона, «Апология Сократа» Ксенофонта и записи Диогена Лаэртца — вот первоосновные. От них не уйдешь, если, конечно, не выдумывать небылицы. Эти документы (или документированные рассказы), принадлежащие разным авторам, как и принято, входят составной частью в издания их произведений — вполне логичная форма, удобная во многих отношениях; только не

в отношении читателя... Читателю куда интереснее было бы иметь под рукой все подлинные материалы о судебном процессе над философом в одной книге; сопоставлять, замечать различия, учитывать столь значимые иногда нюансы оценок; короче, видеть полную картину, а не фрагменты. Замысел предлагаемой работы как раз и состоит в том, что мы пошли навстречу этому, быть может, неосознанному, подспудному, но верному желанию и поместили все подлинные исторические свидетельства под одной обложкой.

В составе, подборе и подаче исторических свидетельств и заключается новизна данного издания, но не только в этом. К трем перечисленным произведениям прибавлены относящиеся к суду, точнее, непосредственно к пунктам обвинения, главы из «Воспоминаний» того же Ксенофонта и отрывок из диалога Плутарха «О демоне Сократа»; но самым существенным является то, что в книгу включена «Апология Сократа», написанная исследователем и ритором Либанием (314—393 нашей эры). Это интереснейшее сочинение непонятно почему никогда не переводилось, и так и осталось неизвестным русскоязычному читателю, а между тем оно вносит немало нового в общую картину и суть судебного процесса над Сократом. При этом написана эта «Апология» хорошо осведомленным и талантливым человеком, другом Юлиана Отступника, располагавшим всеми документами судебного дела, большая часть которых впоследствии погибла (например, речь оратора Лисия в защиту Сократа или, напротив, антисократовский памфлет Поликрата Афинского).

Перевод «Апологии» Либания на русский язык осуществлен с немецкого издания Otto Appelt, «Ver-

lag der philosophischen Bibliothek», Leipzig, 1922, текстологически строго выверенного, тщательно откомментированного в лучших традициях немецкой филологической школы.

Предисловие, послесловие и комментарии, как мы надеемся, помогут читателю лучше ориентироваться в мире исчезнувшей древнегреческой цивилизации, во взаимоотношениях исторических персонажей, разобраться в достаточно своеобразной и любопытной системе афинского судопроизводства; в общем, присутствовать на суде не сторонним наблюдателем, а лицом глубоко сопереживающим...

СУД СОВРЕМЕННОКОВ

Год 399 до нашей эры, древние Афины, весна, восьмой месяц по афинскому календарю — анфестерион. Месяц праздников, распускающихся цветов (в честь первоцветов и само название — анфестерион) и опробования вина предыдущей жатвы. Торжественные маскарадные дионисийские шествия, театральные представления, ярмарки. Пробуждение от зимнего сна ознаменовывалось и другим традиционным ритуалом: снаряжением корабля на остров Делос, родину бога Аполлона. На Делос отправлялось священное посольство — феория, а старинное тридцативесельное судно ежегодно обновлялось и украшалось. Этот второй праздник станет важным моментом в жизненном эпилоге Сократа, отодвинув исполнение смертного приговора на целый месяц. Но это случится позже, пока приговор не вынесен, суд только предстоит.

Мы не знаем точного числа, когда было представлено обвинение, но поскольку в демократических Афинах ничто не могло происходить вне правил, установлений и традиций, то можно довольно точно воссоздать суть и последовательность событий. Об-

винителей было трое, главный — Мелет, обвинители (синегоры) — Ликон и Анит. О двух первых известно немного, зато лица характерные: Мелет — сочинитель трагедий, неудачливый стихотворец, никогда не удостоивавшийся победного венка на состязаниях драматургов, опасно обозленный молодой человек; Ликон — оратор или ритор (возможно, один из многочисленных в тот период демагогов) примерно того же калибра, что Мелет, так же алчущий славы и так же обделенный ею. Эти типы — вечные, их встретишь в интеллектуально-общественной сутолоке во все времена, хотя лучше с ними не сталкиваться. Но, наверное, никто в Афинах не сомневался, что оба они, Мелет и Ликон, нужны лишь для «затравки», для числа и шума, а подлинный инициатор обвинения — Анит. О нем сохранились документальные свидетельства, он вошел в историю, но не в ироническом контексте, а вполне серьезном.

Ксенофонт, ученик и преданный почитатель Сократа, упоминает имя Анита в своей «Греческой истории»; наверняка Ксенофонт не испытывал к Аниту теплых чувств, однако истина — прежде всего, и не сказать о роли Анита в освобождении Афин от власти «Тридцати тиранов» он не мог; было это совсем незадолго до суда, в 403 году.¹ Анит — не только влиятельная общественная фигура, он — богач, владелец кожевенных мастерских, а самое существенное, у него есть, как бы теперь сказали, определенная идейная позиция, он — «государственник», апостол демократии того типа, что установилась после диктатуры Тридцати. Обо всем этом нам

¹ Все даты, кроме оговоренных, — до нашей эры (до Рождества Христова).

еще придется говорить, пока же отметим, что именно противоборство Сократа и Анита, их подхода к жизни и индивидуальной свободе в условиях кризиса Афинского общества и развала Афинского морского союза, когда гражданам пришлось приспособливаться к новообретенной демократии *после крушения* — это противоборство явится лейтмотивом сократовского процесса.¹

Итак, в некий прекрасный весенний день месяца анфестериона на Агоре, в самом людном месте древних Афин, появился молодой человек по имени Мелет и вручил архонту-басилевсу восковую дощечку с обвинительным заявлением против Сократа; текст обвинения читатель найдет во всех почти последующих материалах — у Лаэртия, Платона, Ксенофонта; смысл: Сократ не чтит истинных богов, вводит собственных, развращает молодежь, наказание — смертная казнь. В Афинах не существовало института обвинения, в качестве обвинителя мог выступать любой полноправный афинянин; что касается архонта-басилевса, то именно он из девяти архонтов (высших государственных должностных лиц) ведал делами о религиозном нечестии, преступлениями против моральных устоев.² Жестокая игра начата была в соответствии с установленными правилами.

¹ Автор приносит извинения за неизбежные аллюзии с нынешней российской действительностью, увы, что есть — то есть. Впрочем, все великие сюжеты мировой истории какими-то сторонами соприкасаются с любым временем, потому они и великие.

² Всего архонтов выбиралось (по жребию) девять: архонт-эпоним (председатель), архонт-басилевс, архонт-полемарх и шесть архонтов-фесмофетов. По имени архон-

Дальше несущественный пробел. По закону архонт-басилевс должен был вызвать и ознакомить с обвинением Сократа; надо предположить — так и происходило, но письменных документов не осталось. Архонт-басилевс «принимал посетителей» в знаменитом Царском портике (он располагался на той же Агоре), перед ним находилась статуя Зевса и были выставлены своды законов, пересмотренные после свержения Тридцати тиранов. В обычные дни здесь любили прогуливаться, вести возвышенные беседы, философствовать; несомненно, часто бывал здесь и Сократ; на сей раз ему пришлось прийти, чтобы прочесть обвинение. Еще один незначительный пробел — мы не знаем через сколько дней, — но, по всей вероятности, скоро глашатаи или герольды объявляли о том, что состоится суд над Сократом, сыном Софроникса из дема Алопеки.¹

Косвенно читатель получит представление о том, как выглядело судебное заседание из «Апологии» Платона и отчасти Ксенофонта, но кое-что необходимо пояснить заранее. Также, как хотя бы коротко рассказать о системе древнегреческого, точнее, афинского, судопроизводства. Оно вырабаты-

та-эпонима назывался год, и 399 год был годом архонта Аристократа. На архонта-полемарха возлагались военные дела; коллегия фесмофетов занималась судебно-юридическими вопросами, поэтому некоторые исследователи считают, что Мелет мог обратиться с жалобой непосредственно к ним.

¹ Афинское государство делилось по сложным родовым и историко-топографическим признакам на филы (количеством десять), филы состояли из фратий, а самыми мелкими единицами были демы.

валось веками и к началу четвертого было по тем временам невиданно открытым, демократическим и... сложно-прихотливым. Сразу же добавим: сложно-прихотливым не из дурных намерений, а из попытки создать условия абсолютной беспристрастности; и так бывает. Впервые в истории судопроизводство в Афинах осуществлял суд присяжных, так называемая гелиэя, члены суда именовались гелиастами. Общее число гелиастов — 6000; этот состав формировался путем выборов (по жребию!) из всех десяти фил, по 500 от каждой, плюс 1000 запасных. В каждом конкретном заседании участвовало обычно 500 человек, точнее 501 для того, чтобы не случилось «патовой» ситуации при голосовании. Состав гелиастов, который будет слушать дело, определялся только в день суда опять же по жребию, что должно было предотвращать возможность подкупа и, как бы мы сказали, предварительной агитации. Гелиастом мог стать гражданин старше 30 лет — ничем не запятанный, а в случае, если таковое подозрение возникает, проводилась докимасия — особая проверка с вопросами и свидетелями. Участники судебного заседания получали плату — 3 обола, сумма не бог весть какая, но для людей небогатых она являлась и подспорьем и манком. Даже по этому конспективному описанию видно, насколько тщательно, казалось бы, продумана форма судопроизводства; однако и тут уже можно заметить слабины. Ну, прежде всего, слишком расширенный состав (а иногда собирали и 1001, и 1501 гелиастов!), совершенно очевидно, что подсудимому придется оправдываться перед толпой или, если не обижать древних — большим собранием. Позже мы увидим, что это весьма опасная «деталь». Вторая

тонкость — из разряда тех, что определяются афоризмом «недостатки суть продолжение достоинств»: то, что присяжные выбирались перед самым процессом, затрудняло, как и предусматривалось, подкуп; вот только никто из этих, часто и в основном, простых людей не успевал подготовиться к процессу, изучить материалы, что ли. Обстоятельство, программирующее импровизационность, силу эмоциональных толчков и, конечно, значение слова, умения тронуть сердца, короче, столь прославленного в Греции, ораторского искусства.

Итак, глашатаи оповестили о предстоящем суде, и потек по узким улочкам древних Афин люд, тот, что составит многочисленную публику на этом процессе. Мы сказали «по узким улочкам» — так оно и было: южный город, бегущие вверх, извивающиеся дороги между домами, расположенными окнами во дворики (перистили). Впрочем, на Агору (Рыночная площадь — греч.) вели и широкие дороги, например, улица Процессий от порта Пирей, или Панафинейская улица, или улица Скульпторов, поднимающаяся от квартала ремесленников.

Точных доказательств того, что публики на процессе собралось множество, у нас нет, но подобное предположение обосновано: не было афиняна, который бы не знал Сократа, не было и такого, кто не знал бы Анита. Можно даже предположить, что суд стал своего рода сенсацией, будоражил население: второй по влиянию (после Фрасибула) человек полиса (города-государства) требует смерти прославленного мудреца, софиста, говоруна (как для кого); есть что послушать и на что поглазеть.

Чтобы завершить экспозицию, следует еще вообразить место суда. Опять же прямых указаний

нет, но в соответствии с традицией по разбирательству дел о религиозном нечестии заседание шло на площади Агоры под открытым небом.¹ Ограда, внутри ограды гелиасты-присяжные, обвинители, обвиняемый, ближайшие родственники и друзья, допуск последних каждый раз определялся председателем суда. А за оградой — толпище любопытных, экспансивно реагирующих на происходящее. Имя того, кто вел заседание, председательствовал — тоже неизвестно; в большинстве случаев эти функции возлагались² на одного из архонтов-фесмофетов, но бывали исключения.

О значимости, событийности суда над Сократом свидетельствует и то, что на него отвели полный день; мелкие, частные дела рассматривались последовательно, и набиралось их до четырех подряд. «Полный день» — это девять с половиной часов, время от восхода до захода солнца зимнего месяца посидеона (январь), по нему и нормировалась длительность важных заседаний. Само время определялось по клепсидам, водяным часам, так что за девять с половиной часов из клепсидр вытекало примерно тридцать литров воды. При этом ставились две клепсидры, истцу и ответчику «отводилось» равное количество воды, а когда секретарь суда зачитывал документы, «начальник воды» (избранный тоже по жребию) закрывал трубку клепсидр. ВСЁ,

¹ Так считает, например, Андре Боннар («Греческая цивилизация», 1961. Т. 2. С. 299). Хотя существовало особое здание Гелиэя (солнечный зал), где могли собираться 1501 или даже 2001 присяжных.

² Разумеется, не назначением, а «беспристрастной» жеребьевкой с помощью цветных бронзовых кубиков.

ВСЁ было предусмотрено, вот только с самим законодательством, законами, по которым привлекались к суду, обстояло неважно!

Аттическое законодательство в значительной мере опиралось не на конкретные статьи, которые определяли те или иные преступления, а на традиции, неписанные правила или прецеденты: «совершено то-то, за это прежде присудили к такому-то наказанию, следовательно, и на этот раз и т. д.» Разумеется, существовали и строго обозначенные преступления, например, убийство; но значительное число правонарушений (действительных или мнимых) отдавалось на волю присяжных, их юридической эрудиции, осведомленности, а стало быть, и настроению. Процесс над Сократом в этом отношении был показательным; даже и формально он принадлежал к так называемым «неоцененным» (неценным), когда даже в случае признания подсудимого виновным, он под конкретную статью не подпадает: все решится тайным голосованием с помощью «баллотировочных камешков»...

Подытожим, соберем приведенные сведения в общую картину. Подсудимый — один, обвинителей — трое, судей — пятьсот и еще один. Им и предстоит решить участь Сократа, и должны они ее решить по истине и по совести, о чем они поклялись в своей присяге:

«Я буду подавать голос сообразно законам и постановлениям афинского народа и Совета пятисот.¹ Когда закон будет безмолвствовать, я буду голосовать, следуя своей совести, без пристрастия и

¹ Высший государственный орган по всем вопросам управления.

без ненависти. Я буду подавать голос только по тем пунктам, которые составят предмет преследования. Я буду слушать истца и ответчика с одинаковой благосклонностью.

Я клянусь в этом Зевсом, Аполлоном и Деметрой. Если я сдержу мою клятву, пусть на мою долю выпадет много благ! Если я нарушу ее, пусть я погибну со всем своим родом» (клятва гелиастов).

Мы уже сказали, сократовский процесс относился к «неоцененным», потому отличался от «оцененных» (т. е. тех, в которых преступление и наказание сформулированы законодательством) не только способом разбирательства, но и построением, регламентом. Неоцененные процессы состояли из двух, что ли, актов: в первом обсуждался вопрос о виновности подсудимого, во втором — о мере наказания, если вердикт был обвинительным. Дважды проводилось голосование, дважды происходили прения сторон, то бишь Сократа и его обвинителей; в общем, афинские зрители в тот день присутствовали на «спектакле» полнометражном и, как выяснилось впоследствии, историческом. Об этом они, конечно, не подозревали.

Выше мы приводили конспект обвинения, и все же, если мы не попытаемся понять подтекст обвинений, содержание процесса останется загадочным. Поэтому сделаем необходимое отступление, тема его проста: почему дело вообще возникло, и именно в 399 году? Опять же отодвинем в тень Мелета и Ликона, раздраженных (а может быть, и платных) «неврастенических» мальчиков-крикунов; нас интересует Анит, недавний герой сопротивления олигархии Тридцати тиранов, один

из апостолов новой демократии. Зачем ему понадобилось возбудить процесс против семидесятилетнего старца, в политическую жизнь никогда активно не встречавшего? Во многих позднейших исследованиях вперед выдвигались мотивы личного свойства, например, непрерывное (и небезобидное) подтрунивание Сократа над Анитом; они, естественно, много раз встречались и до суда, — то перекидывались словечком-другим, то даже беседовали, впрочем, без симпатии.¹ Иногда акцентировалась другая версия, а именно то, что среди окружавших Сократа молодых людей крутился и сын Анита, чем мог вызвать недовольство и ревность отца. Оба предположения допустимы: и раздражение Анита сократовской иронией, в частности, над его профессией кожевенника, и из-за сына, но не это основное. Более того, эти привходящие обстоятельства нам в историческом плане неинтересны; существенно столкновение идеологий: самоценности, независимости внутреннего мира человека-микрокосма от внешних обстоятельств (Сократ), и утверждение, что такой независимости быть не должно, что отдельная личность обязана не только уважать общественный строй, введенный им кодекс правил и обычаев, но и соотносить с ним свое мирозерцание, ну, на худой конец, поведение, видимость (Анит). Не будем оглуплять противников: Сократ прекрасно понимал, насколько сильно

¹ В этом отношении показателен фрагмент из платоновского диалога «Менон», где попытка Сократа «подключить» к диспуту о добродетели проходящего мимо Анита, наталкивается на откровенную враждебность; угрожая расправой, Анит уходит.

влияет внешнее на человека, но вся его философия как раз изыскивала возможность уменьшить такое влияние, уберечь себя в своих коренных убеждениях от непрерывно меняющихся веяний времени; конечно, и Анит сознавал и признавал различие в людях, да и право сохранять свое «я», но лишь в очень узких рамках, и уж никак не допускал возможность проповедовать независимость и самоценность личности, — чем его оппонент занимался всю жизнь. Тут и нащупывается скрытый смысл конфликта. Сократ с его идеями воспитания вне и даже вопреки окружающей действительности, вопреки общественно-массовым догмам оказывался чужаком при всех режимах в Афинском государстве: при автократии Перикла в 30-е годы V века (хотя то была эпоха расцвета); в период раздоров после ужасающей чумной эпидемии и смерти Перикла; наглый демагог Клеон вызывал у Сократа (да и у всех порядочных граждан) омерзение; олигархия «Четырехсот» (411 год) «держала» Сократа под подозрением; олигархия «Тридцати тиранов» попыталась было привлечь его на свою сторону, но, получив презрительный отпор, тоже готовилась к расправе (мы перечислили, разумеется, не все этапы тяжкого и несчастного для Афин тридцатилетия). И все-таки ни один из сменявших друг друга режимов Сократа впрямую не тронул; «тронула» демократия, объявившая себя традиционной, воскресившей исконные демократические ценности. Парадокс? Нелепость? Увы, трагическая закономерность.

Неуверенная в себе, экономически еле живая демократия Фрасибула-Анита заискивала перед населением, страшилась его и не в состоянии была

справиться с распадом общества. Раскованность превращалась в распущенность, народоправство в охлократию.¹ Греческая культура вытеснялась фригийско-фракийскими восточными культурами. Почти ежедневно по улицам Афин с оглушительным шумом шествовали процессии адептов фригийских богов Кибелы (Матери богов) и Сабазия (бога плодородия, вина и веселия); по ночам те же молодые люди устраивали сборища, доводя себя до экстатического безумия под оглушительную музыку флейт и барабанов (тогдашние рок-концерты!) Громогласно читались книги с таинственными фригийскими текстами, после чего неопиты произносили: «Я избежал греха, я обрел спасение», и начиналось повальное распутство.

Разумеется, участники сходок принадлежали, в основном, к афинскому городскому плебсу, однако ощущение непрочности, иллюзорности бытия, потерянности овладевало и афинской интеллигенцией:

Кто скажет нам, не смерть ли жизнь земная,
И смерти час — не жизни ли начало.

Художественно-гениальные строчки Еврипида² стали своего рода паролем времени, а сам драматург,

¹ Многие вопросы стали решаться не в соответствии с законами, а так называемыми «псефизмами», единичными постановлениями Народного собрания, возбужденной толпой. Ни о какой справедливости тут и речи быть не могло, и никто иной, а именно Сократ припечатал эту демократию определением — «перепившаяся»...

² «Полиид», утраченная трагедия. Приведенное изречение сохранилось в книге Диогена Лаэртция (IX, 73), у Секста Эмпирика («Три книги Пирроновых положений», III, 24), у других древних авторов.

немногими признаваемый при жизни, обретал славу классика. Воскресла и непрерывно повторялась философская «силла» Ксенофана (ок. 570 — 480):

И если б кто нам истину открыл, —
То истина иль нет, он знать не мог бы:
Догадка всё, что скажет человек.

Люди образованные, чураясь, конечно, массового восточного растреления, погружались в изучение «отеческого» таинственного пифагорейства с его высокими идеями переселения души. Казалось, в общественном плане ничто более не соединяет людей, все разделяет, все мимолетно, все пронизано тлением.

После тотального поражения Афин в Пелопоннесской войне число свободных граждан уменьшилось почти вдвое; с потерей «вассальных» городов-полисов (при Перикле их насчитывалось до 200!) упала торговля, опустела казна, незваной гостьей пришла нищета. Государство оказалось на краю исчезновения.

В этих печальных обстоятельствах отцы возобновленной демократии, как правило, люди пожилые, хорошо помнившие дни процветания, заподозрили: не от Сократа ли идет порча? Не от его ли проповедей, не от его ли «лукавых» выпрашиваний, не от его ли философии, звучащей под небом Афин уже 30 с лишком лет? Не он ли, вечно окруженный юношами, в основном, детьми состоятельных и уважаемых людей, распространяет неверие? Вот истоки начавшегося против Сократа процесса в 399 году, зачинателем которого стал Анит (возможно, по дополнительным причинам субъективного характера, о чем мы говорили).

Следует сразу же сказать: Анит не «жаждал крови» согражданина, он был твердо убежден, что Сократ уйдет в добровольное изгнание (как сделал

философ Анаксагор в сходной ситуации в 433 году); да ничто и не вынуждало Сократа являться в судилище, ничто — кроме собственной воли и гордости.

...Теперь, совершив необходимый историко-психологический экскурс, вернемся (точнее, взберемся) на холм Агоры, на площадь перед зданием Гелиэи, и посмотрим, как развивались события. А развивались они необычно. Обвинение действовало по весьма обдуманному плану, стремясь все время держаться юридически испытанной дороги; подсудимый мало заботился о стройной системе опровержения, рассуждал то об одном, то о другом, том, что, несомненно, несло общечеловеческий смысл, но не конкретно-правовой. Следует сказать, что самих обвинительных выступлений Мелета, Ликона и Анита не сохранилось, сохранились апологии и сочинения, написанные учениками Сократа Платоном и Ксенофонтом и позднейшими авторами Диогеном Лаэртием и Либанием; все они страстно оправдывали Сократа, но из оправданий легко угадывается и линия обвинения.

К тому же сохранились более или менее достоверные предания о ходе процесса; так, например, считается, что Мелет выступал неубедительно, а Ликон и Анит блеснули логикой и пафосом; это похоже на правду, потому что о речи Мелета Сократ говорит с особо брезгливым презрением. Предание так же передает, что выступление для Анита написал софист и логограф¹ Поликрат Афинский, это вполне

¹ Логографы — платные составители речей для участников процесса, каковые их разучивали наизусть; профессия логографа допускалась и даже поощрялась. Само слово «логограф» многозначно, — так назывались и ранние историки (до Геродота).

правдоподобно; для кожевенника ораторское искусство было занятием непривычным.

Диоген Лаэртский сообщает, что знаменитый оратор Лисий, прирабатывавший и «логографией», составил оправдательную речь для Сократа (Диоген Лаэртский «Сократ», с. 231 наст. изд.); байка Диогена характерна для преданий о философе, его манере отвечать, держаться; но не более.

Рассмотрим теперь подробнее пункты обвинений, предъявленных философу, и его ответы на них.

Пункт № 1. Сократ не признает богов, почитаемых Городом и его гражданами, и вводит собственных. Обвинение серьезнейшее, собственно оно и составляет ядро инкриминируемого Сократу религиозного нечестия. В виде юридической статьи оно введено в 432 году неким гражданином Диопитом с целью бросить тень на Перикла, покровительствовавшего Анаксагору (Плутарх «Сравнительные жизнеописания», «Перикл» XXXII).

Прежде всего необходимо сказать, что мнение о тайном неверии Сократа имеет длинные, уходящие аж в двадцатилетнюю давность, корни — и соединено с именем великого комедиографа Аристофана. Двух прославленных греков связывала, увы, не дружба, а непримиримая вражда. В написанной и поставленной в 423 году комедии «Облака» Аристофан вывел одним из главных персонажей Сократа, иронически нарицая «мудрецом»; пересказывать очаровательно-смешную историю бессмысленно, но в ней содержатся и прямые выпады против философа, парящего в «гамаке на облаках». Есть в ней и прицельные обвинения в безбожии; вот диалог главного положительного героя старика-крестьянина Стрепсиада и коварного мудреца:

СОКРАТ. Так пойми же: богини они лишь одни (облака),
Остальное — нелепые бредни!

СТРЕПСИАД. Ну, а Зевс? Объясни, заклинаю Землей,
Нам не бог разве Зевс Олимпийский?

СОКРАТ. Что за Зевс? Перестань городить пустяки!
Зевса нет!

За одно это высказывание-проповедь Сократа (если бы он в самом деле проповедовал подобное) можно было притянуть в Гелиэю. Само собою, в комедии допустимо преувеличение, гипербола, карикатура, но, очевидно, зерно подозрения, посеянное 24 года назад, не погибло; это подтверждается и тем, что свои оправдания Сократ начинает именно с упоминания Аристофана и его комедии (Платон «Апология Сократа», с. 48). Колючие и злые инвективы Аристофана (в финале комедии Стрепсиад даже поджигает дом ненавистного мудреца!) несомненно стали как бы фундаментом обвинений в неверии.¹

Было бы бессмысленно и антиисторично выступать арбитром в споре Аристофана и Сократа; по образу мыслей, по социальной ориентации, наконец, по «жанру» своего творчества эти люди принадлежали к полярным группам. Аристофан — традиционалист, защитник старины, патриархального крестьянства; Сократ — мыслитель, стремящийся обновить

¹ Другой автор комедий, Евполид, тоже оттачивал свой грифель (металлический) на недружелюбном изображении Сократа: «Я ненавижу Сократа, этого нищего болтуна, который всего доискивается и только не заботится, что ему есть».

старые догмы, основать собственное учение, горожанин-интеллектуал (хотя и ходил всегда босым и в одном хитоне!) Оба они «правее», но каждый в своем понимании того, что полезно человеку и Городу. Любопытнее пофантазировать на предмет возможности присутствия Аристофана на суде: он мог быть и зрителем, и присяжным, и если он был присяжным, то какой «камешек»¹ опустил в бронзовую амфору — за осуждение или за оправдание?

Самой подходящей мишенью по первому пункту обвинения стал знаменитый «гений», «божественный голос», «демоний», «демон» Сократа. О нем, таинственном голосе, указующем верный путь, по видимому, сказано было больше всего слов; ему отводится немало мест в апологиях Платона и Ксенофонта, ему посвящен диалог Плутарха. В подлиннике сказано «daimonion», что буквально значит «божественное», но трактуется это понятие разными авторами по-разному. Ксенофонт в «Воспоминаниях», Плутарх и Диоген Лаэртский полагают, что это был некий дар пророчества, знаки из будущего, тогда как Платон настаивает, что демоний лишь отвращал Сократа от ложного, но никогда не побуждал к свершению чего-либо и не касался других людей и событий. Судя по некоторым сообщениям, все же то был дар предвидения; так, например, известно, что Сократ предупреждал о губительных последствиях морской военной экспедиции в Сицилию, которая и действительно закончилась в 413

¹ Традиционно-историческое название; на самом деле, это были медные круглые пластинки, одни просверленные, другие — цельные.

году величайшим поражением афинян в Пелопоннесской войне.

Анит и его «мальчики»¹ выстраивали такую схему: Сократ верит своему особому демонию, стало быть, не верит в общепризнанных богов. Схема ничем не подтверждалась, но внешне, на слух, звучала достаточно опасно и убедительно. А как защищался подсудимый? По Ксенофону — весьма твердо и даже резко («Апология», с. 93, 94), ссылаясь на давние и всем понятные верования греков в «знамения», что открывают волю богов (сны, приметы, голоса птиц и особенно предсказания Пифии в храме Аполлона в Дельфах). Демоний, дескать, тоже не более, чем знамение, открывающее волю богов, стало быть, слушаться его не предосудительно. Гораздо уязвимее выглядит ответ в «Апологии» Платона (с. 64), где Сократ пытается доказать, что демоны — так сказать, младшие боги и, веря в младших, нельзя не верить в «старших».

...зато как возвышенно и благородно звучит в платоновской «Апологии» упоминание о демонию в прощальной речи Сократа (с. 86), когда Голос свыше таинственным образом словно бы одобрил намерение старика идти в суд и принять смертный приговор!

Второй удобной «зацепкой» в пункте об отрицании Сократом богов стало его мнимое занятие физическими науками, под которыми тогда пони-

¹ Либаний в своей «Апологии» подтверждает уже высказанное мнение, что Мелет и Ликон — персонажи второстепенные: его речь-декламация построена как прямой конфликт Анита и Сократа; Мелет и Ликон почти не упоминаются.

малась теория устройства мира, космоса и материалистическое объяснение небесных явлений. В истоках — и тут опять можно обнаружить аристофановские «Облака». Когда-то зрители хохотали при остроумных комедийных эскападах героев Аристофана; но дети или младшие братья тех зрителей легко могли поверить, что в старых шутках есть доля правды, пуще того, что основаны они на неких забытых фактах.

Судьи не очень-то разбирались в философских школах и учениях, что, разумеется, нельзя поставить в упрек обычным, «нормальным» гражданам — ненормальным было то, что как раз по этим предметам они должны были высказать свое мнение. Возникали — при иных обстоятельствах потешные, а в данной ситуации трагические — путаницы: Сократу приписывались, например, идеи Анаксагора Клазоменского. Показателен в этом смысле диалог-спор между Сократом и Мелетом в «Апологии» Платона. Бездарный поэт лишь пересказывает «рыночную» сплетню, говоря: «...о, мужи-судьи, он утверждает, что Солнце (раскаленный) камень, а Луна — земля».¹ Именно за подобного рода суждения Анакса-

¹ Не хочется, чтобы читатель забыл об исторической дистанции между тем, что нынче — трюизм, а 2500 лет назад было смелым открытием. В этом контексте целесообразно добавить, что мы невольно судим о целостных системах греческих мыслителей по сохранившимся обрывкам-фразам. И Анаксагор, и Протагор, и многие-многие другие «обкрадены» временем и упрощены экзегетами-толкователями до примитивного афоризма, так что иногда до нас доходят лишь «черепки», как от разбитых древнегреческих сосудов.

гора в 434 году приговорили к смерти, замененной (по заступничеству Перикла) изгнанием.

Если обвинения, сгруппированные вокруг «личного» бога-даймония, основывались на невежественном переименовании все же существовавших высказываниях Сократа, то утверждения о каких-то тайных занятиях астрономией, космогонией (возникновением вселенной), природой в ее первоначалах, были прямой и злостной ложью. Суть учения Сократа как раз состояла в отказе от попыток сконструировать некую всеобъемлющую теорию мироздания; натурфилософские системы создавались великими предшественниками — Фалесом, Гераклитом, тем же Анаксагором; по ставшему расхожим выражению, Сократ опустил философию с небес на землю и поселил в сердцах людей. Его интересовал человек, его душа, сознание, нравственное самоусовершенствование. «Что пользы, если ты обретишь мир, но потеряешь душу?» — у Сократа этот бессмертный вопрос звучал бы несколько иначе: «Что пользы, если ты познаешь, как устроен мир, но не познаешь самого себя?» Такая формулировка соответствовала греческой цивилизации и всем памятной надписи на Дельфийском храме.

Конечно, выходя за рамки судебного процесса с его примитивными обвинениями в примитивном атеизме, нам хотелось бы больше узнать о внутренних верованиях Сократа, о его понимании божественного начала, связи Высшего с земной жизнью человека. Милый, обаятельный, завораживающий своим «люющимся» стилем Ксенофонт¹ в «Воспоминаниях...» в известной мере подравнивает учите-

¹ Недаром древние называли его «аттическая (или медоносная) пчела»!

ля под среднего афинского гражданина, дотошно исполнявшего все общепринятые религиозные обряды. Таким способом он защищает и очищает от клеветы память о невинно казненном («Воспоминания...» написаны через много лет после смерти Сократа). А как обстояло дело в действительности?

По апологиям мы не можем что-либо категорически сказать о верованиях Сократа; этому в той или иной мере посвящены последующие сочинения Платона, но и в них заложена неразрешимая загадка: что исходит от Учителя¹ и что — от великого ученика? Все же есть все основания говорить о вере Сократа в богов как в Высший Разум, управляющий миром и людьми. Познаваема ли воля богов? Да, — но не исследованием окружающего и внешнего, а изучением самого себя, только не в индуистской статичности, а в поступках, действиях, отношениях, в их соответствии законам Божественной Справедливости. Для конкретного человека она определяется тем, что Сократ называл устаревшим словом Добродетель.² На извечный вопрос о незаслуженном наказании праведника (ну, просто порядочного человека!) — библейская тема Иова — ответом было незнание нами

¹ Сам Сократ, однако, всегда возражал против этого звания-титула.

² Однажды известный в те времена физиогномист Зопир сказал, глядя на Сократа, что, как ему кажется, это человек с дурными природными наклонностями. Окружавшие Сократа друзья возмутились, но он хладнокровно подтвердил наблюдение Зопира, добавив, что таким, как его знают теперь, он сделал себя сам путем самоизучения и самовоспитания. Приведенный пример, что называется, был весьма наглядным...

конечных целей, существование некой черты, заглянуть за которую нам не дано: можно и следует, однако, надеяться, что и за ней есть память и свет. Пожалуй, наиболее полно эти коренные идеи высказаны в диалоге «Федон», сюжет которого — предсмертная беседа Сократа. Там есть и поразительная по искренности мысль (Сократа, Платона, обоих?!): «Если бы смерть была полным уничтожением, то для людей злых было бы находкой освобождаться вместе с душой от своей порочности. Но так как душа бессмертна, то для нее нет другого спасения, как сделаться возможно лучшей и мудрой».

Пункт № 2. Сократ развращает молодых людей, юношество; разумеется, речь идет о моральном растлении. Как ни странно, отбиться от этого обвинения философу было труднее всего. Причин тут много, есть психологические, исторические и те, что можно отнести непосредственно к обстановке на процессе, назовем их — ситуационные.

Прежде всего, о психологических. Они связаны с определенными особенностями философских бесед Сократа и одновременно с восприятием их средними афинянами, стало быть, и большинством присяжных. Суть состояла в том, что способ вести беседы, чем всю жизнь занимался Сократ, был в известной степени унаследован им от софистов; он и сам в далеком прошлом входил в их круг. Софисты доказывали относительность любого положения, постулата, обычая, мнения и т. д., если говорить грубее, учили сводить на нет всякое общечеловеческое, политическое или житейское правило, установление, закон. Смысл всего учения Сократа, когда он вышел на самостоятельную дорогу философии, заключался в критике софизма, того, что можно назвать искус-

ством выворачивания истин; в стремлении обрести подлинные ценности, оправдывающие жизнь. Метод убеждения, применявшийся Сократом, принято называть диалектическим, в отличие от софистического, но поверхностному наблюдателю они казались схожими. Этот диалектический метод состоял в умении вести изощренный спор с собеседником, умении загнать его в угол, исследуя то один вариант решения проблемы, то другой, иногда прибегая к ложным ходам, выдаваемым за истинные, и потому совершенно сбивающим противника с толку. При этом Сократ никогда не выводил спор-диспут к окончательному, непреложному результату, оставляя возможность каждому сделать последний выбор. Метод абсолютно верный для умных и образованных... и сомнительный для людей туповатых, случайных, усталых или просто не желающих вникать в тонкости. А слушатели-то были разные!

Причины исторические. Среди учеников Сократа находилось немало людей в высшей степени достойных, позже ставших полезными и честными гражданами, но не они вспоминались судьям. Жутковатыми свидетелями обвинения явились призраки трех сверхзнаменитых лиц, принесших Городу множество бед: Алкивиад, Критий и Харикл; все они когда-то тоже входили в число приверженцев философа. Особенно помнили (точнее, вздрагивали при имени!) Алкивиада. Человек знатнейшего рода, красавец, обладатель огромного наследства, чародей слова и прирожденный авантюрист — он в юности входил в самый тесный кружок слушателей Сократа, это подтверждает и то, например, что Алкивиад — один из главных персонажей позднейшего сочинения Платона «Пир». История славных и позорных

дел-деяний Алкивиада — отдельный трагический сюжет, подробно изложенный Плутархом в «Сравнительных жизнеописаниях». К моменту суда Алкивиада уже не было на свете (как и Крития), но для присяжных оба они были «живее всех живых» и, конечно, стояли неким укором Сократу.¹

Правомерно ли было вменять в вину Учителю, что из его «семинара» выходили не только полезные обществу ученики, но и разрушители? По закону и по здравому смыслу — нет, но чувства большого собрания судивших (внутри ограда) и рядивших (за оградой гелизи) — спонтанны и от логики далеки.

Причины ситуационные. О них нет непосредственных данных, но их легко «вычислить». Среди окружавших или страстно сочувствующих Сократу — большинство составляли молодые люди, недавние эфебы² или те, кому еще не исполнилось 30, возраст официальной политической зрелости. Среди же гелиастов, несомненно, преобладали мужи за 40, за 50, и их не могли не раздражать «болельщики» подсудимого. В подтверждение нашей догадки сошлемся на выразительный эпизод из Диогена Лаэртция: «Во время суда... Платон взобрался на помост (нечто вроде трибуны или кафедры) и начал говорить: «Граждане афиняне, я — самый молодой из всех, кто сюда всходил...», но судьи закричали: «Долой! долой!». Современные комментаторы считают приведенный текст апокрифическим предани-

¹ Критий в 403 году возглавлял коллегия Тридцати тиранов, Харикл занимал вторую ступеньку, а по жестокости не уступал главе коллегии!

² Юноши 18—20 лет, проходившие своего рода стажировку на воинской службе.

ем, но апокрифы, как правило, не рождаются на пустом месте.

В представленных в нашей книге апологиях наветы в развращении юношества (и как следствие — в умалении авторитета родителей) опровергаются авторами примерно одними и теми же доводами: человек, ведущий праведную жизнь, преданный справедливому и достойному, не может дурно влиять на учеников. Платон говорит об этом с поименным перечислением тех, кто вышел из школы Сократа и кого можно аттестовать добрыми гражданами Афин (с. 74, 75); кратко и как бы мельком пишут об этом в своих апологиях Ксенофонт и Либаний. Об Алкивиаде, Критии и Харикле прямо в апологиях не говорится, их имена «колют» глаз и отягчают сердца. И только в своих «Воспоминаниях...» Ксенофонт — с временной дистанции — дает замечательно точный, подробный и глубокомысленный анализ проблемы, которую формулирует так: можно ли обвинять учителя в том, что иные из его учеников (расширяя — последователей, эпигонов) искажают учение, используют во зло или даже выворачивают наизнанку?! Тема всех эпох — до дня нынешнего! («Воспоминания», гл. 2). Оправдательная статья Ксенофонта подкупает не только проникновенностью и пониманием характеров одиозных персонажей, но и объективностью (см., например, тончайшее замечание, с. 112, 113). «Аттическая пчела» — вопреки банальному утверждению о его поверхностности — доказывает, что умел не только собирать душистую пыльцу с цветов, но и отыскивать зерна Высоких Истин.

Пункт № 3. Недостаточное уважение и даже критика Сократом великих поэтов Греции. Да не удивится и не посетует нынешний молодой читатель

на «дикость» нравов афинян — через 2400 лет — в тридцатые годы легко было получить «десятку» за отрицание литературного таланта в Горьком! ¹ Сократа — соблюдем справедливость — за третий пункт судить никто не собирался, он и не входил в текст формального обвинения; однако в контекст самого процесса вошел существенным «довеском».

Тут снова необходимо напомнить о положении и о настроении афинского общества в 399 году. После всех испытаний и поражений в конце пятого века единственным выходом казался возврат к «отеческим ценностям», в том числе к апостолам национальной культуры — Гомеру, Гесиоду, Феогниду, Эсхилу, Софоклу и другим. За что-то надо было «ухватиться», восстановить некие непререкаемые авторитеты, поколебленные в период откровенного декаданса. Укажем в этой связи на весьма важный аспект древнегреческого исконного мирозерцания: в нем органично соединялись религия и искусство. Как Еврейская цивилизация утверждала боговдохновенность пророков, так Греческая — боговдохновенность великих поэтов, ваятелей и художников. Философ и ритор I века нашей эры Дион Хризостом («Златоуст»), объясняя особенности веры соотечественников и предков, дал весьма четкую формулу: «...представления людей о божестве истекают из трех источников: они врождены, восприняты от поэтов, закреплены законами. Четвер-

¹ Из приведенного сопоставления — не дай Бог — не следует делать вывод о репрессивности руководства демократов; репрессивным был режим Тридцати тиранов — за недолгий срок умертвивший 1500 граждан.

тым источником мы назовем искусство и художественное ремесло...»¹

Вот тут-то и таятся причины болезненного восприятия независимых, а, возможно, неожиданных суждений Сократа о поэтах, прежде всего, о Гомере и Гесиоде. Замечания в их адрес оценивались как замечания божествам, а это могло подпасть под статью — кощунство, что было весьма выгодно обвинителям.

В своей «Апологии» Платон рассказывает об испытующе-скептическом отношении Сократа к «исступленному» вдохновению поэтов, но речь идет о поэтах живых и здравствующих, а не о классиках (с. 54); Ксенофонт истолковывает высказывания учителя о Гомере и Гесиоде как сугубо положительные, чего судьи, по его мнению, просто не поняли («Воспоминания...», гл. 2, с. 122—124), и только в «Апологии» Либания (с. 166—182) читатель найдет развернутый анализ отношения Сократа к поэтам, этому анализу можно доверять: в руках Либания были все исторические документы, и обвинительные, и защитительные.² Вчитываясь в текст речи знаменитого ратора, можно понять, что, конечно же, Сократ в своих беседах далеко не всегда одобрительно отзывался о тех или иных местах из поэм Гомера и Гесиода (как и о стихах Феогнида или Пиндара) не с точки зрения их поэтических достоинств, а исходя

¹ Дион Хризостом «Олимпийская речь», 44.

² Например, поминавшийся нами поликратовский памфлет против Сократа и оправдательная речь Лисия, которой Сократ не воспользовался. В IV веке нашей эры античные документы и книги еще были целы, уничтожение началось позже.

из здравого смысла, норм морали и собственных убеждений. Скальпель — не лучший инструмент исследования поэзии, но и преступления нет в попытке «поверить алгеброй гармонию»; особенно, если делать это достаточно умно и деликатно; такого рода утверждение Либанию было весьма дорого, он жил в эпоху позднего эллинизма, когда, в основном, и занимались комментированием древних авторов. Кроме того, судя по всему, Сократ подвергал испытанию на «здравый смысл» лишь отдельные строчки великих поэтов, доказывал, что нельзя их считать неким указанием, руководствоваться ими в своем поведении и взглядах.¹ В 399 году эта антидогматическая исследовательская позиция была, вероятно, актуальна.

Отрицание, намерение низвергнуть фундаментальные ценности культуры — противоречит всему строю сократовского этического учения; сдержанность, самоограничение, миролюбие никогда не уживаются с разрушительством и нигилизмом.² Уважение философа к религиозно-поэтическому наследию подтверждается неожиданно в самом конце

¹ См., например, «Апология Сократа ратора Либания», с. 180, 181. Тут явно проступают в рассуждениях Сократа христианские мотивы равенства перед моральными установлениями всех людей — вне зависимости от их родovitости и положения, что, конечно, противоречило миропониманию Гомера.

² Несомненно, чуждо Сократу было и желание ошеломить, эпатировать слушающих смелостью: вот, дескать, самого Гомера могу «лягнуть». Этим позже прославил себя Зоил, возглавив своеобразный список литературных геростратов, немалый и во всем мире, и у нас в России — в том числе и по отношению к Пушкину...

«Апологии» Платона; в ней, как мы писали, ничего не говорится о поэтах прошлого, но вот настала минута прощания после приговора, и Сократ спокойно рассуждает о переселении в мир иной (с. 87): чему огорчаться, спрашивает осужденный на смерть, «разве это будет плохое переселение? А чего бы не дал всякий из вас за то, чтобы быть с Орфеем, Мусеем, Гесиодом, Гомером!» Торжественные слова любви и признания звучат в момент, когда люди не лгут.

Пункт № 4. Сократ — враг демократии и дурной гражданин. Этого тоже напрямую не сказано в обвинении, но в разбирательство вошло и притом широко.

Атаку с этой стороны Сократу, казалось, отразить было нетрудно; его мужественное неприятие власти Тридцати тиранов не успело еще выветриться из памяти афинян — и судей, и зрителей. Чрезвычайно значимо, что именно по этому пункту обвинения философ отвечал непривычно для себя резко и категорично; гражданственность (слово, столь истертое нынче) — для греческого полиса было понятием высокого плана! Наиболее выразительно ответ философа звучит в «Апологии» Платона (с. 71—73), отчасти дополненный Либанием (с. 162—166).

Если продолжить документированную характеристику Сократа-гражданина (в нашей терминологии), то следует назвать его еще ветераном Пелопоннесской войны, участником трех крупных и кровавых сражений — под Потидеей, Амфиполем и Делием, где он — и это всем ведомо — вел себя стойко и отважно. Уже не первой молодости, 37—40-летний Сократ выступал в качестве гоплита, тяжеловооруженного пешего воина (самый уязвимый и физически тяжелый

род войск), и прославился выносливостью и хладнокровием. Когда под Потидеей афинское войско обратилось в бегство, Сократ не только сохранил спокойствие, но и вынес с поля боя раненого Алкивиада. (Крайне любопытно, что награду за мужество при этом присудили Алкивиаду, хотя сам он ходатайствовал за своего спасителя; вопрос «почему» решается просто: Алкивиад был лицом значительным, высокого рода, да еще племянником Перикла! Весы справедливости «подкручивались» извечно.)

Выиграл ли Сократ судебный спор по данной статье? Трудно сказать. По-видимому, Анит и компания выставляли на вид общественную пассивность старика (впрочем, и в молодые годы уклонявшегося от государственных должностей) и этим, возможно, набрали какое-то число очков; тем более, что сам Сократ всячески акцентировал свое нежелание заниматься политикой как таковой. Тут нелишне будет еще раз — но с «другого бока» — взглянуть на положение в Афинах в 399 году. Оно не характеризуется однозначной победой демократов; произошло условное примирение между Пирейской партией (демократы) и Городской (сторонники олигархии, аристократы); этот компромисс, закрепленный законом об амнистии, вернул Городу спокойствие, но на весьма непрочной основе. Внутреннее напряжение продолжало существовать, бывшие враги внимательно следили друг за другом — конечно, и в судебной палате, разбиравшей дело Сократа. Большинство в ней составляли Пирейцы, но были и приверженцы Городской партии. В этой обстановке твердое и даже несколько брезгливое уклонение философа от «партийности» (я — не аристократ и не демократ, я — Сократ), несомненно, раздражало обе

группы гелиастов, становилось одним из отягчающих обстоятельств.

Отягчающими обстоятельствами нам и пора теперь заняться, ибо они, как и то, о чем мы только что сказали, исходили от самого подсудимого, от его убеждений, от его мирозерцания. В начале мы вскользь упомянули о странности оправдательных выступлений Сократа; суть этой странности состояла в том, что он сам словно бы провоцировал решение не в свою пользу. Полнее всего, сюжетно нагляднее это можно проследить по «Апологии» Платона, последовательно прочтя все три выступления подсудимого: «После обвинительных речей», «После обвинительного приговора» и «После смертного приговора». Причем ощущение того, что сам Сократ сознательно идет навстречу смерти — нарастает. Никто никогда не узнает: приняли старик роковое решение загодя или оно постепенно созревало по ходу процесса; во всяком случае, то не было безотчетным, как через тысячелетия обозначили в психоанализе — стремлением предаться Танатосу (олицетворение смерти — греч.); то было осознанное, аргументированное и открыто высказанное намерение. То было мужество человека, спокойно подытожившего свои дни и поставившего точку.

В речах Сократа не заметишь и взвинченности, мстительности или упрека; ¹ пожалуй, один раз он сорвался — вероятно, уж очень противен был возбужденный и упоенный нежданно выпавшим сча-

¹ Прорывающиеся иногда надменно-презрительные интонации легко понять, вообразив картину судилища и реакции сборища...

ем обратить на себя внимание ничтожный стихоплет Мелет¹ (Платон, с. 62, 63). В то же время Сократ не пренебрегал формальным опровержением обвинений, выполняя свой долг до конца. Так и выстраивались его выступления — ответ по пункту обвинения и размышления о себе и мире, которые, наверняка, присяжным не могли нравиться: например, рассказ о том, как его друг Херефонт вопрошал Пифию, есть ли кто мудрее Сократа, и та сказала, что нет (Платон, с. 52; Диоген Лаэртский, с. 230) или рассказ о том, как он выспрашивал людей о цели и смысле их занятий (Платон, с. 54, 55), или о много раз поминавшемся нами своем Гении-Демоне. Но больше всего Сократ говорил о смерти; и если в первой речи говорил о смерти вообще, то во второй, словно уже был приговорен к ней, а в третьей — прощаясь с земным бытием.

Судебное заседание в Афинах — действие ритуальное (о чем мы говорили); спектакль, в котором существовали столь же обязательные структурные элементы, как, скажем, хор в аттической трагедии. Почти обязательным было слезное или хотя бы трогательное воззвание подсудимого к милосердию или присутствие детей и близких, молящих о пощаде. У Сократа было три сына, один взрослый — Лампрокл, и два малолетних — Софрониск и Менексен и жена Ксантиппа... «пресловутая», поскольку ее сварливость вошла в поговорку, видимо, уже при жизни мужа; никого из них на суде не было, Сократ

¹ Должно быть, и руками размахивал, и бил себя в грудь, и ерошил волосы, что запрещалось в старых Афинах и вошло в моду от демагога и супердемократа Клеона лет 25 назад...

запретил им являться.¹ Это было нарушением обычая, вызовом. Даже сам великий Перикл, демократический диктатор, не позволял себе пренебречь формой обращения к присяжным: когда в 432 году обвинили в нечестии его возлюбленную Аспазию, он «вымолил ей пощаду, очень много слез пролил за нее во время разбирательства дела...»² Сократ слез не проливал, его дети и жена ждали его дома. Насколько все это поражало и раздражало гелиастов (и зрителей), можно понять хотя бы по тому шуму, что они время от времени поднимали (Платон, с. 52, 68; Ксенофонт «Апология», с. 94). Обвинительный вердикт становился предрешенным.

Однако, к удивлению самого подсудимого, первое голосование оказалось для него не столь уж катастрофичным: Сократ был признан виновным 281 голосом против 220; это означало, что судьи колеблются. Для оправдания не хватало 31 голоса; заседатели явно давали Сократу шанс «отбиться» от смертного исхода.

Конечно, все твердо были уверены, что подсудимый во втором «акте драмы» исправится, станет вести себя в соответствии с принятыми правилами: слезы, жалостные увещания; но самое главное, предложит себе серьезное наказание. Дело в том, что по афинским законам подсудимый, признанный

¹ Весьма загадочным штрихом в биографии Сократа являются сведения о первой (или второй?) жене Мирто; скорее всего, Мирто была так называемой гражданской наложницей, что позволялось законом — лишь бы обе женщины не жили под одной крышей...

² Плутарх. «Сравнительные жизнеописания», «Перикл», XXXII.

виновным первым голосованием, должен был противопоставить статье обвинения — свою собственную, после чего присяжные выбирали ту или другую (неизвестно, могли ли они назначить нечто «среднее», не приняв крайних оценок). Традиционно выгодным, верным приемом, чтобы смягчить сердца судей, считалось назначение подсудимым какой-то жестокой меры самому себе; жестокой, но такой, что — в силу разного рода юридических хитростей — может выполняться не до конца, оказаться спорной, когда страсти остынут...

Что же предложил себе в наказание Сократ? — «даровой обед в Пританее». То было прямым вызовом, иронией, насмешкой. В Пританее, круглом здании на Агоре (иначе называвшимся Толос) заседала, а, точнее, дежурила постоянная комиссия Совета пятисот,¹ управлявшая текущими делами Города; в Толосе кормились за общественный счет иностранные послы или почетные граждане, между прочим, победители Олимпийских игр... Следует внимательно прочесть весь абзац (Платон, с. 79—81), чтобы оценить, какую реакцию могли вызвать слова Сократа у присяжных; можно вообразить, какой шум поднялся; но, по-видимому, оратор был готов к нему и не обратил внимания...

Конечно, по стандартным меркам, поведение подсудимого было из ряда вон выходящим, диким; но почему человек, чья виновность состояла лишь в новизне философского мышления, должен был смирить свою гордость перед толпой случайных, жребием набранных судей? Тем более, человек, чья

¹ Совет Пятисот в полном составе собирался в здании Булевтерия (буле — совет; греч.)

жизнь в поступках была безупречна?! Впрочем, как мы говорили, нормами судебного разбирательства Сократ не манкировал, и потому напоследок назначил себе штраф в 30 мин, да и то по уговорам учеников и из их средств; его собственные сбережения составляли не больше одной мины.¹

После второго выступления участь подсудимого была ясна: Сократа присудили к смерти большинством, в 360 голосов; против — всего 141. Приговор гелиэи был окончательным и обжалованию не подлежал даже в Народном собрании.

По «Апологии» Платона, прозвучало еще последнее слово приговоренного. Некоторые из комментаторов сомневаются в его подлинности — не литературное ли добавление? Согласно процессуальным правилам, насколько они известны, после вынесения приговора заседание кончалось; однако косвенно о том, что еще что-то говорилось Сократом, можно вывести из «Апологии» Ксенофонта (с. 97). Возможно, это происходило в кругу сбежавшихся к нему друзей, тогда как гелиасты и насытившиеся зрелищем зеваки вставали с мест и разбредались; не будем гадать...

Приговоренного передали под надзор «Коллегии одиннадцати» (тоже избиравшейся по жребию), коллегия ведала тюрьмой и узниками, — и для философа настала пора ожидания смерти, длившаяся целый месяц, до возвращения праздничного корабля с Делоса.

Ожидание неизбежной и точно обозначенной смерти — наверное, самое тяжелое испытание: мучает

¹ Перевести на нынешний курс почти невозможно, ну, может, тысяч 100—150 (?).

воображение, картины предстоящего, подсчет оставшихся дней; не думать — немыслимо, думать — страшно. Страх и потрясение испытывали ученики; ближайший из них, Платон, заболел; Сократ был спокоен: *счастлив человек, чьи высокие убеждения управляют его чувствами!* Тем, кто навещал заключенного в тюрьме, он казался довольным и умиротворенным. За три дня до конца к нему пришел Критон, давнишний почитатель и друг. Критон предложил уйти в добровольное изгнание, даже подготовил место, где Сократа примут, дадут приют — Фессалию, дружественную Афинам, цветущую, плодородную страну. Сократ отказался. Доводы? — такого же двойного рода, как на суде: исходящие от мировоззрения и от принятых в Городе законов. Грех считать злом то, что тебе неизвестно — смерть; недостойно гражданина бежать из Города, которому он столько лет служил и словом и делом (Диалог Платона «Критон»).

На третий день после беседы с Критоном в морскую гавань Пирей вернулось праздничное судно с острова Делос, как всегда радостно приветствуемое толпой; для Сократа это означало, что час его настал. Проводить старика в дальнюю дорогу собрались немногие из друзей (быть может, небезопасно было приходиться к осужденному за нечестие). Последняя беседа — о душе; странная беседа, когда остающиеся жить утешали Сократа тем, что душа бессмертна, а обреченный спокойно говорил лишь о НАДЕЖДЕ на загробную жизнь и лишь для людей достойно и праведно прошедших свой земной путь...

Вечернее солнце поднялось над горами, служитель принес чашу с цикутой, и Сократ выпил —

легко, словно чудесное хиосское вино. Когда тело уже начало коченеть, он вдруг сказал:

— Критон, мы должны петуха Асклепию...

Эту жертву приносили богу врачевания в благодарность за исцеление; казалось, философ соглашается с уже приводившимися строчками трагического поэта, своего старинного покойного друга:

Кто скажет нам, не смерть ли жизнь земная,
И смерти час — не жизни ли начало.

ПЛАТОН

АПОЛОГИЯ СОКРАТА

*После обвинительных речей*¹

Как подействовали мои обвинители на вас, о мужи-афиняне, я не знаю; что же меня касается, то от их речей я чуть было и сам себя не забыл: так убедительно они говорили.² Тем не менее, говоря без обиняков, верно они ничего не сказали. Но сколько они ни лгали, всего больше удивился я одному — тому, что они говорили, будто вам следует остерегаться, как бы я вас не провел своим ораторским искусством; не смутиться перед тем, что они тотчас

¹ Все подзаголовки в диалогах представляют собой издательские добавления к тексту.

² Формально главным обвинителем был Мелет (поэт-трагик); сообвинители — Анит и Ликон (оратор); фактически, инициатором возбуждения дела был Анит, человек влиятельный, богатый, к тому же один из лидеров демократической партии (см. Предисловие).

же будут опровергнуты мною на деле, как только окажется, что я вовсе не силен в красноречии, это с их стороны показалось мне всего бесстыднее, конечно, если только они не считают сильным в красноречии того, кто говорит правду; а если это они разумеют, то я готов согласиться, что я — оратор, только не на их образец. Они, повторяю, не сказали ни слова правды, а от меня вы услышите ее всю. Только уж, клянусь Зевсом, афиняне, вы не услышите речи разнаряженной, украшенной, как у этих людей, изысканными выражениями, а услышите речь простую, состоящую из первых попавшихся слов. Ибо я верю, что то, что я буду говорить, — правда, и пусть никто из вас не ждет ничего другого; да и неприлично было бы мне в моем возрасте выступать перед вами, о мужи, наподобие юноши, с придуманною речью.

Так вот, я и прошу вас убедительно и умоляю, о мужи-афиняне: услышав, что я защищаюсь теми же словами, какими привык говорить и на площади у меняльных лавок, где многие из вас слышали меня, и в других местах, не удивляйтесь и не поднимайте из-за этого шума. Дело-то вот в чем: в первый раз пришел я теперь в суд, будучи семидесяти лет от роду,¹ так ведь здешний-то язык просто оказывается для меня чужим, и как вы извинили бы меня, если бы я, будучи в самом деле чужеземцем, говорил на том языке и тем складом речи, к которым привык с детства, так и теперь я прошу у вас не более, чем справедливости, как мне кажется, — позволить мне говорить по моему обычаю, хорош он

¹ Сократ родился в 469 году, суд состоялся в 399.

или нехорош — все равно, и смотреть только на то, буду ли я говорить правду или нет; в этом ведь и заключается долг судьи, долг же оратора — говорить правду.

Два рода обвинителей

И вот правильно будет, о мужи-афиняне, если сначала я буду защищаться против обвинений, которым подвергался раньше, и против первых моих обвинителей,¹ а уж потом против теперешних обвинений и против теперешних обвинителей. Ведь у меня много было обвинителей перед вами и раньше, много уже лет, и все-таки ничего истинного они не сказали; их-то опасаюсь я больше, чем Анита с товарищами. И эти тоже страшны, но те еще страшнее, о мужи! Большинство из вас они восстанавливали против меня, когда вы были детьми, и внушали вам против меня обвинение, в котором не было ни слова правды, говоря, что существует некий Сократ, мудрый муж, который испытует и исследует все, что над землею, и все, что под землею, и выдает ложь за правду. Вот эти-то люди, о мужи-афиняне, пустившие эту молву, и суть страшные мои обвинители, потому что слушающие их думают, что тот, кто исследует подобные вещи, тот и богов не признает. Кроме того, обвинителей этих много и обвиняют они уже давно, да говорили они с вами в том

¹ Этих «первых» было немало с давних пор. Ходили самого разного рода слухи о беседах и учении Сократа; рассказывали, например, что он поклоняется восходящему солнцу...

возрасте, когда вы больше всего верили на слово, будучи детьми, некоторые же юношами, словом — обвиняли заочно, в отсутствие обвиняемого. Но всего нелепее то, что и по имени-то их никак не узнаешь и не назовешь, разве вот только сочинителей комедий.¹ Ну а все те, которые воссоставляли вас против меня по зависти и злобе или потому, что сами были восстановлены другими, те всего неудобнее, потому что никого из них нельзя ни привести сюда, ни опровергнуть, а просто приходится как бы сражаться с теньями, защищаться и опровергать, когда никто не возражает. Так уж и вы тоже согласитесь, что у меня, как я сказал, два рода обвинителей: одни — обвинившие меня теперь, а другие — давнившие, о которых я сейчас говорил, и признайте, что сначала я должен защищаться против давнишних, потому что и они обвиняли меня перед вами раньше и гораздо больше, чем теперешние. Хорошо.

Критика прежних обвинителей

Итак, о мужи-афиняне, следует защищаться и постараться в малое время опровергнуть клевету, которая уже много времени держится между вами. Желал бы я, разумеется, чтобы так оно и случилось и чтобы защита моя была успешной, конечно, если

¹ Конечно, прежде всего, подразумевается знаменитый Аристофан и его знаменитая комедия «Облака», поставленная на Великих Дионисиях в 423 году, хотя тогда особого успеха не имела и заняла только третье место (см. также: Предисловие).

это к лучшему и для вас, и для меня. Только я думаю, что это трудно, и для меня вовсе не тайна, какое это предприятие. Ну да уж относительно этого пусть будет, как угодно богу, а закон следует исполнять и защищаться.

Припомним же сначала, в чем состоит обвинение, от которого пошла обо мне дурная молва, полагаясь на которую Мелет и подал на меня жалобу. Хорошо. В каких именно выражениях клеветали на меня клеветники? Следует привести их показание, как показание настоящих обвинителей: Сократ претупает закон, тщетно испытывая то, что под землею, и то, что в небесах, выдавая ложь за правду и других научая тому же. Вот в каком роде это обвинение. Вы и сами видели в комедии Аристофана,¹ как какой-то Сократ болтается там в корзине, говоря, что он гуляет по воздуху, и несет еще много разного вздору, в котором я ничего не смыслю. Говорю я это не в укор подобной науке и тому, что достиг мудрости в подобных вещах (недоставало, чтобы Мелет обвинил меня еще и в этом!), а только ведь это, о мужи-афиняне, насколько меня не касается. А в свидетели этого призываю большинство из вас самих и требую, чтобы это дело обсудили между собою все те, кто когда-либо меня слышал; ведь из вас много таких. Спросите же друг у друга, слышал ли кто из вас когда-либо, чтобы я хоть сколько-нибудь рассуждал о подобных вещах, и тогда вы узнаете, что настолько же справедливо и все остальное, что обо мне говорят.

¹ В «Облаках» Сократ представлен софистом и безбожником.

А если еще, кроме всего подобного, вы слышали от кого-нибудь, что я берусь воспитывать людей и зарабатываю этим деньги, то и это неправда; хотя мне кажется, что и это дело хорошее, если кто способен воспитывать людей, как, например, леонтинаец Горгий, кеосец Продик, элидец Гиппий.¹ Все они, о судьи, разъезжают по городам и убеждают юношей, которые могут даром пользоваться наставлениями любого из своих сограждан, оставлять своих и поступать к ним в ученики, платя им деньги, да еще с благодарностью. А вот и еще, как я узнал, проживает здесь один ученый муж с Пароса. Встретился мне на дороге человек, который переплатил софистам денег больше, чем все остальные вместе,— Каллий, сын Гиппоника; я и говорю ему (а у него двое сыновей): «Каллий! Если бы твои сыновья родились жеребятами или бычками, то нам следовало бы нанять для них воспитателя, который бы усовершенствовал присущую им породу, и человек этот был бы из наездников или земледельцев; ну а теперь, раз они люди, кого думаешь взять для них в воспитателя? Кто бы это мог быть знатоком подобной доблести, человеческой или гражданской? Полагаю, ты об этом подумал, приобретя сыновей? Есть ли таковой, спрашиваю, или нет?» «Конечно,— отвечает он, —

¹ Сократ за обучение денег не брал, да и не считал, что кого-то учит, хотя его беседы, часто затевавшиеся случайно на улицах или в лавках, пользовались большой популярностью. Сократ также редко покидал Афины, тогда как известный ритор и оратор Горгий (485—380) и софисты Продик и Гиппий (из Элиды) разъезжали по всей Греции.

есть». «Кто же это? — спрашиваю я. — Откуда он и сколько берет за обучение?» «Эвен, — отвечает он, — с Пароса, берет по пяти мин, Сократ». И благословил я этого Эвена, если правда, что он обладает таким искусством и так недорого берет за обучение.¹ Я бы и сам чванился и гордился, если бы был искусен в этом деле; только ведь я в этом не искусен, о мужи-афиняне!

Может быть, кто-нибудь из вас возразит: «Однако, Сократ, чем же ты занимаешься? Откуда на тебя эти клеветы? В самом деле, если бы сам ты не занимался чем-нибудь особенным, то и не говорили бы о тебе так много. Скажи нам, что это такое, чтобы зря не выдумывать». Вот это, мне кажется, правильно, и я сам постараюсь вам показать, что именно дало мне известность и навлекло на меня клевету. Слушайте же. И хотя бы кому-нибудь из вас показалось, что я шучу, будьте уверены, что я говорю сушую правду. Эту известность, о мужи-афиняне, получил я не иным путем, как благодаря некоторой мудрости. Какая же это такая мудрость? Да уж, должно быть, человеческая мудрость. Этой мудростью я, пожалуй, в самом деле мудр; а те, о которых я сейчас говорил, мудры или сверхчеловеческой мудростью, или уж не знаю, как и сказать; что же меня касается, то, я, конечно, этой мудрости не понимаю, а кто утверждает обратное, тот лжет и говорит это для того, чтобы оклеветать меня. И вы не шумите, о мужи-афиняне, даже если вам покажется, что я говорю несколько высокомерно; не свои слова буду я говорить, а сошлюсь на слова, для вас достоверные. Свидетелем моей мудрости, если

¹ Персонажи рассказанной истории: Эвен — поэт и софист, Каллий — весьма богатый афинянин.

только это мудрость, и того, в чем она состоит, я приведу вам бога, который в Дельфах.¹ Ведь вы знаете Херефонта.² Человек этот смолоду был и моим, и вашим приверженцем, разделял с вами изгнание и возвратился вместе с вами. И вы, конечно, знаете, каков был Херефонт, до чего он был неуправляем во всем, что бы ни затевал. Ну вот же, приехав однажды в Дельфы, дерзнул он обратиться к оракулу с таким вопросом. Я вам сказал не шумите, о мужи! Вот он и спросил, есть ли кто-нибудь на свете мудрее меня, и Пифия³ ему ответила, что никого нет мудрее. И хотя сам он умер, но вот брат его засвидетельствует вам об этом.

Посмотрите теперь, зачем я это говорю; ведь мое намерение — объяснить вам, откуда пошла клевета на меня. Услыхав это, стал я размышлять сам с собою таким образом: что бы такое бог хотел сказать и что это он подразумевает? Потому что

¹ Аполлон или Феб (Блистающий); он считался и важнейшим богом-предсказателем, обладавшим даром предвидения.

² Старинный друг Сократа, изгнанный из Афин в период диктатуры Тридцати тиранов.

³ Жрица-вещательница в храме Аполлона в Дельфах. В качестве посредницы между богом и вопрошающими людьми избиралась обычно женщина старше 50; она отпивала глоток воды из священного ручья Кассотиды, жевала листья священного лавра и садилась на золотой треножник над расселиной в скале; из расселины поднимались серные пары, надышавшись которыми она приходила в экстатическое состояние. Ее пророчества истолковывались жрецами-служителями храма и передавались в форме запоминающихся, хотя иногда темных по смыслу, афоризмов — оракулов.

сам я, конечно, нимало не сознаю себя мудрым; что же это он хочет сказать, говоря, что я мудрее всех? Ведь не может же он лгать: не полагается ему это. Долго я недоумевал, что такое он хочет сказать; потом, собравшись с силами, прибегнул к такому решению вопроса: пошел я к одному из тех людей, которые слынут мудрыми, думая, что тут-то я скорее всего опровергну прорицание, объявив оракулу, что вот этот, мол, мудрее меня, а ты меня назвал самым мудрым. Ну и когда я присмотрелся к этому человеку — называть его по имени нет никакой надобности, скажу только, что человек, глядя на которого я увидел то, что я увидел, был одним из государственных людей, о мужи-афиняне, — так вот, когда я к нему присмотрелся (да побеседовал с ним), то мне показалось, что этот муж только кажется мудрым и многим другим, и особенно самому себе, а чтобы в самом деле он был мудрым, этого нет; и я старался доказать ему, что он только считает себя мудрым, а на самом деле не мудр. От этого и сам он, и многие из присутствовавших возненавидели меня. Уходя оттуда, я рассуждал сам с собою, что этого-то человека я мудрее, потому что мы с ним, пожалуй, оба ничего в совершенстве не знаем, но он, не зная, думает, что что-то знает, а я коли уж не знаю, то и не думаю, что знаю. На такую-то малость, думается мне, я буду мудрее, чем он, раз я, не зная чего-то, и не воображаю, что знаю эту вещь. Оттуда я пошел к другому, из тех, которые кажутся мудрее, чем тот, и увидел то же самое; и с тех пор возненавидели меня и сам он, и многие другие.

Ну и после этого стал я уже ходить по порядку. Замечал я, что делаюсь ненавистным, огорчался

этим и боялся этого, но в то же время мне казалось, что слова бога необходимо ставить выше всего. Итак, чтобы понять, что означает изречение бога, мне казалось необходимым пойти ко всем, которые слывут знающими что-либо. И, клянусь собакой,¹ о мужи-афиняне, уж вам-то я должен говорить правду, что я поистине испытал нечто в таком роде: те, что пользуются самую большую славой, показались мне, когда я исследовал дело по указанию бога, чуть ли не самыми бедными разумом, а другие, те, что считаются похуже, — более их одаренными. Но нужно мне рассказать вам о том, как я странствовал, точно я труд какой-то нес, и все это для того только, чтобы прорицание оказалось неопровергнутым. После государственных людей ходил я к поэтам и к трагическим, и к дифирамбическим, и ко всем прочим, чтобы на месте уличить себя в том, что я невежественнее, чем они. Брал я те из их произведений, которые, как мне казалось, всего тщательнее ими отработаны, и спрашивал у них, что именно они хотели сказать, чтобы, кстати, и научиться от них кое-чему. Стыдно мне, о мужи, сказать вам правду, а сказать все-таки следует. Ну да, одним словом, чуть ли не все присутствовавшие лучше могли бы объяснить то, что сделано этими поэтами, чем они сами. Таким образом, и относительно поэтов вот что я узнал в короткое время: не мудростью могут они творить то, что они творят, а какую-то прирожденную способностью и в исступлении, подобно гада-

¹ С грустной иронией Сократ клянется собакой; впрочем, возможно, он любил собак и относился к ним с таким же почитанием, как древние египтяне.

телям и прорицателям; ведь и эти тоже говорят много хорошего, но совсем не знают того, о чем говорят. Нечто подобное, как мне показалось, испытывают и поэты; и в то же время я заметил, что вследствие своего поэтического дарования они считали себя мудрейшими из людей и в остальных отношениях, чего на деле не было. Ушел я и оттуда, думая, что превосхожу их тем же самым, чем и государственных людей.

Под конец уж пошел я к ремесленникам. Про себя я знал, что я попросту ничего не знаю, ну а уж про этих мне было известно, что я найду их знающими много хорошего. И в этом я не ошибся: в самом деле, они знали то, чего я не знал, и этим были мудрее меня. Но, о мужи-афиняне, мне показалось, что они грешили тем же, чем и поэты: оттого, что они хорошо владели искусством, каждый считал себя самым мудрым также и относительно прочего, самого важного, и эта ошибка заслоняла собою ту мудрость, какая у них была; так что, возвращаясь к изречению, я спрашивал сам себя, что бы я для себя предпочел, оставаться ли мне так, как есть, не будучи ни мудрым их мудростью, ни невежественным их невежеством, или, как они, быть и тем и другим. И я отвечал самому себе и оракулу, что для меня выгоднее оставаться как есть.

Вот от этого самого исследования, о мужи-афиняне, с одной стороны, многие меня возненавидели, притом как нельзя сильнее и глубже, отчего произошло и множество клевет, а с другой стороны, начали мне давать это название мудреца, потому что присутствующие каждый раз думают, что сам я мудр в том, относительно чего я отрицаю мудрость другого. А на самом деле, о мужи, мудрым-то ока-

зывается бог, и этим изречением он желает сказать, что человеческая мудрость стоит немногого или вовсе ничего не стоит, и, кажется, при этом он не имеет в виду именно Сократа, а пользуется моим именем для примера, все равно как если бы он говорил, что из вас, о люди, мудрейший тот, кто, подобно Сократу, знает, что ничего-то по правде не стоит его мудрость. Ну и что меня касается, то я и теперь, обходя разные места, выискиваю и допытываюсь по слову бога, не покажется ли мне кто-нибудь из граждан или чужеземцев мудрым, и, как только мне это не кажется, спешу поддержать бога и показываю этому человеку, что он не мудр. И благодаря этой работе не было у меня досуга сделать что-нибудь достойное упоминания ни для города, ни для домашнего дела, но через эту службу богу пребываю я в крайней бедности.

Кроме того, следующие за мною по собственному почину молодые люди, у которых всего больше досуга, сыновья самых богатых граждан, рады бывают послушать, как я испытываю людей, и часто подражают мне сами, принимаясь пытаться других; ну и я полагаю, что они находят многое множество таких, которые думают, что они что-то знают, а на деле ничего не знают или знают одни пустяки. От этого те, кого они испытывают, сердятся не на самих себя, а на меня и говорят, что есть какой-то Сократ, негоднейший человек, который развращает молодых людей. А когда спросят их, что он делает и чему он учит, то они не знают, что сказать, но, чтобы скрыть свое затруднение, говорят то, что вообще принято говорить обо всех любителях мудрости: он-де занимается тем, что в небесах и под землю, богов не признает, ложь выдает за истину. А сказать

правду, думаю, им не очень-то хочется, потому что тогда оказалось бы, что они только делают вид, будто что-то знают, а на деле ничего не знают. Ну а так как они, думается мне, честолюбивы, могущественны и многочисленны и говорят обо мне согласно и убедительно, то и переполнили ваши уши, клевета на меня издавна и громко. От этого обрушились на меня и Мелет, и Анит, и Ликон: Мелет, негодуя за поэтов, Анит — за ремесленников, а Ликон — за риторов. Так что я удивился бы, как говорил вначале, если бы оказался способным опровергнуть перед вами в столь малое время столь великую клевету. Вот вам, о мужи-афиняне, правда, как она есть, и говорю я вам без утайки, не умалчивая ни о важном, ни о пустяках. Хотя я, может быть, и знаю, что через это становлюсь ненавистным, но это и служит доказательством, что я сказал правду и что в этом-то и состоит клевета на меня и таковы именно ее причины. И когда бы вы ни стали исследовать это дело, теперь или потом, всегда вы найдете, что это так.

Критика новых обвинителей

Итак, что касается первых моих обвинителей, этой моей защиты будет для вас достаточно; а теперь я постараюсь защищаться против Мелета, любящего, как он говорит, наш город, и против остальных обвинителей. Опять-таки, конечно, примем их обвинение за формальную присягу других обвинителей. Кажется, так: Сократ, говорят они, преступает закон тем, что развращает молодых людей, и богов, которых признает город, не признает, а признает другие, но-

вые божественные знамения. Таково именно обвинение,¹ рассмотрим же каждое слово этого обвинения отдельно. Мелет говорит, что я преступаю закон, развращая молодых людей, а я, о мужи-афиняне, утверждаю, что преступает закон Мелет, потому что он шутит важными вещами и легкомысленно призывает людей на суд, делая вид, что он заботится и печалится о вещах, до которых ему никогда не было никакого дела; а что оно так, я постараюсь показать это и вам.

— Ну вот, Мелет, скажи-ка ты мне: не правда ли, для тебя очень важно, чтобы молодые люди были как можно лучше?

— Конечно.

— В таком случае скажи-ка ты вот этим людям, кто именно делает их лучшими? Очевидно, ты знаешь, коли заботишься об этом. Развратителя ты нашел, как говоришь: привел сюда меня и обвиняешь; а назови-ка теперь того, кто делает их лучшими, напхни им, кто это. Вот видишь, Мелет, ты молчишь и не знаешь что сказать. И тебе не стыдно? И это не кажется тебе достаточным доказательством, что тебе нет до этого никакого дела? Однако, добрейший, говори же: кто делает их лучшими?

— Законы.

— Да не об этом я спрашиваю, любезнейший, а о том, кто эти люди, что прежде всего знают их, эти законы.

— А вот они, Сократ, — судьи.

— Что ты говоришь, Мелет! Вот эти самые люди способны воспитывать юношей и делать их лучшими?

— Как нельзя более.

¹ Полный текст обвинения — см.: Диоген Лаэртций. «Сократ».

— Все? Или одни способны, а другие нет?

— Все.

— Хорошо же ты говоришь, клянусь Герой,¹ и какое множество людей, полезных для других! Ну а вот они, слушающие, делают юношей лучшими или же нет?

— И они тоже.

— А члены Совета?

— Да, и члены Совета.²

— Но в таком случае, Мелет, не портят ли юношей те, что участвуют в Народном собрании? Или и те тоже, все до единого, делают их лучшими?

— И те тоже.

— По-видимому, кроме меня, все афиняне делают их добрыми и прекрасными, только я один порчу. Ты это хочешь сказать?

— Как раз это самое.

— Большое же ты мне, однако, приписываешь несчастье. Но ответь-ка мне: кажется ли тебе, что также бывает и относительно лошадей, что улучшают их все, а портит кто-нибудь один? Или же совсем напротив, улучшать способен кто-нибудь один или очень немногие, именно знатоки верховой езды, а когда ухаживают за лошадьми и пользуются ими все, то портят их? Не бывает ли, Мелет, точно так же не только относительно лошадей, но и относительно всех других животных? Да уж само собою

¹ Гера — верховная богиня, царица богов, дочь Кроноса и Реи, супруга Зевса.

² Члены Совета пятисот, высшего административного органа Афин, собиравшегося по мере надобности; его постоянно действующая комиссия из 50 пританов ведала текущими делами.

разумеется, согласны ли вы с Анитом на это или не согласны, потому что это было бы удивительное счастье для юношей, если бы их портил только один, остальные же приносили бы им пользу. Впрочем, Мелет, ты достаточно показал, что никогда не заботился о юношах, и ясно обнаруживаешь свое равнодушие: тебе нет никакого дела до того самого, из-за чего ты привел меня в суд.

А вот, Мелет, скажи нам еще, ради Зевса: что приятнее, жить ли с хорошими гражданами или с дурными? Ну, друг, отвечай! Я ведь не спрашиваю ничего трудного. Не причиняют ли дурные какого-нибудь зла тем, которые всегда с ними в самых близких отношениях, а хорошие — какого-нибудь добра?

— Конечно.

— Так найдется ли кто-нибудь, кто желал бы скорее получать от ближних вред, чем пользу? Отвечай, добрейший, ведь и закон повелевает отвечать. Существует ли кто-нибудь, кто желал бы получать вред?

— Конечно, нет.

— Ну вот. А привел ты меня сюда как человека, который портит и ухудшает юношей намеренно или ненамеренно?

— Который портит намеренно.

— Как же это так, Мелет? Ты, такой молодой, настолько мудрее меня, что тебе уже известно, что злые причиняют своим ближним какое-нибудь зло, а хорошие — добро, а я, такой старый, до того невежествен, что не знаю даже, что если я кого-нибудь из близких сделаю негодным, то должен опасаться от него какого-нибудь зла, и вот такое-то великое зло я добровольно на себя навлекаю, как ты ут-

верждаешь! В этом я тебе не поверю, Мелет, да и никто другой, я думаю, не поверит. Но или я не порчу, или если порчу, то ненамеренно; таким образом, у тебя-то выходит ложь в обоих случаях. Если же я порчу ненамеренно, то за такие невольные проступки не следует по закону приводить сюда, а следует, обратившись частным образом, учить и наставлять; потому, ясное дело, что, уразумевши, я перестану делать то, что делаю ненамеренно. Ты же меня избегал и не хотел научить, а привел меня сюда, куда по закону следует приводить тех, которые имеют нужду в наказании, а не в научении.

Но ведь это уже ясно, о мужи-афиняне, что Мелету, как я говорил, никогда не было до этих вещей никакого дела; а все-таки ты нам скажи, Мелет, каким образом, по-твоему, порчу я юношей? Не ясно ли, по обвинению, которое ты против меня подал, что я порчу их тем, что учу не почитать богов, которых почитает город, а почитать другие, новые божественные знамения? Не это ли ты разумеешь, говоря, что своим учением я врежу?

— Вот именно это самое.

— Так ради них, Мелет, ради этих богов, о которых теперь идет речь, скажи еще раз то же самое яснее и для меня, и для этих вот мужей. Дело в том, что я не могу понять, что ты хочешь сказать: то ли, что некоторых богов я учу признавать, а следовательно, и сам признаю богов, так что я не совсем безбожник и не в этом мое преступление, а только я учу признавать не тех богов, которых признает город, а других, и в этом-то ты меня и обвиняешь, что я признаю других богов; или же ты утверждаешь, что я вообще не признаю богов, и не только сам не признаю, но и других этому научаю.

— Вот именно, я говорю, что ты вообще не признаешь богов.

— Удивительный ты человек, Мелет! Зачем ты это говоришь? Значит, я не признаю богами ни Солнце, ни Луну, как признают прочие люди?

— Право же так, о мужи-судьи, потому что он утверждает, что Солнце — камень, а Луна — земля.

— Берешься обвинять Анаксагора, друг Мелет, и так презираешь судей и считаешь их столь несведущими по части литературы! Ты думаешь, им неизвестно, что книги Анаксагора Клазоменского¹ переполнены подобными мыслями? А молодые люди, оказывается, узнают это от меня, когда они могут узнать то же самое, заплативши за это в оркестре² иной раз не больше драхмы, и потом смеяться над Сократом, если бы он приписывал эти мысли себе, к тому же еще столь нелепые! Но скажи, ради Зевса, так-таки я, по-твоему, никаких богов и не признаю?

— То есть вот ничутьки!

— Это невероятно, Мелет, да, мне кажется, ты и сам этому не веришь. Что касается меня, о мужи-афиняне, то мне кажется, что человек этот большой наглец и озорник и что он подал на меня эту жалобу просто по наглости и озорству да еще по молодости лет. Похоже, что он придумал загадку и пробует:

¹ Анаксагор из Клазомен (ок. 500—428), долго жил в Афинах. Знаменитый философ, занимавшийся натурфилософией (природными явлениями), космогонией, теориями мироздания. За это был обвинен в безбожии и изгнан из Афин.

² Оркестра — скорее всего, известная всем книжная лавка на рыночной площади.

заметит ли Сократ, наш мудрец, что я шучу и противоречу сам себе, или мне удастся провести и его, и прочих слушателей? Потому что мне кажется, что в своем обвинении он сам себе противоречит, все равно как если бы он сказал: Сократ нарушает закон тем, что не признает богов, а признает богов. Ведь это же шутка!

Ну вот посмотрите, так ли он это говорит, как мне кажется. Ты, почтеннейший Мелет, отвечай нам, а вы помните, о чем я вас просил вначале, — не шуметь, если я буду говорить по-своему. Есть ли, Мелет, на свете такой человек, который дела бы людские признавал, а людей не признавал? Скажите ему, о мужи, чтобы он отвечал, а не шумел бы то и дело. Есть ли на свете кто-нибудь, кто бы лошадей не признавал, а все лошадиное признавал бы? Или: флейтистов бы не признавал, а игру на флейте признавал бы? Не существует такого, любезнейший! Если ты не желаешь отвечать, то я сам буду говорить тебе, а также вот и им. Ну а уж на следующее ты должен сам ответить: есть ли на свете кто-нибудь, кто бы знамения божественные признавал, а гениев бы не признавал? ¹

— Нет.

— Наконец-то! Как это хорошо, что они тебя заставили ответить! Итак, ты утверждаешь, что бо-

¹ Гении, или демоны — божественные существа, с которыми связывались странные и таинственные явления; различались демоны, враждебные человеку или добрые, охраняющие. Для Сократа — это был некий внутренний голос, предостерегавший его, направлявший, иногда предсказывавший грядущее (см. Предисловие и Плутарх «О демоне Сократа»).

жественные знамения я признаю и научаю других признавать — новые или старые все равно, только уж самые-то божественные знамения признаю, как ты говоришь, и ты подтвердил это клятвою; а если я признаю божественные знамения, то мне уже никак невозможно не признавать гениев. Разве не так? Конечно, так. Принимаю, что ты согласен, если не отвечаешь. А не считаем ли мы гениев или богами, или детьми богов? Да или нет?

— Конечно, считаем.

— Итак, если гениев я признаю, как ты утверждаешь, а гении суть своего рода боги, то оно и выходит так, как я сказал, что ты шутишь и предлагаешь загадку, утверждая, что я не признаю богов и в то же время, что я признаю богов, потому что гениев-то я, по крайней мере, признаю. А с другой стороны, если гении вроде как побочные дети богов, от нимф или каких-то еще существ, как это и принято думать, то какой же человек, признавая божьих детей, не будет признавать богов? Это было бы так же нелепо, как если бы кто-нибудь признавал, что существуют мулы — лошадиные и ослиные дети, а что существуют лошади и ослы, не признавал бы. Нет, Мелет, не может быть, чтобы ты подал это обвинение иначе, как желая испытать нас, или же ты недоумевал, в каком бы настоящем преступлении обвинить меня. А чтобы ты мог убедить кого-нибудь, у кого есть хоть немного ума, что один и тот же человек может и признавать и демоническое, и божественное и в то же время не признавать ни демонов, ни богов, это никоим образом невозможно.

Впрочем, о мужи-афиняне, что я невиновен в том, в чем меня обвиняет Мелет, это, мне кажется, не требует дальнейших доказательств, довольно бу-

дет и сказанного. А что у многих явилось против меня сильное ожесточение, о чем я и говорил вначале, это, будьте уверены, истинная правда. И если что погубит меня, так именно это; не Мелет и не Анит, а клевета и недоброжелательство многих — то, что погубило уже немало честных людей, думаю, что и еще погубит. Не думайте, что дело на мне остановится!

Сократ о самом себе

Но, пожалуй, кто-нибудь скажет: не стыдно ли тебе, Сократ, заниматься таким делом, от которого, может быть, тебе придется теперь умереть? А на это я по справедливости могу возразить: нехорошо ты это говоришь, мой милый, будто человеку, который приносит хотя бы малую пользу, следует принимать в расчет смерть, а не думать всегда лишь о том, делает ли он дела справедливые или несправедливые, дела доброго человека или злого. Плохими, по твоему рассуждению, окажутся все те полубоги, которые пали под Троей, в том числе и сын Фетиды, который из страха сделать что-нибудь постыдное до того презирал опасность, что, когда мать его, богиня, видя, что он горит желанием убить Гектора, сказала ему, помнится так: «Дитя мое, если ты отомстишь за убийство друга твоего Патрокла и убьешь Гектора, то сам умрешь: Скоро за сыном Приама конец и тебе уготован»,¹ — он, услышав это, не посмотрел на смерть и опасность, а гораздо больше убоялся остаться в живых, будучи трусом и не мстя за друзей.

¹ Речь идет об Ахилле (Илиада, XVIII, 995).

«Умереть бы, — говорит он, — мне тотчас, покарав обидчика, только бы не оставаться еще здесь, у кораблей дуговидных, посмешищем для народа и бременем для земли». Кажется ли тебе, что он подумал при этом о смерти и об опасности? Вот оно как бывает поистине, о мужи-афиняне: где кто поставил себя, думая, что для него это самое лучшее место, или же поставлен начальником, там и должен переносить опасность, не принимая в расчет ничего, кроме позора, — ни смерти, ни еще чего-нибудь.

Было бы ужасно, о мужи-афиняне, если бы, после того как я оставался в строю, как и всякий другой, и подвергался опасности умереть тогда, когда меня ставили начальники, вами выбранные для начальства надо мною, — под Потидеей, Амфиполем и Делием,¹ — если бы теперь, когда меня поставил сам бог для того, думаю, чтобы мне жить, занимаясь философией, и испытывать самого себя и других, если бы теперь я испугался смерти или еще чего-нибудь и бежал из строя; это было бы ужасно, и тогда в самом деле можно было бы по справедливости судить меня за то, что я не признаю богов, так как не слушаюсь оракула, боюсь смерти и считаю себя мудрым, не будучи таковым, потому что бояться смерти есть не что иное, как думать, что знаешь то, чего не знаешь. Ведь никто же не знает ни того, что такое смерть, ни того, не есть ли она для человека величайшее из благ, а все боятся ее, как будто знают наверное, что она есть величайшее из зол. Но не самое ли это позорное невежество — думать, что знаешь то, чего не знаешь? Что же меня касается, о мужи, то, пожалуй, я и тут отличаюсь от большинства людей только одним: если

¹ Сражения, в которых Сократ участвовал.

я кому-нибудь и кажусь мудрее других, то разве только тем, что, недостаточно зная об Аиде,¹ так и думаю, что не знаю. А что нарушать закон и не слушать того, кто лучше меня, будь то бог или человек, нехорошо и постыдно — это вот я знаю. Никогда поэтому не буду я бояться и избегать того, что может оказаться и благом, более, чем того, что наверное есть зло. Так что если бы вы меня отпустили, не поверив Аниту, который сказал, что или мне вообще не следовало приходить сюда, а уж если пришел, то невозможно не казнить меня, и внушал вам, что если я уйду от наказания, то сыновья ваши, занимаясь тем, чему учит Сократ, развратятся уже вконец все до единого, — даже если бы вы меня отпустили и при этом сказали мне: на этот раз, Сократ, мы не согласимся с Анитом и отпустим тебя, с тем, однако, чтобы ты больше не занимался этим исследованием и оставил философию, а если еще раз будешь в этом уличен, то должен будешь умереть, — так вот, говорю я, если бы вы меня отпустили на этом условии, то я бы вам сказал: «Желать вам всякого добра — я желаю, о мужи-афиняне, и лоблю вас, а слушаться буду скорее бога, чем вас, и, пока есть во мне дыхание и способность, не перестану философствовать, уговаривать и убеждать всякого из вас, кого только встречу, говоря то самое, что обыкновенно говорю: о лучший из мужей,

¹ Аид — подземный мир, где пребывают тени-души умерших, а также сам бог смерти. Царство мертвых — по некоторым представлениям — делилось на четыре части: Эреб, в котором блуждают души не получивших погребения; Тартар — обиталище титанов и свергнутых божеств; Аид — место, где грешники несут наказание; Елисейские поля — счастливый мир праведников.

гражданин города Афин, величайшего из городов и больше всех прославленного за мудрость и силу, не стыдно ли тебе, что ты заботаешься о деньгах, чтобы их у тебя было как можно больше, о славе и почестях, а о разумности, об истине и о душе своей, чтобы она была как можно лучше, не заботаешься и не помышляешь?» И если кто из вас станет возражать и утверждать, что он об этом заботится, то я не оставлю его и не уйду от него тотчас же, а буду его расспрашивать, пытаться, опровергать и, если мне покажется, что в нем нет доблести, а он только говорит, что есть, буду попрекать его за то, что он самое дорогое не ценит ни во что, а плохое ценит дороже всего. Так я буду поступать со всяким, кого только встречу, с молодым и старым, с чужеземцами и с вами, с вами особенно, потому что вы мне ближе по крови. Могу вас уверить, что так велит бог, и я думаю, что во всем городе нет у вас большего блага, чем это мое служение богу. Ведь я только и делаю, что хожу и убеждаю каждого из вас, молодого и старого, заботиться раньше и сильнее не о телах ваших или о деньгах, но о душе, чтобы она была как можно лучше, говоря вам: не от денег рождается доблесть, а от доблести бывают у людей и деньги, и все прочие блага, как в частной жизни, так и в общественной. Да, если бы такими словами я развращал юношей, то слова эти были бы вредными. А кто утверждает, что я говорю что-нибудь другое, а не это, тот несет вздор. Вот почему я могу вам сказать, афиняне: послушаетесь вы Анита или нет, отпустите меня или нет — поступать иначе, чем я поступаю, я не буду, даже если бы мне предстояло умирать много раз.

Не шумите, мужи-афиняне, исполните мою просьбу — не шуметь по поводу того, что я говорю, а слушать; слушать вам будет полезно, как я думаю.

Я намерен сказать вам и еще кое-что, от чего вы, наверное, пожелаете кричать, только вы никоим образом этого не делайте. Будьте уверены, что если вы меня такого, как я есть, убьете, то вы больше повредите себе, нежели мне. Мне-то ведь не будет никакого вреда ни от Мелета, ни от Анита, да они и не могут мне повредить, потому что я не думаю, чтобы худшему было позволено вредить лучшему. Разумеется, он может убить, изгнать из отечества, отнять все права. Но ведь это он или еще кто-нибудь считает все подобное за великое зло, а я не считаю; гораздо же скорее считаю я злом именно то, что он теперь делает, замышляя несправедливо осудить человека на смерть. Таким образом, о мужи-афиняне, я защищаюсь теперь совсем не ради себя, как это может казаться, а ради вас, чтобы вам, осудивши меня на смерть, не проглядеть дара, который вы получили от бога. В самом деле, если вы меня убьете, то вам нелегко будет найти еще такого человека, который, смешно сказать, приставлен к городу как овод к лошади, большой и благородной, но облепившейся от тучности и нуждающейся в том, чтобы ее подгоняли. В самом деле, мне кажется, что бог послал меня городу как такого, который целый день, не переставая, всюду садится и каждого из вас будит, уговаривает, упрекает. Другого такого вам нелегко будет найти, о мужи, а меня вы можете сохранить, если вы мне поверите. Но очень может статься, что вы, как люди, которых будят во время сна, ударите меня и с легкостью убьете, послушавшись Анита, и тогда всю остальную вашу жизнь проведете во сне, если только бог, жалея вас, не пошлет вам еще кого-нибудь. А что я такой как будто бы дан городу богом, это вы можете усмотреть вот из чего: похоже

ли на что-нибудь человеческое, что я забросил все свои собственные дела и сколько уже лет терпеливо переношу упадок домашнего хозяйства, а вашим делом занимаюсь всегда, обращаясь к каждому частным образом, как отец или старший брат, и убеждая заботиться о добродетели. И если бы я от этого пользовался чем-нибудь и получал бы плату за эти наставления, тогда бы еще был у меня какой-нибудь расчет, а то сами вы теперь видите, что мои обвинители, которые так бесстыдно обвиняли меня во всем прочем, тут, по крайней мере, оказались неспособными к бесстыдству и не представили свидетеля, который показал бы, что я когда-либо получал какую-нибудь плату или требовал ее; потому, думаю, что я могу представить верного свидетеля того, что я говорю правду, — мою бедность.

Может в таком случае показаться странным, что я подаю эти советы частным образом, обходя всех и во все вмешиваясь, а выступать всенародно в вашем собрании и давать советы городу не решаюсь. Причина этому та самая, о которой вы частью и повсюду от меня слышали, а именно, что мне бывает какое-то чудесное божественное знамение; ведь над этим и Мелет посмеялся в своей жалобе. Началось у меня это с детства: вдруг — какой-то голос,¹ который всякий раз отклоняет меня от того, что я бываю намерен делать, а склонять к чему-нибудь никогда не склоняет. Вот этот-то голос и не допускает меня заниматься государственными делами. И кажется, прекрасно делает, что не допускает. Будьте уверены, о мужи-афиняне, что если бы я

¹ Все тот же внутренний голос; предчувствия, знаки из будущего.

попробовал заниматься государственными делами, то уже давно бы погиб и не принес бы пользы ни себе, ни вам. И вы на меня не сердитесь, если я вам скажу правду: нет такого человека, который мог бы уцелеть, если бы стал откровенно противиться вам или какому-нибудь другому большинству и хотел бы предотвратить все то множество несправедливостей и беззаконий, которые совершаются в государстве. Нет, кто в самом деле ратует за справедливость, тот, если ему и суждено уцелеть на малое время, должен оставаться честным человеком, а вступать на общественное поприще не должен.

Доказательства этого я вам представлю самые веские, не рассуждения, а то, что вы цените дороже — дела. Итак, выслушайте, что со мною случилось, и тогда вы увидите, что и под страхом смерти никого не могу послушаться вопреки справедливости, а не слушаясь, могу от этого погибнуть. То, что я намерен вам рассказать, досадно и скучно слушать, зато это истинная правда. Никогда, афиняне, не занимал я в городе никакой другой должности, но в Совете я был.¹ И пришла нашей филе Антиохиде очередь заседать в то время, когда вы желали судить огулом десятерых стратегов, которые не подобрали пострадавших в морском сражении,² — судить незаконно, как вы сами признали это впоследствии. Тогда я, единственный из пританов, восстал против

¹ В 406 году Сократ был избран в Совет пятисот.

² Речь идет о морском сражении при Аргинузских островах (406 год). Афиняне одержали блестящую победу, но буря помешала подобрать оставшихся на разбитых судах и похоронить погибших. За это Народное собрание призвало к ответу стратегов; шесть из них, явившиеся на

нарушения закона, и в то время, когда ораторы готовы были обвинить меня и посадить в тюрьму и вы сами этого требовали и кричали, — в то время я думал, что мне скорее следует, несмотря на опасность, стоять на стороне закона и справедливости, нежели из страха перед тюрьмою или смертью быть заодно с вами, желающими несправедливого. Это еще было тогда, когда город управлялся народом, а когда наступила олигархия, то и Тридцать в свою очередь призвали меня и еще четверых граждан в Круглую палату и велели нам привести из Саламина саламинца Леонта,¹ чтобы казнить его. Многие в этом роде приказывали они делать и многим другим, желая отыскать как можно больше виновных. Только и на этот раз опять я доказал не словами, а делом, что для меня смерть, если не грубо так выразиться, — самое пустое дело, а вот воздерживаться от всего незаконного и безбожного — это для меня самое важное. Таким образом, как ни могущественно было

суд, были казнены (в том числе Перикл, сын великого Перикла и знаменитой гетеры Аспазии). Процесс был незаконным, поскольку решение вопроса входило в компетенцию гелиэи (присяжных), и, кроме того, нельзя было судить всех шестерых одним махом. Сократ, исполнявший должность эпистата-председателя, оказался единственным, кто возражал против общего вопля-требования предать смерти руководителей флота (см. также: Ксенофонт. «Воспоминания о Сократе», прим. к с. 107).

¹ Круглая палата (Толос) — здание, где при демократическом правлении заседали пританы. Леонт Саламинский, богатый афинянин, пал жертвою террора при Тридцати тиранах; приказ о его аресте был дан пяти афинянам, и только Сократ отказался исполнять его и вернулся домой.

это правительство, а меня оно не испугало настолько, чтобы заставить сделать что-нибудь несправедливое, но, когда вышли мы из Круглой палаты, четверо из нас отправились в Саламин и привезли Леонта, а я отправился домой. И по всей вероятности, мне пришлось бы за это умереть, если бы правительство не распалось в самом скором времени. И всему этому у вас найдется много свидетелей.

Кажется ли вам после этого, что я мог бы прожить столько лет, если бы занимался общественными делами, занимался бы притом достойно порядочного человека, спешил бы на помощь к правым и считал бы это самым важным, как оно и следует? Никоим образом, о мужи-афиняне! И никому другому это невозможно. А я всю жизнь оставался таким, как в общественных делах, насколько в них участвовал, так и в частных, никогда и ни с кем не соглашаясь вопреки справедливости, ни с теми, которых клеветники мои называют моими учениками,¹ ни еще с кем-нибудь. Да я и не был никогда ничьим учителем, а если кто, молодой или старый, желал меня слушать и видеть, как я делаю свое дело, то я никому никогда не препятствовал. И не то чтобы я, получая деньги, вел беседы, а не получая, не вел, но одинаково как богатому, так и бедному позволяю я меня спрашивать, а если кто хочет, то и отвечать мне и слушать то, что я говорю. И за то, хороши ли эти люди или дурны, я по справедливости не могу отвечать, потому что никого из

¹ По-видимому, обвинители ставили в вину Сократу, что среди его учеников-слушателей бывали знаменитый политик-авантюрист Алкивиад и Критий, возглавлявший коллегию Тридцати тиранов.

них никогда никакой науке я не учил и не обещал научить. Если же кто-нибудь утверждает, что он частным образом научился от меня чему-нибудь или слышал от меня что-нибудь, чего бы не слышали и все прочие, тот, будьте уверены, говорит неправду.

Но отчего же некоторые любят подолгу бывать со мною? Слышали вы это, о мужи-афиняне; сам я вам сказал всю правду: потому что они любят слушать, как я пытаю тех, которые считают себя мудрыми, не будучи таковыми. Это ведь не лишено удовольствия. А делать это, говорю я, поручено мне богом и через прорицания, и в сновидениях, вообще всякими способами, какими когда-либо еще обнаруживалось божественное определение и поручалось человеку делать что-нибудь. Это не только верно, афиняне, но и легко доказуемо. В самом деле, если одних юношей я развращаю, а других уже развратил, то ведь те из них, которые уже состарились и узнали, что когда-то, во время их молодости, я советовал им что-то дурное, должны были бы теперь прийти мстить мне и обвинять меня. А если сами они не захотели, то кто-нибудь из их домашних, отцы, братья, другие родственники, если бы только их близкие потерпели от меня что-нибудь дурное, вспомнили бы теперь об этом. Да уж, конечно, многие из них тут, как я вижу: ну вот, во-первых, Критон, мой сверстник и из одного со мною дема, отец вот его, Критобула; затем сфетгиец Лисаний, отец вот его, Эсхина; еще кефисиец Антифон, отец Эпигена; а еще вот братья тех, которые ходили за мною, — Никострат, сын Феозотида и брат Феодота; самого Феодота уже нет в живых, так что он, по крайней мере, не мог упросить брата, чтобы он не говорил против

меня; вот и Парал, Демодоков сын, которому Феаг приходился братом; а вот Адимант, Аристов сын, которому вот он, Платон, приходится братом, и Эантодор, брат вот этого, Аполлодора.¹ Я могу назвать еще многих других, и Мелету в его речи всего нужнее было выставить кого-нибудь из них как свидетеля; а если тогда он забыл это сделать, то пусть сделает теперь, я ему разрешаю, и, если он может заявить что-нибудь такое, пусть говорит. Но вы увидите совсем противоположное, о мужи, увидите, что все готовы броситься на помощь ко мне, к тому развратителю, который делает зло их домашним, как утверждают Мелет и Анит. У самих развращенных, пожалуй, еще может быть основание защищать меня, но у их родных, которые не развращены, у людей уже старых, какое может быть другое основание защищать меня, кроме прямой и справедливой уверенности, что Мелет лжет, а я говорю правду.

Но об этом довольно, о мужи! Вот приблизительно то, что я могу, так или иначе, привести в свое оправдание. Возможно, что кто-нибудь из вас рассердится, вспомнив о себе самом, как сам он, хотя дело его было и не так важно, как мое, упрашивал и умолял судей с обильными слезами и, чтобы разжалобить их как можно больше, приводил

¹ Из названных лиц самым близким другом Сократа был Критон, предлагавший для освобождения Сократа свое имущество; по его имени назван один из диалогов Платона. Критон находился и среди тех, кто прощался и разговаривал с философом в последние часы и минуты (диалог Платона «Федон»). Верным учеником Сократа был и Аполлодор.

своих детей и множество других родных и друзей, а вот я ничего такого делать не намерен, хотя подвергаюсь, как оно может казаться, самой крайней опасности. Так вот, возможно, что, подумав об этом, кто-нибудь не сочтет уже нужным стесняться со мною и, рассердившись, подаст в сердцах свой голос. Думает ли так кто-нибудь из вас в самом деле, я этого не утверждаю; а если думает, то мне кажется, что я отвечу ему правильно, если скажу: есть и у меня, любезнейший, кое-какие родные; тоже ведь и я, как говорится у Гомера, не от дуба родился и не от скалы,¹ а произошел от людей; есть у меня и родные, есть и сыновья, о мужи-афиняне, целых трое, один уже взрослый, а двое — младенцы; тем не менее ни одного из них не приведу я сюда и не буду просить вас о помиловании. Почему же, однако, не намерен я ничего этого делать? Не по презрению к вам, о мужи-афиняне, и не потому, что я бы не желал вас уважить. Боюсь ли я или не боюсь смерти, это мы теперь оставим, но для чести моей и вашей, для чести всего города, мне кажется, было бы нехорошо, если бы я стал делать что-нибудь такое в мои года и при том прозвище,² которое мне дано, верно оно или неверно — все равно. Как-никак, а ведь принято все-таки думать, что Сократ отличается кое-чем от большинства людей; а если так будут вести себя те из вас, которые, по-видимому, отли-

¹ Слова Пенелопы, обращенные к Одиссею:
«Но Расскажи мне теперь, откуда будешь

ты родом:
Ведь не скала же тебя родила и не дуб пресловутый».
(Одиссея, XIX, 162).

² Имеется в виду то, что Сократа называли мудрецом.

чаются или мудростью, или мужеством, или еще какую-нибудь доблестью, то это будет позорно. Мне не раз приходилось видеть, как люди, казалось бы, почтенные проделывали во время суда над ними удивительные вещи, как будто они думали, что им предстоит испытать что-то ужасное, если они умрут; можно было подумать, что они стали бы бессмертными, если бы вы их не убили! Мне кажется, эти люди позорят город, так что и какой-нибудь чужеземец может заподозрить, что у афинян люди, которые отличаются доблестью и которых они сами выбирают на главные государственные и прочие почетные должности, ничем не отличаются от женщин. Так вот, о мужи-афиняне, не только нам, людям как бы то ни было почтенным, не следует этого делать, но и вам не следует этого позволять, если мы станем это делать, — напротив, вам нужно делать вид, что вы гораздо скорее признаете виновным того, кто устраивает эти слезные представления и навлекает насмешки над городом, нежели того, кто ведет себя спокойно.

Не говоря уже о чести, мне кажется, что это и неправильно, о мужи, — просить судью и избегать наказания просьбою, вместо того, чтобы разъяснять дело и убеждать. Ведь судья посажен не для того, чтобы миловать по произволу, но для того, чтобы творить суд; и присягал он не в том, что будет миловать кого захочет, но в том, что будет судить по законам. А потому и нам не следует приучать вас нарушать присягу, и вам не следует к этому приучаться, а иначе мы можем с вами одинаково впасть в нечестие. Так уж вы мне не говорите, о мужи-афиняне, будто я должен проделывать перед вами то, чего я и так не считаю ни хорошим, ни пра-

вильным, ни согласным с волею богов, да еще прodelывать это теперь, когда вот он, Мелет, обвиняет меня в нечестии. Ибо очевидно, что если бы я вас уговаривал и вынуждал бы своею просьбою нарушить присягу, то научал бы вас думать, что богов не существует, и, вместо того, чтобы защищаться, попросту сам бы обвинял себя в том, что не почитаю богов. Но на деле оно совсем иначе; почитаю я их, о мужи-афиняне, больше, чем кто-либо из моих обвинителей, и предоставляю вам и богу рассудить меня так, как будет всего лучше и для меня, и для вас.

*После обвинительного приговора*¹

Многое, о мужи-афиняне, не позволяет мне возмущаться тем, что сейчас случилось, тем, что вы меня осудили, между прочим и то, что это не было для меня неожиданностью. Гораздо более удивляет меня число голосов на той и на другой стороне. Что меня касается, то ведь я и не думал, что буду осужден столь малым числом голосов, я думал, что буду осужден большим числом голосов. Теперь же, как мне кажется, перепади тридцать один камешек с одной стороны на другую, и я был

¹ Если читатель помнит из Предисловия, счет первого голосования был не в пользу Сократа: 281 против 220, что означало вынесение обвинительного приговора. Теперь должен был решаться вопрос меры наказания; Мелет требовал смертной казни, Сократ мог предложить самому себе другую кару, например, изгнание или даже денежную пеню. Выбор оставался за гелиастами-присяжными.

бы оправдан.¹ Ну а от Мелета, по-моему, я и теперь ушел; да не только ушел, а еще вот что очевидно для всякого: если бы Анит и Ликон не пришли сюда, чтобы обвинять меня, то он был бы принужден уплатить тысячу драхм как не получивший пятой части голосов.²

Ну а наказанием для меня этот муж полагает смерть. Хорошо. Какое же наказание, о мужи афиняне, должен я положить себе сам? Не ясно ли, что заслуженное? Так какое же? Чему по справедливости подвергнуться или сколько должен я уплатить за то, что ни с того ни с сего всю свою жизнь не давал себе покоя, за то, что не старался ни о чем таком, о чем старается большинство: ни о наживе денег, ни о домашнем устройении, ни о том, чтобы попасть в стратеги, ни о том, чтобы руководить народом; вообще

¹ Аристотель так описывает голосование: «Когда прения сторон закончены, те лица, которым выпало по жребию состоять при баллотировочных камешках, вручают каждому из судей по два камешка — просверленный и цельный. <...> В суде стоят две амфоры — одна бронзовая, другая деревянная. <...> В эти амфоры опускают свои камешки судьи. Бронзовая имеет решающее значение, деревянная не берется в расчет. Бронзовая покрыта крышкой с просверленным отверстием, через которое может пройти только один баллотировочный камешек, чтобы одно лицо не могло опустить двух...» «Камешки» — историческое название; на самом деле — медные круглые пластинки. («Афинская полиция. Государственное устройство афинян. М., 1937. Ч. II, VIII, 68).

² По закону, если за обвинение высказывалось менее пятой части присяжных (в данном случае, менее 100), лица, возбудившие процесс (Мелет) должны были уплатить штраф в 1000 драхм.

не участвовать ни в управлении, ни в заговорах, ни в восстаниях, какие бывают в нашем городе, считая себя, право же, слишком порядочным человеком, чтобы оставаться целым, участвуя во всем этом; за то, что я не шел туда, где я не мог принести никакой пользы ни вам, ни себе, а шел туда, где мог частным образом всякому оказать величайшее, повторяю, благодеяние, стараясь убеждать каждого из вас не заботиться ни о чем своим раньше, чем о себе самом, — как бы ему быть что ни на есть лучше и умнее, не заботиться также и о том, что принадлежит городу, раньше, чем о самом городе, и обо всем прочем таким же образом. Итак, чего же я заслуживаю, будучи таковым? Чего-нибудь хорошего, о мужи-афиняне, если уже в самом деле воздавать по заслугам, и притом такого хорошего, чтобы для меня подходило. Что же подходит для человека заслуженного и в то же время бедного, который нуждается в досуге вашего же ради назидания? Для подобного человека, о мужи-афиняне, нет ничего более подходящего, как получать даровой обед в Пританее,¹ по крайней мере, для него это подходит гораздо больше, нежели для того из вас, кто одержал победу в Олимпии верхом или на паре, или на тройке, потому что такой человек старается о том, чтобы вы казались счастливыми, а я стараюсь о том, чтобы вы были счастливыми, и он не нуждается в даровом пропитании, а я нуждаюсь. Итак, если я должен назначить себе что-нибудь мною заслуженное, то вот я что себе назначаю — даровой обед в Пританее.

¹ В Пританее получали даровой обед почетные граждане или гости, а также победители в разного рода спортивных состязаниях.

Может быть, вам кажется, что я и это говорю по высокомерию, как говорил о просьбах со слезами и с коленапреклонениями; но это не так, афиняне, а скорее дело вот в чем: сам-то я убежден в том, что ни одного человека не обижаю сознательно, но убедить в этом вас я не могу, потому что мало времени беседовали мы друг с другом; в самом деле, мне думается, что вы бы убедились, если бы у вас, как у других людей, существовал закон решать дело о смертной казни в течение не одного дня, а нескольких; а теперь не так-то это легко — в малое время снимать с себя великие клеветы. Ну так вот, убежденный в том, что я не обижаю ни одного человека, ни в каком случае не стану я обижать самого себя, говорить о себе самом, что я достоин чего-нибудь нехорошего, и назначать себе наказание. С какой стати? Из страха подвергнуться тому, чего требует для меня Мелет и о чем, повторяю еще раз, я не знаю, хорошо это или дурно? Так вот вместо этого я выберу и назначу себе наказанием что-нибудь такое, о чем я знаю наверное, что это — зло? Вечное заточение? Но ради чего стал бы я жить в тюрьме рабом Одиннадцати,¹ постоянно меняющейся власти? Денежную пеню и быть в заключении, пока не уплачу? Но для меня это то же, что вечное заточение, потому что мне не из чего уплатить. В таком случае не должен ли я назначить для себя изгнание? К этому вы меня, пожалуй, охотно присудите. Сильно бы, однако, должен был я трусить, если бы растерялся настолько, что не мог бы сообразить вот чего: вы, собственные мои сограждане, не были в состоянии вынести мое присут-

¹ Тюрьмой ведала коллегия Одиннадцати, избиравшаяся по жребию.

ствие и слова мои оказались для вас слишком тяжелыми и невыносимыми, так что вы ищете теперь, как бы от них отделаться; ну а другие легко их вынесут? Никоим образом, афиняне. Хороша же в таком случае была бы моя жизнь — уйти на старости лет из отечества и жить, переходя из города в город, будучи отовсюду изгоняемым. Я ведь отлично знаю, что, куда бы я ни пришел, молодые люди везде будут меня слушать так же, как и здесь; и если я буду их отгонять, то они сами меня выгонят, подговорив старших, а если я не буду их отгонять, то их отцы и домашние выгонят меня из-за них же.

В таком случае кто-нибудь может сказать: «Но разве, Сократ, уйдя от нас, ты не был бы способен проживать спокойно и в молчании?» Вот в этом-то и всего труднее убедить некоторых из вас. В самом деле, если я скажу, что это значит не слушаться бога, а что, не слушаясь бога, нельзя оставаться спокойным, то вы не поверите мне и подумаете, что я шучу; с другой стороны, если я скажу, что ежедневно беседовать о доблестях и обо всем прочем, о чем я с вами беседую, пытая и себя, и других, есть к тому же и величайшее благо для человека, а жизнь без такого исследования не есть жизнь для человека, — если это я вам скажу, то вы поверите мне еще меньше. На деле-то оно как раз так, о мужи, как я это утверждаю, но убедить в этом нелегко. Да к тому же я и не привык считать себя достойным чего-нибудь дурного. Будь у меня деньги, тогда я назначил уплатить денег сколько полагается, в этом для меня не было бы никакого вреда, но ведь их же нет, разве если вы мне назначите уплатить столько, сколько я могу. Пожалуй, я вам могу уплатить мину серебра; ну столько и назначаю. А вот они, о мужи-афиняне, — Платон, Критон, Критобул,

Аполлодор — велят мне назначить тридцать мин, а поручительство берут на себя; ну так назначаю тридцать, а поручители в уплате денег будут у вас надежные.

*После смертного приговора*¹

Немного не захотели вы подождать, о мужи-афиняне, а вот от этого пойдет о вас дурная слава между людьми, желающими хулить наш город, и они будут обвинять вас в том, что вы убили Сократа, известного мудреца. Конечно, кто пожелает вас хулить, тот будет утверждать, что я мудрец, пусть это и не так. Вот если бы вы немного подождали, тогда бы это случилось для вас само собою; подумайте о моих годах, как много уже прожито жизни и как близко смерть. Это я говорю не всем вам, а тем, которые осудили меня на смерть. А еще вот что хочу я сказать этим самым людям: быть может, вы думаете, о мужи, что я осужден потому, что у меня не хватило таких слов, которыми я мог бы склонить вас на свою сторону, если бы считал нужным делать и говорить всё, чтобы уйти от наказания. Вовсе не так. Не хватить-то у меня, правда что, не хватило, только не слов, а дерзости и бесстыдства и желания говорить вам то, что вам всего приятнее было бы слышать, вопия и рыдая, делая и говоря, повторяю я вам, еще многое меня недостойное — все то, что вы привыкли слышать от других. Но и тогда, когда

¹ Последствием печально-иронической предыдущей речи Сократа стало то, что за смертную казнь проголосовало 360 присяжных из 501 — абсолютное большинство.

угрожала опасность, не находил я нужным делать из-за этого что-нибудь рабское, и теперь не раскаиваюсь в том, что защищался таким образом, и гораздо скорее предпочитаю умереть после такой защиты, нежели оставаться живым, защищавшись иначе. Потому что ни на суде, ни на войне, ни мне, ни кому-либо другому не следует избегать смерти всякими способами без разбора. Потому что и в сражениях часто бывает очевидно, что от смерти-то можно иной раз уйти, или бросив оружие, или начавши умолять преследующих; много есть и других способов избежать смерти в случае какой-нибудь опасности для того, кто отважится делать и говорить все. От смерти уйти нетрудно, о мужи, а вот что гораздо труднее — уйти от нравственной порчи, потому что она идет скорее, чем смерть. И вот я, человек тихий и старьй, настигнут тем, что идет тише, а мои обвинители, люди сильные и проворные, — тем, что идет проворнее, — нравственной порчей. И вот я, осужденный вами, уйду на смерть, а они, осужденные истиною, уходят на зло и неправду; и я остаюсь при своем наказании, и они — при своем. Так оно, пожалуй, и должно было случиться, и мне думается, что это правильно.

А теперь, о мои обвинители, я желаю предсказать, что будет с вами после этого. Ведь для меня уже настало то время, когда люди особенно бывают способны пророчествовать, — когда им предстоит умереть. И вот я утверждаю, о мужи, меня убившие, что тотчас за моей смертью придет на вас мщение, которое будет много тяжелее той смерти, на которую вы меня осудили. Ведь теперь, делая это, вы думали избавиться от необходимости давать отчет в своей жизни, а случится с вами, говорю я, совсем обратное:

больше будет у вас обличителей — тех, которых я до сих пор сдерживал и которых вы не замечали, и они будут тем невыносимее, чем они моложе, и вы будете еще больше негодовать. В самом деле, если вы думаете, что убивая людей, вы удержите их от порицания вас за то, что живете неправильно, то вы заблуждаетесь. Ведь такой способ самозащиты и не вполне возможен, и не хорош, а вот вам способ и самый хороший, и самый легкий: не закрывать рта другим, а самим стараться быть как можно лучше. Ну вот, предсказавши это вам, которые меня осудили, я ухожу от вас.

А с теми, которые меня оправдали, я бы охотно побеседовал о самом этом происшествии, пока архонты¹ заняты своим делом и мне нельзя еще идти туда, где я должен умереть. Побудьте пока со мною, о мужи! Ничто не мешает нам поболтать друг с другом, пока есть время. Вам, друзьям моим, я хочу показать, что, собственно, означает теперешнее происшествие. Со мною, о мужи-судьи, — вас-то я по справедливости могу называть судьями — случилось что-то удивительное. В самом деле, в течение всего прошлого времени обычный для меня вещий голос слышался мне постоянно и останавливал меня в самых неважных случаях, когда я намеревался сделать что-нибудь не так; а вот теперь, как вы сами видите, со мною случилось то, что может показаться величайшим из зол, по крайней мере, так принято думать; тем не менее божественное знамение не остановило меня ни утром, когда я выходил из дому, ни в то время, когда я входил в суд, ни во время

¹ Высшие должностные лица, избиравшиеся по жребию.

всей речи, что бы я ни хотел сказать. Ведь прежде-то, когда я что-нибудь говорил, оно нередко останавливало меня среди слова, а теперь во всем этом деле ни разу оно не удержало меня от какого-нибудь поступка, от какого-нибудь слова. Как же мне это понимать? А вот я вам скажу: похоже, в самом деле, что все это произошло к моему благу, и быть этого не может, чтобы мы правильно понимали дело, полагая, что смерть есть зло. Этому у меня теперь есть великое доказательство, потому что быть этого не может, чтобы не остановило меня обычное знамение, если бы то, что я намерен был сделать, не было благом.

А рассудим-ка еще вот как — велика ли надежда, что смерть есть благо? Умереть, говоря по правде, значит одно из двух: или перестать быть чем бы то ни было, так что умерший не испытывает никакого ощущения от чего бы то ни было, или же это есть для души какой-то переход, переселение ее отсюда в другое место, если верить тому, что об этом говорят. И если бы это было отсутствием всякого ощущения, все равно что сон, когда спят так, что даже ничего не видят во сне, то смерть была бы удивительным приобретением. Мне думается, в самом деле, что если бы кто-нибудь должен был взять ту ночь, в которую он спал так, что даже не видел сна, сравнить эту ночь с остальными ночами и днями своей жизни и, подумавши, сказать, сколько дней и ночей прожил он в своей жизни лучше и приятнее, чем ту ночь, то, я думаю, не только всякий простой человек, но и сам Великий царь¹ нашел

¹ Титул персидского царя.

бы, что сосчитать такие дни и ночи сравнительно с остальными ничего не стоит. Так если смерть такова, я со своей стороны назову ее приобретением, потому что таким-то образом выходит, что вся жизнь ничем не лучше одной ночи. С другой стороны, если смерть есть как бы переселение отсюда в другое место и если правду говорят, будто бы там все умершие, то есть ли что-нибудь лучше этого, о мужи-судьи? В самом деле, если прибудешь в Аид, освободившись вот от этих так называемых судей, и найдешь там судей настоящих, тех, что, говорят, судят в Аиде, — Миноса, Радаманта, Эака, Триптолема, и всех тех полубогов,¹ которые в своей жизни отличались справедливостью, — разве это будет плохое переселение? А чего бы не дал всякий из вас за то, чтобы быть с Орфеем, Мусеем, Гесиодом, Гомером! Что меня касается, то я желаю умирать много раз, если все это правда; для кого другого, а для меня было бы удивительно вести там беседы, если бы я встретился, например, с Паламедом и Теламоновым сыном Аяксом² или еще с кем-нибудь

¹ Мифологические цари и герои; по обычным представлениям, судьями в Аиде считались трое: Минос, его брат Радамант и Эак.

² Паламед и Аякс (Эант) — герои Троянской войны, оба оказались жертвами хитрого Одиссея. Паламеда Одиссей оклеветал и его забили камнями; Аякс после приступа безумия, насланного Афиной, закололся мечом. Причиной раздора между ним и Одиссеем стал спор за обладание оружием Ахилла (Софокл. «Аякс»). О Паламеди — см. также: Ксенофонт «Апология (защита) Сократа на суде», прим. к с. 98.

из древних, кто умер жертвою неправедного суда, и мне думается, что сравнивать мою судьбу с их было бы не неприятно. И наконец, самое главное — это проводить время в том, чтобы распознавать и разбирать тамошних людей точно так же, как здешних, а именно, кто из них мудр и кто из них только думает, что мудр, а на самом деле немудр; чего не дал бы всякий, о мужи-судьи, чтобы узнать доподлинно человека, который привел великую рать под Трою,¹ или узнать Одиссея, Сисифа² и множество других мужей и жен, которых распознавать, с которыми беседовать и жить вместе было бы несказанным блаженством. Не может быть никакого сомнения, что уж там-то за это не убивают, потому что, помимо всего прочего, тамошние люди блаженнее здешних еще и тем, что остаются все время бессмертными, если верно то, что об этом говорят.

Но и вам, о мужи-судьи, не следует ожидать ничего дурного от смерти, и уж если что принимать за верное, так это то, что с человеком хорошим не бывает ничего дурного ни при жизни, ни после смерти, и что боги не перестают заботиться о его делах; тоже вот и моя судьба устроилась не сама собою, напротив, для меня очевидно, что мне лучше уж умереть и освободиться от хлопот. Вот почему

¹ Сократ имеет в виду вождя народов Агамемнона, царя Микен. После возвращения домой был убит своей женой Клитемнестрой и ее любовником Эгисфом.

² Царь Коринфа. По наиболее распространенному мифу, обманул Смерть (Танатос), заковал ее и держал в плену, так что несколько лет люди не умирали... За это, в конце концов, понес известное наказание: толкать в гору камень, неизбежно скатывающийся вниз.

и знамение ни разу меня не удержало, и я сам не очень-то пеняю на тех, кто приговорил меня к наказанию, и на моих обвинителей. Положим, что они выносили приговор и обвиняли меня не по такому соображению, а думая мне повредить; это в них заслуживает порицания. А все-таки я обращаюсь к ним с такою маленькою просьбой: если, о мужи, вам будет казаться, что мои сыновья, сделавшись взрослыми, больше заботятся о деньгах или еще о чем-нибудь, чем о доблести, отомстите им за это, преследуя их тем же самым, чем и я вас преследовал; и если они будут много о себе думать, будучи ничем, укоряйте их так же, как и я вас укорял, за то, что они не заботятся о должном и воображают о себе невесть что, между тем как на самом деле ничтожны. И, делая это, вы накажете по справедливости не только моих сыновей, но и меня самого. Но вот уже время идти отсюда, мне — чтобы умереть, вам — чтобы жить, а кто из нас идет на лучшее, это ни для кого не ясно, кроме бога.

КСЕНОФОНТ

АПОЛОГИЯ (ЗАЩИТА) СОКРАТА НА СУДЕ

*Повод написания. Разговор Сократа с Гермогеном.
Утешение друзей. Предсказание. Заключение*

Следует, мне кажется, упомянуть также о том, что думал Сократ о защите и о конце жизни, когда его призвали к суду. Об этом писали и другие, и все указывали на высокомерие его речи: из этого видно, что действительно так говорил Сократ. Но так как они не разъяснили, что он тогда уже считал смерть для себя предпочтительнее жизни, то гордость его речи представляется не вполне разумной. Однако Гермоген,¹ сын Гиппоника, его друг, сообщил о нем такие подробности, из которых видно, что этот высокомерный язык был сообразен его

¹ Афинянин, известный своею серьезностью и благочестивостью; по неведомым причинам был лишен отцом наследства. Входил в кружок сократовцев и присутствовал при смерти Сократа в темнице.

образу мыслей. Гермоген, по его словам, заметив, что Сократ говорит обо всем больше, чем о своем процессе, сказал:

— Не следует ли, однако, Сократ, подумать тебе и о том, что говорить в свою защиту?

Сократ сперва отвечал:

— А разве, по-твоему, вся моя жизнь не была подготовкой к защите?

Гермоген спросил его:

— Как это?

Сократ отвечал:

— Я во всю жизнь не сделал ничего несправедливого: это я считаю лучшей подготовкой к защите.

— Разве ты не знаешь афинских судов? — сказал опять Гермоген. — Часто судьи, раздраженные речью, выносят смертный приговор людям ни в чем не виновным; часто, напротив, оправдывают виновных, потому что они своими речами разжалобят их, или потому, что они говорят им приятные вещи.

— Нет, клянусь Зевсом, — возразил Сократ, — дважды уже я пробовал обдумывать защиту, но мне противится бог.¹

— Удивительно! — сказал Гермоген.

— Разве ты находишь удивительным, — сказал Сократ, — что, и по мнению бога, мне уже лучше умереть? Разве ты не знаешь, что до сих пор я никому на свете не уступал права сказать, что он жил лучше меня? У меня было сознание — чувство в высшей степени приятное, — что вся жизнь мною прожита благочестиво и справедливо; таким образом, я и сам был доволен собою, и находил, что

¹ Очевидно, через посредство все того же Геня, внутреннего голоса Сократа.

окружающие меня — такого же мнения обо мне. А теперь, если еще продлится мой век, я знаю, мне придется выносить невзгоды старости — буду я хуже видеть, хуже слышать, труднее будет мне учиться новому, скорее буду забывать, чему научился прежде. Если же я буду замечать в себе ухудшение и буду ругать сам себя, какое будет мне удовольствие от жизни? Но, может быть, и бог по милости своей дарует мне возможность окончить жизнь не только в надлежащий момент жизни, но и, возможно, легче. Если приговор будет обвинительный, то, несомненно, мне можно будет умереть такой смертью, которую люди, ведающие это дело, считают самой легкой, которая доставляет меньше всего хлопот друзьям и возбудит больше всего сожаления об умирающем. Когда человек не оставляет в умах окружающих памяти о чем-то недостойном и тягостном, а увядает с телом здоровым и с душой, способной любить, разве возможно, чтобы он не возбуждал сожаления? Правы были боги, которые тогда были против того, чтобы я обдумывал речь, когда мы считали необходимым отыскивать всячески средства к оправданию. Ведь если бы этого я добился, то, несомненно, вместо того, чтобы теперь же оставить жизнь, я приготовил бы себе необходимость умереть или в страданиях от болезней, или от старости, в которую стекаются все невзгоды и которая совершенно безрадостна. Нет, клянусь Зевсом, Гермоген, я к этому даже и стремиться не буду; напротив, если судьям неприятно слушать мои объяснения о том, сколько прекрасных даров, по моему мнению, пало мне на долю и от богов, и от людей и какое мнение я имею сам о себе, то я предпочту умереть, чем, униженно выпрашивая, как нищий, прибавку

к жизни, иметь в барышах гораздо худшую жизнь вместо смерти.

Приняв такое решение, рассказывал Гермоген, Сократ в ответ на обвинение своих противников, будто он не признает богов, признаваемых государством, а вводит другие, новые божества и будто развращает молодежь выступил на суде и сказал:

— А я, афиняне, прежде всего, удивляюсь тому, на каком основании Мелет¹ утверждает, будто я не признаю богов, признаваемых государством: что я приношу жертвы в общие праздники и на народных алтарях, это видели все, бывавшие там в то время, да и сам Мелет мог бы видеть, если бы хотел. Что до введения богов, то как можно обвинять меня в этом, вспоминая мои слова, что мне является голос бога, указывающий, что следует делать? Ведь и те, которые руководятся криком птиц и случайными словами людей, делают выводы, очевидно, на основании голосов. А гром? Неужели будет кто сомневаться, что он есть голос или великое предвещание?² Жрица на треножнике в Дельфах³ разве

¹ Формально главный обвинитель Сократа (см. Предисловие).

² Греки глубоко верили в знамения; существовала целая наука, занимавшаяся распознаванием знаков свыше — мантика. Предсказания делались по снам, совпадениям, случайно услышанным словам, по полету птиц, по их крику, в зависимости от мест, где они садятся и т. д. Вещими птицами считались орел, коршун, ворон. Разумеется, гром, молния, солнечные и лунные затмения тоже принимались в расчет при принятии решений и на войне, и в государственных вопросах, и в личных делах.

³ Пифия (см.: Платон. «Апология Сократа», прим. к с. 52).

не голосом тоже возвещает волю бога? Что бог знает наперед будущее и предвещает его, кому хочет, и об этом все говорят и думают так же, как я? Но они именуют тех, кто предвещает будущее, птицами, случайными словами, приметами, предсказателями, а я называю это божественным голосом и думаю, что, называя так, употребляю выражение более близкое к истине и более благочестивое, чем те, которые приписывают птицам силу богов. Что я не клевету на бога, у меня есть еще такое доказательство: многим друзьям я сообщал советы и ни разу не оказался лжецом.

Услышав это, судьи стали шуметь: одни не верили его рассказу, а другие и завидовали, что он удостоен от богов большей милости, чем они. Тогда Сократ сказал опять:

— Ну, так послушайте дальше, чтобы, у кого есть охота, те еще больше не верили, что боги оказали мне такой почет. Однажды Херефонт¹ вопрошал обо мне бога в Дельфах, и Аполлон в присутствии многих изрек, что нет человека более независимого, справедливого, разумного. Когда судьи, услышав это, конечно, еще больше стали шуметь, Сократ опять сказал:

— Однако, афиняне, еще более высокое мнение бог высказал в своем оракуле о спартанском законодателе Ликурге, чем обо мне. Когда он вошел в храм, говорят, бог обратился к нему с таким приветствием: «Не знаю, как мне назвать тебя — богом или человеком». Но меня он не приравнял к богу, а только признал, что я много выше людей. Но все-таки вы и в

¹ Друг Сократа (см. также: Платон. «Апология Сократа», прим. к с. 52).

том не верьте слепо богу, а рассматривайте то, что сказал бог. Знаете ли вы человека, который бы меньше меня был рабом плотских страстей? Или человека более бескорыстного, не берущего ни от кого ни подарков, ни платы? Кого можете вы признать с полным основанием более справедливым, чем того, кто так применился к своему положению, что ни в чем чужом не нуждается? А мудрым не правильно ли будет называть того, кто с тех пор, как начал понимать, что ему говорят, непрестанно исследовал и учился чему только мог хорошему? Что мой труд не пропал даром, не служит ли доказательство то, что многие граждане, стремящиеся к нравственному совершенству, да и многие иноземцы желают быть в общении со мною более, чем с кем-либо другим? А какая причина того, что хотя все знают, что я не имею возможности отплачивать деньгами, тем не менее, многие желают мне что-нибудь подарить? А того, что от меня никто не требует отплаты за благодеяния, а многие признают, что мне обязаны благодарностью? А того, что во время осады¹ все горевали о своей участи, а я жил, так же ни в чем не нуждаясь, как в дни наивысшего благоденствия нашего отечества? А того, что все покупают себе на рынке дорогие удовольствия, а я ухитряюсь добыть из своей души без расходов удовольствия более приятные, чем те? А если никто не мог бы уличить меня во лжи относительно всего, что я сказал о себе, то разве не справедлива будет похвала мне и от богов, и от людей? И несмотря на это, ты утверждаешь, Мелет, что я, при таком образе действия, раз-

¹ 404 год, когда Афины капитулировали перед войсками во главе со спартанским военачальником Лисандром.

вращаю молодежь? Нам известно, в чем состоит раз-
вращение молодежи; скажи же нам, знаешь ли ты
кого-нибудь, кого я сделал из благочестивого нечес-
тивным, из скромного — дерзким, из экономного —
расточительным, из умеренно пившего — пьяницей,
из трудолюбивого — неженкой или рабом другой низ-
менной страсти?

— Но, клянусь Зевсом, — отвечал Мелет, — я
знаю тех, кого ты уговорил слушаться тебя больше,
чем родителей.

— Согласен, — сказал Сократ, — в вопросе о
воспитании: вопрос этот, как все знают, меня ин-
тересует. Однако относительно здоровья люди боль-
ше слушаются врачей, чем родителей; в Народном
собрании, как известно, все афиняне слушаются
больше разумных ораторов, чем родственников. Да
ведь и при выборах в стратеги не отдаете ли вы
предпочтение пред отцами и братьями и, клянусь
Зевсом, даже пред самими собой тем, кого считаете
главными знатоками в военном деле?

— Да, — заметил Мелет, — потому что это по-
лезно и является обычаем.

— В таком случае, — продолжал Сократ, — не ка-
жется ли тебе странным еще вот что: во всех действиях
лучшие знатоки пользуются не только равенством, но
и предпочтением, и вот за то, что меня считают
некоторые знающим в таком полезном для людей
искусстве, как воспитание, ты желаешь меня казнить?

Конечно, было сказано больше этого самим Со-
кратом и друзьями, говорившими в его пользу, но
я не имел в виду передать все происходившее на
суде: мне достаточно было показать, что Сократ
выше всего ставил оправдаться от обвинения в не-
честии по отношению к богам и в несправедливости

по отношению к людям, а молить об освобождении от казни он не находил нужным, а, напротив, полагал, что ему уже пора умереть. Что таково именно было его мнение, стало еще очевиднее, когда было окончено голосование в его деле. Когда ему предложили назначить себе штраф, он ни сам не назначил его, ни друзьям не позволил, а, напротив, даже говорил, что назначать себе штраф — это значит признать себя виновным. Потом, когда друзья хотели его похитить из тюрьмы, он не согласился и, кажется, даже посмеялся над ними, спросив, знают ли они какое место за пределами Аттики, куда не было бы доступа смерти.

По окончании суда Сократ сказал:

— Однако, афиняне, лица, подучившие свидетелей давать ложную присягу и лжесвидетельствовать против меня, и лица, слушавшиеся их, должны сознавать свое нечестие и несправедливость. А мне почему чувствовать себя униженным теперь больше, чем до осуждения, раз не доказана моя виновность ни в одном пункте обвинения? Не было обнаружено, что я приносил жертвы каким-либо новым богам вместо Зевса и Геры и других богов, связанных с ними, или что при клятве я называл других богов. А молодых людей как я могу развращать, когда я приучаю их к перенесению трудов и к экономии? Что же касается преступлений, которые караются смертной казнью, — святотатства, прорытия стен, похищения людей, государственной измены, то даже сами противники не говорят, что я в чем-нибудь из этого виновен. Таким образом, меня поражает, где вы усмотрели с моей стороны преступление, заслуживающее смертной казни. Но даже и несправедливый смертный приговор не заставит меня чувствовать себя униженным:

он позорит не меня, а тех, кто постановил его. Утешает меня еще и Паламед,¹ смерть которого похожа на мою: даже и теперь еще он вдохновляет поэтов на песнопения, гораздо более прекрасные, чем Одиссей, виновник его несправедливой казни. Точно также и мне, я уверен, засвидетельствует грядущее время, как свидетельствует прошедшее, что я никого никогда не обижал, никого не испортил, а, напротив, приносил пользу людям, ведшим со мною беседы, уча их бесплатно какому мог добру.

После этой речи он ушел; веселье выражалось, вполне соответственно тому, что он говорил, в его лице, осанке, походке. Заметив, что его спутники плачут, он сказал:

— Что это? Вы только теперь плачете? Разве не знаете, что с самого рождения я осужден природой на смерть? Да, если бы мне приходилось погибать безвременно, когда течет счастье, то, несомненно, надо бы было горевать мне и расположенным ко мне людям; если же я кончаю жизнь в ту пору, когда ожидаются в будущем разные невзгоды, то я думаю, что всем вам надо радоваться при виде моего счастья.

Присутствовавший при этом горячо преданный Сократу, но простодушный человек, некий Аполлдор,² сказал:

— Но мне особенно тяжело, Сократ, что ты приговорен к смертной казни несправедливо.

¹ Герой Троянской войны, почитавшийся мудрым: ему приписывалось изобретение алфавита, цифр, мер, весов, а также игр в шашки и кости. Паламеду было воздвигнуто святилище недалеко от острова Лесбос.

² Один из близких друзей и учеников Сократа.

Сократ, говорят, погладил его по голове и сказал:

— А тебе, дорогой мой Аполлодор, приятнее было бы видеть, что я приговорен справедливо, чем несправедливо? — И при этом он улыбнулся.

Увидав проходившего мимо Анита,¹ Сократ, говорят, сказал:

— Он гордится, как будто совершил какой-то великий, славный подвиг, предав меня смертной казни за то, что я, видя, каких великих почестей удостоили его сограждане, сказал, что не следует ему учить сына кожевному делу. Как жалок он! Видно, он не понимает, что кто из нас совершил дела более полезные и славные на вечные времена, тот и победитель! Но и Гомер приписывает некоторым людям при конце жизни дар предвидения будущего; хочу и я сделать одно предсказание. Я встретился однажды на короткое время с сыном Анита; мне показалось, что он человек даровитый; поэтому я нахожу, что он не останется при том рабском занятии,² к которому его предназначил отец; а за неимением хорошего руководителя, он впадет в какую-нибудь низкую страсть и, конечно, далеко пойдет по пути порока.

Слова эти оправдались: молодой человек любил вино, ни днем, ни ночью не переставал пить и, в конце концов, стал ни на что не годным — ни для отечества, ни для друзей, ни для себя самого. Таким образом, Анит, как вследствие скверного вос-

¹ По существу, главный обвинитель на суде (см. Предисловие).

² Кожевенное дело, на котором разбогател сам Анит. Не следует, однако, считать, что Сократ с презрением относился ко всем ремеслам; здесь, скорее всего, подразумевается приниженность сына Анита перед отцом.

питания сына, так и по случаю своего собственного неразумия, даже и по смерти имеет дурную славу.

Сократ таким возвеличением себя на суде навлек на себя зависть и этим еще более способствовал своему осуждению. Мне кажется, участь, выпавшая ему на долю, была милостью богов: он покинул наиболее тяжелую часть жизни, а смерть ему досталась самая легкая. Вместе с тем он выказал силу духа: придя к убеждению, что умереть ему лучше, чем продолжать жить, он как вообще не противился добру, так и перед смертью не выказал малодушия; напротив, радостно ожидал ее и свершил.

Итак, размышляя о мудрости и благородстве этого мужа, я не могу не помнить о нем, а помня, не могу не восхвалять. Если кто из людей, стремящихся к нравственному совершенству, пользовался обществом человека еще более полезного, чем Сократ, того я считаю величайшим счастливецом.

КСЕНОФОНТ
ВОСПОМИНАНИЯ О СОКРАТЕ
КНИГА ПЕРВАЯ

Глава 1

*Опровержение первого пункта обвинения:
Сократ не отрицал богов*

Часто удивлялся я, какими это доводами люди, обвинявшие Сократа, убедили афинян, что он заслужил смертный приговор от сограждан. В постановлении против него было сказано приблизительно так: «Сократ виновен в том, что не признает богов, признаваемых государством, а вводит другие, новые божества; виновен также в том, что развращает молодежь».

Что касается первого пункта обвинения, будто он не признает богов, признаваемых государством, какое доказательство этого они привели? Жертвы

он приносил часто как дома, так и на общих государственных алтарях: это все видали; гаданиями не пренебрегал: это тоже ни для кого не было тайной. По всему городу болтали о рассказах Сократа, что божественный голос¹ дает ему указания: это-то, мне кажется, и послужило главным основанием для обвинения его в том, что он вводит новые божества. На самом же деле он так же мало вводит нового, как и все другие, признающие искусство узнавать будущее, которые наблюдают птиц, голоса, приметы и жертвы: они предполагают, что не сами птицы и не сами встречные люди показывают, что полезно для гадающих, но что именно боги через них указывают это;² и Сократ думал так же. Но по большей части люди выражаются так, что птицы и встречные их отклоняют от чего-нибудь или побуждают; а Сократ как думал, так и говорил: божественный голос, говорил он, дает указания. Многим друзьям своим он заранее советовал то-то делать, того-то не делать, ссылаясь на указание божественного голоса, и кто следовал его совету, получал пользу, а кто не следовал, раскаивался. Однако кто не согласится, что

¹ Демон, Гений, Голос свыше (см. Предисловие, Платон «Апология Сократа» и т. д.).

² Угадывание того, что делают боги, входило в каждодневную жизнь греков; любой человек и сам пытался понять, что означает та или иная примета (чем занимаемся и мы с Вами, читатель!), но существовали и предсказатели, например, жрецы в храме Аполлона в Дельфах. Астрологические гадания пришли в Элладу лишь в конце IV века после походов Александра Македонского (см. также: Ксенофонт «Апология (защита) Сократа на суде», прим. к с. 93).

он не хотел казаться друзьям ни глупцом, ни хвастуном? А он казался бы и тем и другим, если бы, выдавая свои советы за явление божественного порядка, потом оказывался бы солгавшим. Отсюда видно, что он не стал бы предсказывать, если бы не был уверен в истине своих слов. А можно ли в этом поверить кому-либо другому, как не богу? Если же веришь богам, то необходимо признать, что боги существуют. Мало того, он так еще поступал по отношению к друзьям: дела необходимые он советовал делать так, как, по их мнению, их можно сделать всего лучше; а в тех случаях, когда исход дела неизвестен, он посылал их к оракулу спросить, следует ли его делать. Так, например, кто хочет с успехом заниматься хозяйством или заведовать государственными делами, тому, говорил он, нужно еще погадать.¹ Правда, чтобы стать хорошим плотником, кузнецом, земледельцем, или человеком, присматривающим за служанками, или способным к чему-то подобному, или хорошим счетоводом, домохозяином, военачальником, — всеми такими науками, думал он, может овладеть, конечно, и человеческий ум; но самое главное в них, говорил он, боги оставляют себе, и ничего из этого люди не знают. Так, например, кто превосходно засадил для себя деревьями участок земли, не знает, кто будет

¹ Далее следует интереснейшее рассуждение о свободе и «рабстве воли» (Лютер). В этом неразрешимом философском споре Сократ занимал, как кажется, позицию, близкую к той, что установилась в позднем католицизме (исключая, разумеется, гадания): будущее и исход человеческих дел полностью в руках Божьих, но и человек не должен складывать рук в ожидании решения.

собирать плоды; кто превосходно построил себе дом, не знает, кто будет жить в нем; знаток стратегии не знает, полезно ли быть стратегом; человек, опытный в государственных делах, не знает, полезно ли стоять во главе государства; женившийся на красавице себе в отраду не знает, не будет ли от нее терпеть горе; породнившийся через брак с влиятельными лицами в городе не знает, не лишится ли он из-за них отечества.¹ Кто воображает, будто в подобных случаях нет ничего зависящего от бога, а все будто бы зависит от человеческого ума, тот — безумец; безумцы также и вопрошающие оракул о том, что боги предоставили людям самим познать и решать, как, например, если бы кто стал спрашивать, какого человека лучше взять в возничие — умеющего править или не умеющего; или какого лучше взять в рулевые корабля — умеющего править или не умеющего; вообще, кто вопрошает богов о том, что можно знать посредством счета, меры, веса, и о тому подобных вещах, тот, думал он, поступает нечестиво. Что боги предоставили людям познать и делать, тому, говорил он, должно учиться; а что людям неизвестно, о том нужно стараться узнать волю богов посредством гаданий: к кому боги милостивы, тому они дают указания.

Затем, Сократ всегда был на глазах у людей: утром ходил в места прогулок и в гимнасии, и в ту пору, когда площадь бывает полна народа, его можно было тут видеть; да и остальную часть дня он всегда проводил там, где предполагал встретить побольше лю-

¹ Если влиятельный человек будет подвергнут остракизму (изгнанию), что случалось часто, та же участь могла постигнуть родственника.

дей; обычно он говорил, так что всякий мог его слушать. Тем не менее никто никогда не видел и не слышал от него ни одного нечестивого, безбожного слова или поступка.

Да он и не рассуждал на темы о природе всего, как рассуждают по большей части другие; не касался вопроса о том, как устроено то, что софисты называют «космос»,¹ и по каким непреложным законам происходит каждое небесное явление. Напротив, он даже указывал на глупость тех, кто занимается подобными проблемами.²

Первый вопрос относительно их, который он рассматривал, был такой: считают ли они себя достаточно знающими то, что нужно человеку, и потому приступают к изучению таких предметов или же, оставляя в стороне все человеческое, а занимаясь тем, что касается божественного, они думают, что поступают, как должно? Он удивлялся, как они не понимают, что это постигнуть человеку невозможно, когда даже те из них, которые больше всех гордятся своим умением рассуждать на эти темы, не согласны между собой, а смотрят друг на друга, как сумасшедшие. Одни сумасшедшие не страшатся даже и страшного, другие опасаются даже неопасного; одни не считают непристойным говорить или делать что бы то ни было хоть среди большого стечения народа, другие находят, что не

¹ «Космос» — в буквальном переводе «порядок», «украшение»; в философии Пифагора, Эмпедокла слово получило значение «вселенная», мировой замысел, существующий благодаря высшей гармонии (часто определяемой некими числами).

² В данном случае Ксенофонт имеет в виду софистов невысокого полёта.

следует даже показываться людям; одни не почитают ни храма, ни алтаря, ни вообще ничего божеского, другие благоговеют перед всякими камнями, кусками дерева, животными. Похожи на них и озабоченные вопросами о естестве мира: одним кажется, что сущее едино, другим, — что оно беспредельно множественно; одним кажется, что все вечно движется, другим, — что ничто никогда не может двинуться; одним кажется, что все рождается и погибает, другим, — что ничто никогда не может ни родиться, ни погибнуть.¹ По поводу них он высказывал еще такое соображение. Кто изучает дела человеческие, надеется сделать то, чему научится, достоянием как себя, так и других: думают ли исследователи божеских дел, что они, познав, по каким законам происходят небесные явления, сделают, когда захотят, ветер, дождь, времена года и тому подобное — что им понадобится, или же они ни на что подобное и не надеются, а им кажется достаточным только познать, как совершается каждое явление такого рода. Вот как он говорил о людях,

¹ Учение о единстве возникновения и исчезновения, о непрерывном движении, как форме существования мира, принадлежит Гераклиту Эфесскому. Зенон Элейский выдвигал гипотезу вечного покоя и невозможности движения (скорее, иллюзорности наших представлений о том, что все движется). Впоследствии на эту тему было немало сказано, в частности, о «неподвижности» времени; вот, например, строфа забытого поэта XIX века Владимира Бенедиктова: И нету настоящему конца, / И нет начала. Люди вздор городят / О времени, — оно для мудреца / Всегда стоит, они ж идут, проходят / Или плывут по жизненной реке / И к берегам относят то движенье, / Которое на утлом челноке / Свершают сами. Всюду — заблужденье. («На 1861»).

занимающихся этими вопросами, а сам всегда вел беседы о делах человеческих: он исследовал, что благочестиво и что нечестиво, что прекрасно и что безобразно, что справедливо и что несправедливо, что есть благоразумие и что — безумие, что — храбрость и что — трусость, что — государство и что — государственный муж, что есть человеческая власть и что человек, способный властвовать над людьми, и так далее; кто знает это, тот, думал он, человек достойный, а кто не знает — по справедливости заслуживает названия человека низкого.

В тех случаях, когда убеждения его не были известны, ничего удивительного нет, что судьи пришли к ошибочному заключению о нем; но не удивительно ли, что они не приняли во внимание того, что все знали? Однажды, сделавшись членом Совета и принеся присягу, которую приносят члены Совета, в том, что они будут при исполнении этой должности руководиться законами, он попал в главы Народного собрания.¹

¹ 406 г., когда Сократ по воле жребия сначала оказался членом Совета пятисот, а потом таким же образом председателем-эпистатом комиссии пританов, управляющих Афинами. И надо же так совпасть, что именно в тот день, когда он был председателем, — созвано было Народное собрание, чтобы судить стратегов после сражения при Аргинузских островах! Согласно закону, Сократу пришлось председательствовать на этом Народном собрании-судилище, и он сделал все возможное, пытаясь унять разбушевавшуюся толпу и спасти невинных людей. Увы, опять же согласно закону, один человек исполнял должность эпистата сутки, после чего сменялся другим пританом; и тот, другой, позволил демагогам и страстям взять верх: шестерых стратегов казнили. Эта история и составляет канву рассказа Ксенофонта (см. также: Платон. «Апология Сократа», прим. к с. 71).

Когда народу захотелось осудить на смертную казнь стратегов Фрасилла и Эрасинида с их коллегами, всех одним голосованием, вопреки закону, Сократ отказался поставить это предложение на голосование, несмотря на раздражение народа против него, несмотря на угрозы многих влиятельных лиц: соблюдение присяги он поставил выше, чем угрождение народу вопреки справедливости и чем охрану себя от угроз. Да, его вера в промысел богов о людях была не такова, как вера простых людей, которые думают, что боги одно знают, другого не знают; Сократ был убежден, что боги все знают — как слова и дела, так и тайные намерения, что они везде присутствуют и дают указания людям обо всех делах человеческих.

Ввиду этого я удивляюсь, как же афиняне поверили, что Сократ неразумно мыслит о богах — Сократ, который никогда не сказал и не сделал ничего нечестивого, а, наоборот, говорил и поступал так, что всякий, кто так говорит и поступает, был бы и считался бы благочестивейшим человеком.

Глава 2

Опровержение второго пункта обвинения:

Сократ не развращал молодежь

Удивительным кажется мне также и то, что некоторые поверили, будто Сократ развращает молодежь — Сократ, который, кроме упомянутых качеств, прежде всего, более, чем кто-либо иной обладал воздержанием в любовных наслаждениях и в употребле-

нии пищи, затем способностью переносить холод, жар и всякого рода труды и к тому же такой привычкой к умеренности в потребностях, что, при совершенно ничтожных средствах, очень легко имел все в достаточном для него количестве. Так, если он сам был таким, то как мог сделать других безбожниками, нарушителями законов, чревоугодниками, сластолюбцами, неспособными к труду неженками? Напротив, он многих отвратил от этих пороков, внушив им стремление к добродетели и подав надежды, что если они станут заботиться о себе, то будут людьми нравственными. А между тем он никогда не брался быть учителем добродетели; но, так как все видели, что он таков, то это давало надежду людям, находившимся в общении с ним, что они, подражая ему, станут такими же.

Однако и тело он сам не оставлял без заботы и тех, кто не заботился о нем, не хвалил. Так, он осуждал тех, которые чрезмерно наедаются и потом чрезмерно работают, а находил полезным есть столько, сколько душа принимает с удовольствием, чтобы переваривать пищу удовлетворительно; такой распорядок он считал и довольно здоровым, и не мешающим заботиться о душе. Но при этом он не любил изнеженности и хвастовства ни в одежде, ни в обуви, ни в других жизненных потребностях.

И корыстолюбцами он не делал своих собеседников: от всяких страстей он отвращал их, а на тех, кто желал общения с ним, не наживался. В таком воздержании он видел заботу о свободе; а кто берет плату за свои беседы, тех он презрительно называл продавцами самих себя в рабство, так как они обязаны разговаривать с теми, с кого берут плату. Он удивлялся, как это человек, объявляющий себя

добродетельным, берет деньги и не видит громадной пользы для себя в приобретении доброго друга, а боится, что тот, кто достигнет нравственного совершенства, не воздаст величайшей благодарности своему величайшему благодетелю. Сократ, напротив, не обещал никому никогда ничего подобного, но полагал, что если его собеседники поймут, что им одобряется, то они на всю жизнь останутся добрыми друзьями и с ним и между собою. Так как же такой человек может развращать молодежь? Разве только забота о добродетели есть развращение!

«Но, клянусь Зевсом, — говорит обвинитель, — Сократ учил своих собеседников презирать установленные законы: он говорил, что глупо правителей государства выбирать посредством бобов,¹ тогда как никто не хочет иметь выбранного бобами рулевого, плотника, флейтиста или исполняющего другую подобную работу, ошибки в которой приносят гораздо меньше вреда, чем ошибки в государственной деятельности; подобные речи, — говорил обвинитель, — возбуждают в молодежи презрение к установленному государственному строю и склонность к насильственным действиям». Я, напротив, думаю, что люди образованные, чувствующие в себе способность да-

¹ Высшие административные и судебные должности в Афинах, особенно со времен Солона (590-е годы), занимались по жребию («Демократия есть такая форма правления, где должности занимаются по жребию» — Аристотель. «Риторика» 1, 8, 1365 в). Голосованием, «поднятием рук», избирались стратеги, другие военные командиры, финансовые начальники и т. д. Что касается бобов, то в отдаленную эпоху они использовались в качестве «бюллетеней».

вать в будущем полезные советы согражданам, меньше, чем кто-либо другой, бывают склонны к насильственным действиям: они знают, что насилие сопряжено с враждой и опасностями, а путем убеждения можно достигнуть тех же самых результатов без опасности, пользуясь любовью; кого заставляют силой, тот ненавидит, как будто у него что-то отняли, а на кого воздействуют убеждением, тот любит, как будто ему сделали одолжение. Поэтому несвойственно образованным людям действовать насилием: такие поступки свойственны людям, обладающим силой, но без разума. Затем, кто осмеливается действовать насилием, тому нужно иметь сообщников, и немало; а кто может убеждать, тому не нужно никого: он уверен, что и один он может убеждать. Да и к убийствам такие люди склонны мало: кто захочет убивать человека вместо того, чтобы он, оставаясь в живых, был верен ему?

«Однако, — говорил обвинитель, — двое бывших учеников Сократа, Критий и Алкивиад, очень много зла наделали отечеству: Критий при олигархии превосходил всех корыстолюбием, кровожадностью, а Алкивиад при демократии среди всех отличался невоздержанностью, заносчивостью, склонностью к насилию».¹ Если они причинили какое зло отечеству, я не стану оправдывать их; я расскажу только, какого

¹ Ксенофонт дает точную характеристику обоим историческим персонажам. О блестящей, трагической и жалкой судьбе Алкивиада (ок. 450 — ок. 404) подробно написал Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях». Олигархией Ксенофонт называет диктатуру Тридцати тиранов, возглавлял ее Критий (ок. 460 — 403), см. также: Предисловие).

рода была их связь с Сократом. Как известно, оба они по натуре своей были самыми честолюбивыми людьми в Афинах: они хотели, чтобы все делалось через них и чтобы все говорили о них. А они знали, что Сократ, имея меньшие деньги, живет самостоятельно, что он воздерживается от всяких удовольствий и что со всеми собеседниками словами своими делает, что хочет. Можно ли сказать, что люди такого рода, как я их выше описал, видя это, в своем стремлении к общению с Сократом руководились желанием вести жизнь, какую он вел, и иметь его воздержанность? Или же они надеялись, что благодаря общению с ним могут стать очень ловкими ораторами и дельцами? Я, со своей стороны, убежден, что если бы бог дал им на выбор или всю жизнь жить, как Сократ, или умереть, то они предпочли бы умереть. Это видно было по их действиям: как только они почувствовали свое превосходство над товарищами, они сейчас же отпрянули от Сократа и предались государственной деятельности, ради которой они и примкнули к Сократу.

По поводу этого, пожалуй, можно сказать, что Сократу не следовало учить своих собеседников политике, не научив их сперва властвовать собою. Против этого я не возражаю. Но все учителя, как я вижу, не только показывают ученикам собственным примером, как они сами исполняют свое учение, но и словом стараются склонить их к принятию своих мнений. И Сократ, я знаю, являл собою друзьям образец добронравного человека и вел превосходные беседы о добродетели и о других сторонах человека. И они, я знаю, пока были в общении с Сократом, умели властвовать собою, — не из страха, что Сократ накажет их или побьет,

но потому, что тогда они действительно считали такой образ действий лучшим.

Пожалуй, многие, называющие себя философами, возразят, что никогда справедливый не может стать несправедливым, владеющий собою — необузданным и, вообще, кто научился чему-нибудь, чему можно учиться, никогда не может обратиться в незнающего. Я держусь другого мнения об этом: подобно тому, как работу тела не может исполнять тот, кто не развивает тело упражнением, так и работу души, я вижу, не может исполнять тот, кто не развивает душу: он не может ни делать того, что нужно делать, ни воздерживаться от того, от чего нужно воздерживаться. Поэтому и отцы удаляют сыновей, хотя бы они были и благоразумными, от людей испорченных: они убеждены, что общение с хорошими людьми служит школой совершенства, а общение с дурными — ведет к его уничтожению. Об этом свидетельствуют и поэты — один говорит:

У благородных добру ты научишься; если с дурными
Будешь, то прежний свой ум ты потеряешь тогда,

другой:

Но добродетельный муж то бывает хорош, а то дурен.¹

Да, и я согласен с ними: как, не повторяя стихов, забываешь их, так, вижу я, и слова учителей забываются при невнимательном отношении к ним. А когда забудешь наставления, забудешь и те впечатления, при которых душа стремилась к нравственному совершенству; а забывши их, немудрено

¹ Первая цитата из прославленного поэта Феогида (вторая половина VI в.); автор другого стиха неизвестен.

забыть и о нравственном совершенстве. Я вижу также, что люди, погрузившиеся в пьянство и поддавшиеся увлечениям любви, уже не могут заботиться о том, что нужно делать, и воздерживаться от того, что не нужно делать: многие, которые могли беречь деньги, пока не были влюблены, влюбившись, уже не могут беречь их, а истратив деньги, уже не избегают таких способов наживы, которых прежде избегали, считая их позорными. Так что же невозможного в том, что человек, прежде нравственный, потом становится безнравственным, и могший раньше поступать справедливо, потом не может? Ввиду этого мне кажется, что все хорошие, совершенные навыки можно развить в себе упражнением, а особенно нравственность: вождения, насажденные в одном и том же теле с душой, склоняют ее не быть нравственной, а поскорее угождать им и телу.

Так вот, пока Критий и Алкивиад находились в общении с Сократом, они могли благодаря союзу с ним одолевать низменные страсти; когда же они оставили его, то Критий бежал в Фессалию и там проводил время среди людей, склонных скорее к беззаконию, чем к справедливости; Алкивиад, которого из-за его красоты ловили в свои сети многие женщины из почтенных семейств, а вследствие его влияния в родном городе и у союзников многие именитые люди портили угодливостью, который пользовался уважением у народа и легко достиг первенства, перестал наблюдать за собою, подобно тому, как атлеты, легко достигшие первенства на гимнастических состязаниях, пренебрегают упражнениями. При таких обстоятельствах, величаясь родом, превозносясь богатством, надменные благодаря своему влиянию, испорченные многими лицами и сверх всего этого давно

уже оставившие Сократа, что мудреного, что они стали высокомерными? И после этого за ошибки, сделанные ими, обвинитель считает ответственным Сократа? А что Сократ сделал их нравственными людьми, когда они были молоды и когда человеку особенно свойственны безрассудство и невоздержанность, за это Сократ, по мнению обвинителя, не заслуживает никакой похвалы? Нет, в других случаях судят не так. Какой, например, флейтист, какой кифарист, какой вообще учитель, сделавший своих учеников искусными, может нести ответственность, если они, перейдя к другим учителям, окажутся хуже? Если чей-нибудь сын, находясь в общении с кем-либо, ведет себя благоразумно, а потом, подружившись с кем-либо другим, станет негодяем, то какой отец винит за это прежнего знакомого? Не хвалит ли он, напротив, первого тем больше, чем хуже сын его окажется под влиянием второго? Нет, сами отцы, хотя сыновья находятся при них, не несут ответственности за ошибки детей, если только они сами ведут жизнь нравственную. Справедливость требует так судить и о Сократе: если бы он сам поступал дурно, то было бы основание считать его негодным человеком; а если он всегда вел жизнь нравственную, то разве справедливо, чтоб он нес ответственность за пороки, которых у него не было?

Но, даже если он сам не делал ничего дурного, но одобрял их скверное поведение, то и в таком случае он может заслуживать упрека. Заметив, что Критий влюблен в Евтидема¹ и соблазняет его, чтобы быть с ним в таких отношениях, в каких находятся люди, пользующиеся телом для любовных наслаждений,

¹ «Модный» в Афинах красавчик.

Сократ старался отвратить его от этой страсти: он указывал, как унижительно и недостойно свободно-рожденному человеку, подобно нищему, выпрашивать милостыню у своего любимца, которому он хочет казаться дорогим, моля и прося у него подарка, да еще совсем нехорошего. Но так как Критий не внимал таким увещаниям и не отставал от своей страсти, то, говорят, Сократ, в присутствии многих лиц, в том числе и Евтидема, сказал, что у Крития, как ему кажется, есть свинская склонность: ему хочется тереться об Евтидема, как поросята трутся о камни. С этого-то времени и стал ненавидеть Сократа Критий: будучи членом коллегии Тридцати и попав в законодательную комиссию с Хариклом,¹ он припомнил это Сократу и внес в законы статью, воспрепятствующую преподавать искусство слова: он хотел вредить ему, но, не зная, как к нему подступиться, возвел на него упрек, который обычно бросают всем философам,² и старался оклеветать его перед людьми: я и сам никогда не слыхал таких речей от Сократа, и никто, сколько мне известно, не говорил, что слышал. События показали это: когда Тридцать массу граждан казнили, самых выдающихся, и многих подстрекали к несправедливым действиям, Сократ однажды сказал: «Странно было бы, мне кажется, если бы человек, ставши пастухом стада коров и уменьшая число и качество коров, не признавал себя плохим пастухом; но еще страннее, что человек, ставши правителем го-

¹ Второй по влиянию руководитель в коллегии Тридцати тиранов.

² Имеются в виду софисты или метеорософисты, которые перелицовывали понятия и внедрялись в тайны мироздания.

сударства и уменьшая число и качество граждан, не стыдится этого и не считает себя плохим правителем государства». Когда Критию и Хариклу донесли об этом, они призвали Сократа, показали ему закон и запретили разговаривать с молодыми людьми. Сократ спросил их, можно ли предложить им вопрос по поводу того, что ему непонятно в этом запрещении. Они отвечали, что можно.

«Хорошо, — сказал Сократ, — я готов повиноваться законам; но, чтобы незаметно для себя, по неведению, не нарушить в чем-нибудь закона, я хочу получить от вас точные указания вот о чем. Почему вы приказываете воздерживаться от искусства слова — потому ли, что оно, по вашему мнению, помогает говорить правильно, или потому, что неправильно? Если — говорить правильно, то, очевидно, пришлось бы воздерживаться говорить правильно; если же — говорить неправильно, то, очевидно, надо стараться говорить правильно».

Харикл рассердился и сказал ему: «Когда, Сократ, ты этого не знаешь, то мы объявляем тебе вот что, для тебя более понятное, — чтобы с молодыми людьми ты вовсе не разговаривал».

На это Сократ сказал: «Так чтобы не было сомнения, определите мне, до скольких лет должно считать людей молодыми».

Харикл отвечал: «До тех пор, пока им не дозволяется быть членами Совета,¹ как людям еще не-

¹ Имеется в виду Совет пятисот, управлявший Афинами в периоды «нормальной» демократии, членами которого могли быть только полноправные (и по отцу, и по матери) граждане не моложе 30.

разумным; и ты не разговаривай с людьми моложе тридцати лет».

«И когда я покупаю что-нибудь, — спросил Сократ, — если продает человек моложе тридцати лет, тоже не надо спрашивать, за сколько он продает?»

«О подобных вещах можно, — отвечал Харикл, — но ты, Сократ, по большей части спрашиваешь о том, что знаешь; так вот, об этом не спрашивай».

«Так, и не должен я отвечать, — сказал Сократ, — если меня спросил молодой человек о чем-нибудь мне известном, например, где живет Харикл или где находится Критий?»

«О подобных вещах можно», — отвечал Харикл.

Тут Критий сказал: «Нет, тебе придется, Сократ, отказаться от этих сапожников, плотников, кузнецов: думаю, они совсем уж истрепались оттого, что вечно они у тебя на языке».

«Значит, — отвечал Сократ, — и оттого, что следует за ними — от справедливости, благочестия и всего подобного?»

«Да, клянусь Зевсом, — сказал Харикл, — и от пастухов; а то смотри, как бы и тебе не уменьшить числа коров».

Тут-то и стало ясно, что им сообщили рассуждение о коровах и что они сердились за него на Сократа.

Итак, какого рода было знакомство Крития с Сократом и в каких отношениях они были друг с другом, сейчас сказано. Но я вижу, что никто не может ничему научиться у человека, который не нравится. А Критий и Алкивиад все время, пока были в общении с Сократом, были в общении с ним не потому, чтобы он им нравился, а потому, что они с самого начала поставили себе целью стоять во главе государства. Еще когда они были с Сократом, они ни с кем так охотно

не стремились беседовать, как с политиками. Так, говорят, Алкивиад, когда ему не было еще двадцати лет, вел такую беседу о законах с опекуном своим Периклом, стоявшим тогда во главе государства:

«Скажи мне, Перикл, — начал Алкивиад, — могли бы ты объяснить мне, что такое закон?»

«Конечно», — отвечал Перикл.

«Так объясни мне, ради богов, — сказал Алкивиад, — когда я слышу похвалы некоторым за их уважение к закону, я думаю, что такую похвалу едва ли имеет право получить тот, кто не знает, что такое закон».

«Ты хочешь узнать, Алкивиад, что такое закон, — отвечал Перикл. — Твое желание совсем не трудно исполнить. Первый встречный скажет: законы — это все то, что большинство примет и напишет с указанием, что следует делать и чего не следует».

«Какою же мыслью при этом руководствуются — хорошее следует делать или дурное?»

«Хорошее, клянусь Зевсом, мой мальчик, — отвечал Перикл. — Конечно, не дурное».

«А если не большинство, но, как бывает в олигархиях, немногие соберутся и напишут, что следует делать, — это что?»

«Все, — отвечал Перикл, — что напишет властвующий, обсудив, что следует делать, называется законом».

«Так если и тиран, властвующий в государстве, напишет гражданам, что следует делать, и это закон?»

«Да, — отвечал Перикл, — все, что пишет тиран, пока власть в его руках, это есть закон».

«А насилие и беззаконие, — спросил Алкивиад, — что такое, Перикл? Не то ли, когда сильный за-

ставляет слабого не убеждением, а силой делать, что ему вздумается?»

«Мне кажется, да» — сказал Перикл.

«Значит, и все, что тиран пишет, не убеждением, а силой заставляя граждан делать, есть беззаконие?»

«Мне кажется, да, — отвечал Перикл. — Я беру назад свои слова, что все, что пишет тиран, не убедивший граждан, есть закон».

«А все то, что пишет меньшинство, не убедив большинство, но пользуясь своей властью, должны ли мы это называть насилем или не должны?»

«Мне кажется, — отвечал Перикл, — все, что кто-нибудь заставляя кого-нибудь делать, не убедивши, — все равно, пишет он это, или нет, — будет скорее насиле, чем закон».

«Значит, и то, что пишет все большинство, пользуясь своей властью над людьми состоятельными, а не убедив их, будет, скорее, насиле, чем закон?»

«Да, Алкивиад, — отвечал Перикл, — и мы в твои годы мастера были на такое же; мы заняты были этим и придумывали подобное тому, чем, по-видимому, занят теперь и ты».

Алкивиад на это сказал: «Ах, если бы, Перикл, я был с тобою в то время, когда ты превосходил самого себя в этом мастерстве!»

Итак, как только они заметили свое превосходство над государственными деятелями, они уже перестали подходить к Сократу: он и вообще им не нравился, да к тому же, когда они подходили к нему, им было неприятно слушать его выговоры за их провинности. Они предались государственной деятельности, ради которой и обратились к Сократу.

Но Критон, Херефонт, Херекрат, Гермоген, Симмий, Кебет, Федонд и другие собеседники Сократа

искали его общества не с тем, чтобы сделаться ораторами в Народном собрании или в суде, но чтобы стать совершенными и хорошо исполнять свои обязанности по отношению к семье, слугам, родным, друзьям, отечеству, согражданам. И никто из них ни в молодости, ни в пожилых годах не делал ничего дурного и не подвергался никакому обвинению.

«Но Сократ, — говорит обвинитель, — учил презрительно обращаться с отцами: он внушал своим собеседникам убеждение, что он делает их мудрее отцов, и указывал, что по закону можно даже отца заключить в оковы, если доказать его умопомешательство: это ему служило доказательством в пользу законности того, чтобы образованный человек держал в оковах необразованного». На самом деле Сократ был того мнения, что человек, заключающий в оковы другого за недостаток у него образования, может быть на законном основании сам заключен в оковы людьми, знающими то, чего он не знает. Ввиду этого он часто исследовал вопрос о различии между незнанием и сумасшествием: сумасшедших, думал он, следует держать в оковах как для их собственной пользы, так и для пользы их друзей; а что касается не знающих того, что нужно знать, то справедливость требует, чтобы они учились у знающих.

«Но Сократ, — говорил обвинитель, — внушал своим собеседникам неуважение не только к отцам, но и к другим родственникам: он указывал, что при болезни или судебном процессе помогают не родственники, но в первом случае врачи, а во втором — ловкие защитники». По словам обвинителя, также и о друзьях Сократ говорил, что нет никакой пользы от их расположения, если они не будут в состоянии ока-

зывать помощь; только те, говорил будто бы он, имеют цену, которые знают то, что должно, и умеют это объяснить. Таким образом, он будто бы внушал молодым людям убеждение, что он сам умнее всех и способен сделать и других умными, и через это приводил их в такое настроение, что в их глазах все другие не имели никакой цены в сравнении с ним. Да, я знаю, он выражался так об отцах и других родственниках, и о друзьях; мало этого, он говорил еще то, что, по исходе души, в которой только и происходит разумение, тело самого близкого человека поскорее выносят и скрывают под землей. «Даже и при жизни, — говорил он, — всякий, хоть и любит себя более всего, от своего собственного тела сам отнимает все ненужное и бесполезное и другому предоставляет это делать. Так, например, люди сами у себя обрезают ногти, волосы, мозоли и врачам предоставляют отрезать и отжигать (больные части) со страданием и болью, да еще считают себя обязанными за это платить им мзду; слюну выплевывают изо рта как можно дальше, потому что, оставаясь во рту, пользы она не приносит им никакой, а скорее приносит вред». Да, это он говорил, но не в том смысле, что отца надо зарыть живым, а себя разрезать на куски; но, доказывая, что все неразумное не заслуживает уважения, он внушал каждому стремление быть как можно более разумным и полезным, чтобы тот, кто хочет пользоваться уважением отца, брата или кого другого, не сидел сложа руки, полагаясь на свое родство, а старался быть полезным тем, от кого хочет заслужить уважение.

Говорил про него обвинитель еще то, что он из самых знаменитых поэтов выбирал самые безнравственные места и, приводя их в виде доказательства,

внушал своим собеседникам преступные мысли и стремление к тирании, например, из Гесиода¹ стих:

Дело отнюдь ни одно не позор, а позор лишь безделье.

Повторяя этот стих, он будто бы говорил, что поэт советует не гнушаться никаким делом, ни бесчестным, ни зазорным, но и за такие дела браться с целью наживы. Но на самом деле, когда Сократ в дискуссии приходил к соглашению, что быть работником — полезно и хорошо, а быть бездельником — вредно и дурно, и что работать — хорошо, а бездельничать — дурно, то он говорил, что люди, делающие что-нибудь хорошее, работают и что они — работники, а играющих в кости или делающих что-нибудь скверное и вредное он обзывал бездельниками. При таком понимании окажется верным изречение:

Дело отнюдь ни одно не позор, а позор лишь безделье.

По словам обвинителя, Сократ часто повторял место из Гомера о том, что Одиссей

Если царя где встречал или воина знатного родом,
Став перед ним, он его останавливал кроткою речью:
«О многочтимый! Тебе не пристало дрожать, словно трусу.
Лучше на место садись и других усади средь народа».
Если ж кричавшего громко он мужа встречал из народа,

¹ Гесиод жил ок. 700 г., он может считаться первым исторически достоверным поэтом; автор эпических поэм «Труды и дни» и «Теогония». Возможно, его, как и многих последующих служителей Муз, вывела на стезю творчества личная драма: брат по имени Перс обманом лишил его наследства. «Труды и дни» — посвящена земным делам, «Теогония» — истолкованию мироздания и мифологии богов.

Скиптром его ударял и бранил его грозною речью:
«Сядь, злополучный, недвижно и слушай, что скажут
другие,
Те, кто мудрее тебя; ты ж негоден к войне и бессилён,
И никогда ни во что не считался в бою, ни в совете».¹

Эти стихи он толковал будто бы в том смысле, что поэт одобряет, когда бьют простолюдинов и бедняков. Но на самом деле Сократ этого не говорил: в таком случае, думал он, и ему самому пришлось бы быть битым; он говорил, что людей, ни словом, ни делом не приносящих пользы, не способных помочь в случае надобности ни войску, ни государству, ни самому народу, особенно если сверх того они еще и наглы, необходимо всячески обуздывать, как бы богаты они ни были. Нет, напротив, Сократ, как всем известно, был другом народа и любил людей. Много находилось людей, усердно искавших общения с ним, и в Афинах и среди чужеземцев, но он ни с кого не требовал платы за свои беседы, однако со всеми щедро делился своими сокровищами; некоторые из них дорого продавали другим то небольшое, что получили от него даром, и не были друзьями народа подобно ему: кто не мог платить им деньги, с теми они не хотели вести беседы. Сократ же слыл у иноземцев украшением родного города — в гораздо большей степени, чем в Спарте Лих, прославившийся этим: Лих во время Гимнопедий² угощал иностранцев, приезжавших в Спарту, а Сократ, в течение всей жизни тратя себя самого, приносил громадную пользу

¹ «Илиада», 11, 188.

² Лих знаменит своей щедростью. Гимнопедии — местный спарганский праздник в честь павших в сражениях при Фирее и Арголиде в 546 году.

всем желавшим: кто пользовался его обществом, уходил от него нравственно улучшенным.

Итак, по моему мнению, Сократ при таких достоинствах заслуживал скорее почета, чем смертного приговора от сограждан. Да, если посмотреть на это дело с точки зрения законов, то придешь к тому же заключению. По законам смертная казнь назначена в наказание тому, кто уличен в воровстве, в похищении платья, в срезании кошельков, в прорытии стен, в продаже людей в рабство,¹ в святотатстве; а Сократ больше всех на свете был далек от таких преступлений. Далее, перед отечеством он никогда не был виновен ни в неудачной войне, ни в мятеже, ни в измене, ни в другом каком бедствии. В частной жизни он тоже никогда ни у кого не отнимал имущества, никого не повергал в несчастье; никогда он даже обвинения не навлек на себя ни в чем вышеупомянутом. Так как же он может подлежать суду по этой жалобе? Вместо того, чтобы не признавать богов, как было сказано в жалобе, он почитал богов больше, чем кто-либо другой, как всем было известно; вместо того, чтобы развращать молодежь, в чем его обвинял тот, кто возбудил судебный процесс, он своих друзей, имевших порочные страсти, отвращал от них, как всем было известно, внушая им стремление к прекрасной, высокой добродетели, благодаря которой процветают и государства, и семьи. А при таком образе действий разве не заслуживал он великого почета у сограждан?

¹ Стены домов несложно было прорыть, поскольку они делались из необожженного кирпича или дерева. Похищение людей и продажа в рабство — один из промыслов тогдашних преступных «мафий».

Глава 3

Сократ был полезен ученикам примером и учением

Что Сократ, по моему мнению, и пользу приносил своим друзьям, — как делом, обнаруживая пред ними, каков он есть, так и беседами, — об этом я теперь напишу, что припомню.

Что касается отношения к богам, его дела и слова — это всем было известно — были согласны с ответом Пифии,¹ который она дает на вопрос, как поступать относительно жертвоприношений, почитания предков или тому подобного: Пифия дает ответ, что кто поступает по обычаю родного города, тот поступает благочестиво. Сократ и сам так поступал и другим советовал, а кто поступает как-нибудь иначе, те, думал, глупы и берутся не за свое дело.

В молитвах он просто просил богов даровать добро, ибо боги лучше всех знают, в чем состоит добро; а просить богов о золоте, серебре, тирании или о чем-нибудь подобном — это все равно, думал он, что просить об игре в кости, сражении или о чем-нибудь другом, исход чего совершенно неизвестен.

Жертвы приносил он небольшие, потому что и средства у него были небольшие, но не принижал себя перед теми, кто приносит много больших жертв от своих богатств. Богам, говорил он, не было бы присуще совершенство, если бы они большим жертвам радовались больше, чем малым: в таком случае часто дары порочных людей им были бы угоднее,

¹ Пророчица в Дельфийском храме.

чем дары хороших; да и людям не стоило бы жить, если бы дары порочных были угоднее богам, чем дары хороших. По его убеждению, боги всего более радуются почету от людей наиболее благочестивых. Он хвалил также следующий стих:

Жертвы бессмертным богам приноси сообразно
достатку.¹

Также и по отношению к друзьям, чужеземным гостям и в разных других обстоятельствах жизни совет «приноси по достатку» он находил прекрасным.

Если ему казалось, что ему дается какое-нибудь указание от богов, то уговорить его поступить вопреки этому указанию было труднее, чем уговорить взять проводника, слепого и не знающего дороги, вместо зрячего и знающего. Да и других обзывал он глупцами, кто поступает вопреки указанию богов из опасения дурной славы у людей. Сам же он пренебрегал всем человеческим в сравнении с божественными знаками.

Тот образ жизни, к которому он приучил и душу, и тело, был таков, что при нем всякий проживет безмятежно и безопасно, если только по воле богов не произойдет чего-нибудь необыкновенного. Жизнь обходилась ему так дешево, что не знаю, можно ли так мало зарабатывать, чтобы не получать столько, сколько было достаточно для Сократа. Пищи он употреблял столько, сколько мог съесть с аппетитом, а к еде приступал с такой подготовкой, что голод служил ему приправой; питье всякое ему было вкусно, потому что он не пил, если не чувствовал жажды. Если когда его приглашали на обед

¹ Стих из «Трудов и дней» Гесиода (ст. 336).

и он соглашался прийти, то он совершенно легко мог уберечься от чрезмерного пресыщения, от чего огромному большинству людей очень трудно уберечься. Кто не мог этого сделать, тем он советовал избегать таких кушаний, которые соблазняют человека есть, не чувствуя голода, и пить, не чувствуя жажды: это, говорил он, вредит желудку, голове и душе. Он шутил, что и Кирка,¹ должно быть, превращала людей в свиней, угощая их такими кушаниями в изобилии; а Одиссей, благодаря наставлению Гермеса и собственной умеренности, удержался от чрезмерного их употребления и оттого не превратился в свинью. Так он говорил об этом шутливо и, вместе с тем, серьезно.

От любви к красавцам советовал он тщательно воздерживаться: нелегко, говорил он, владеть собою, касаясь таких людей. Услышав однажды, что Критобул,² сын Критона, поцеловал Алкивиадова сына, красавца, он спросил Ксенофонта в присутствии Критобула:

— Скажи мне, Ксенофонт, не правда ли, ты считал Критобула скорее скромным, чем дерзким, скорее осторожным, чем безрассудным и кидающимся в опасность?

— Конечно, — отвечал Ксенофонт.

¹ Иначе Цирцея, дочь Гелиоса (Солнца) — мифическая волшебница, жившая на острове Эя, к которому пристал Одиссей со своими спутниками. Вкусив напитка волшебницы, спутники превратились в свиней; впрочем, хитроумный вождь сумел вернуть им облик людей («Одиссея», песнь X).

² Сын ближайшего друга Сократа был весьма смазлив и кокетлив.

— Так считай его теперь в высшей степени отчаянным и необузданным: он станет и между мечей кувыркаться,¹ и в огонь прыгать.

— Что же ты заметил в его поступках, что так дурно думаешь о нем? — произнес Ксенофонт.

— Да разве он не отважился поцеловать Алкивиадова сына, такого хорошенького, цветущего?

— Ну, если этот отчаянный поступок — такого рода, — сказал Ксенофонт, — то, мне кажется, и я могу попасть в эту опасность!

— О, несчастный! — сказал Сократ. — Как ты думаешь, что с тобой может быть после поцелуя красавца? Разве не станешь ты сейчас же рабом из свободного человека? Разве не станешь разоряться на вредные удовольствия? Разве будет у тебя время позаботиться о прекрасном? Разве не будешь ты вынужден усердно заниматься такими вещами, какими не станет заниматься и сумасшедший?

— О, Геракл! — сказал Ксенофонт. — Какую странную силу ты приписываешь поцелую!

— И ты этому удивляешься? — отвечал Сократ. — Разве ты не знаешь, что фаланги, величиной меньше пол-обола, только прикоснувшись ртом, изводят людей болью и лишают рассудка?

— Да, клянусь Зевсом, — отвечал Ксенофонт, — ведь фаланги что-то впускают при укусе.

— Глупец! — сказал Сократ. — А красавцы при поцелуе разве не впускают чего-то? Ты не думаешь этого только оттого, что не видишь. Разве ты не

¹ Весьма опасная забава, «русская рулетка» древних. Ставится круг, утыканный мечами острием вверх, между которыми и над которыми кувыркаются, как правило, в хорошем подпитии (Ксенофонт. «Пир», 2, 11).

знаешь, что этот зверь, которого называют молодым красавцем, тем страшнее фаланг, что фаланги прикосновением впускают что-то, а красавец даже без прикосновения, если только на него смотришь, даже издали, впускает что-то такое, что сводит человека с ума? (Может быть, и Эроты потому называются стрелками, что красавцы даже издали наносят раны.)¹ Нет, советую тебе, Ксенофонт, когда увидишь такого красавца, бежать без оглядки. А тебе, Критобул, советую на год уехать отсюда: может быть, за это время, хоть и с трудом, ты выздоровеешь.

Таким образом, и по отношению к любовным увлечениям он держался того мнения, что люди, не чувствующие себя в безопасности от них, должны направлять их на то, чего без особенно большой потребности тела душа не примет и что, при появлении потребности, хлопот не доставит. А сам он, несомненно, был так хорошо вооружен против таких увлечений, что ему легче было держаться в отдалении от самых красивых и спелых, чем другим от самых перезревших и безобразных.

Такие вот правила усвоил он себе относительно пищи, питья и любовных наслаждений и был того мнения, что удовольствия он испытывает достаточно, нисколько не меньше, чем те, которые об этом много хлопчут, а печали испытывает гораздо меньше.

¹ Фраза в скобках считается позднейшей вставкой.

Глава 4

*Разговор с Аристодемом
об отношении божества к человеку*

Если некоторые, на основании письменных и устных свидетельств о Сократе, думают, что он обращать людей к добродетели умел отлично, но указывать путь к ней не был способен, то пусть они рассмотрят не только те беседы его, в которых он ради исправления при помощи вопросов опровергал людей, воображающих, что они все знают, но также и повседневные беседы его с друзьями, и пусть тогда уже судят, был ли он способен нравственно возвышать их.

В первую очередь я изложу слышанную мною беседу его с Аристодемом,¹ по прозвищу Малым, о божестве.

Заметив, что он не приносит жертв богам и не прибегает к гаданиям, а, напротив, даже смеется над теми, кто это делает, он обратился к нему с таким вопросом:

— Скажи мне, Аристодем, есть ли люди, премудростью которых ты восхищаешься?

— Да, — отвечал он.

— Назови нам имена их, — сказал Сократ.

— В эпической поэзии я всего больше восхищаюсь Гомером, в дифирамбе² — Меланиппидом,³

¹ Лицо, исследователями не опознанное.

² Песнь во славу Диониса (Вакха) — бога вина, веселья, экстатического безумия.

³ Поэт, современник Сократа.

в трагедии — Софоклом,¹ в скульптуре — Поликлетом,² в живописи — Зевксидом.³

— Кто же, по-твоему, заслуживает большего восхищения — тот ли, кто изготавливает изображения, лишённые разума и движения, или тот, кто создаёт живые существа, разумные и самодеятельные?

— Клянусь Зевсом, гораздо больше тот, кто творит живые существа, если действительно они появляются не по какой-то случайности, но благодаря разуму.

— Какие же вещи ты признаешь делом случайным и какие — делом разума: те ли, цель существования которых неизвестна, или те, которые существуют для какой-нибудь пользы?

— Надо полагать, конечно, что предметы, получающие благодаря разуму бытие для какой-нибудь пользы.

— Так не кажется ли тебе, что тот, кто изначально творил людей, для пользы придал им органы, посредством которых они все чувствуют, — глаза, чтобы видеть, что можно видеть, уши, чтобы слышать, что можно слышать? А от запахов какая была бы нам польза, если бы не был дан нос? А какое у нас было бы ощущение сладкого и острого и вообще всего приятного на вкус, если бы не был вложен язык, знаток этого? Кроме того, как ты думаешь,

¹ Великий трагический поэт-драматург (496 — 406 годы).

² Знаменитый скульптор, живший в эпоху Перикла; его стиль отличает выразительность и динамичность, ставшие образцовыми.

³ Живописец IV—V века. Мастер светотени и перспективы, о его картине, изображавшей семь кентавров, ходили легенды. Бывал в Афинах и встречался с Сократом.

не похоже ли на дело промысла вот еще что: так как зрение слабо, то он защитил его веками, которые, когда надо ими пользоваться, растворяются, как дверь, а во сне запираются? А чтобы и ветры не вредили ему, он насадил ресницы в виде сита; бровями, словно навесом, отделил место над глазами, чтобы даже пот с головы не портил их? Далее, орган слуха воспринимает всякие звуки, но никогда не наполняется? Передние зубы у всех животных приспособлены к разрезанию, а коренные — к раздроблению пищи, полученной от них? Рот, через который живые существа вводят в себя пищу, какую желают, он поместил близ глаз и носа? А так как то, что выходит из человека, неприятно, то он направил каналы этого в другую сторону, как можно дальше от органов чувств? Все это так предусмотрительно устроено: неужели ты затрудняешься сказать, что это — дело ли случайности или дело разума?

— Нет, клянусь Зевсом, — отвечал Аристодем, — если смотреть на это с такой точки зрения, то оно очень похоже на искусное произведение какого-то божественного, любящего живые существа художника.

— А то, что он насадил стремление к деторождению, насадил в матерях стремление к выкармливанию, а во вскормленных детях величайшую любовь к жизни и величайший страх к смерти?

— Без сомнения, и это похоже на искусную работу кого-то, поставившего себе целью бытие живых существ.

— А в самом себе ты признаешь присутствие чего-нибудь разумного?

— Спрашивай: я буду отвечать.

— А в других местах нигде нет ничего разумного? Неужели ты можешь так думать, зная, что в теле

находится лишь маленькая часть громадного существа земли и ничтожная доля огромного количества влаги? Равным образом, от каждого из остальных существ, несомненно великих, ты получил по ничтожной частице в состав твоего тела; только ум, стало быть, которого нигде нет, по какому-то счастливому случаю, думаешь, ты весь забрал себе, а этот мир, громадный, беспредельный в своей множественности, думаешь, пребывает в таком стройном порядке благодаря какому-то безумию?

— Да, клянусь Зевсом, думаю так: я не вижу хозяев, как знаю мастеров в здешних работах.

— Да ведь и души своей ты не видишь, а она хозяйка тела: поэтому, если рассуждать таким образом, ты имеешь право сказать, что ты ничего не делаешь по разуму, а все по случайности.

Тут Аристодем сказал:

— Нет, Сократ, право, я не смотрю с презрением на божество, а, напротив, считаю его слишком величественным, чтобы ему нужно было еще почитание с моей стороны.

— Если так, — возразил Сократ, — то чем величественнее божество, которое, однако, удостаивает тебя своего попечения, тем больше следует чтить его.

— Будь уверен, — отвечал Аристодем, — если бы я пришел к убеждению, что боги хоть сколько-нибудь заботятся о людях, я не стал бы относиться к ним с пренебрежением.

— Так неужели ты думаешь, что они не заботятся? Во-первых, из всех живых существ одному лишь человеку они дали прямое положение, а это прямое положение дает возможность и вперед смотреть дальше, и вверху находящиеся предметы лучше видеть, а через это уменьшается опасность повредить

зрение, слух и рот. Затем, всем животным они дали ноги, дающие им возможность только ходить, а человеку прибавили еще и руки, исполняющие большую часть дел, благодаря которым мы счастливее их. Мало того, хотя все живые существа имеют язык, но только язык человека они сделали способным, посредством прикосновения его к разным местам рта, произносить членораздельные звуки, так что мы можем сообщать друг другу, что хотим. Далее, утехи любви для животных они ограничили известным временем года, а нам они даруют их непрерывно до старости. Однако бог нашел недостаточным позаботиться только о теле, но, что важнее всего, он насадил в человеке и душу самую совершенную. Так, прежде всего, у какого другого существа душа заметила, что есть боги, создавшие этот великий, прекрасный мир? Какой другой род существ, кроме человека, чтит богов? Какая душа более, чем человеческая, способна принимать меры предосторожности против голода, жажды, холодов, жара, бороться с болезнями, развивать силу упражнениями, работать над изучением чего-либо, помнить все, что услышит, увидит, изучит? Неужели тебе не ясно, что в сравнении с другими существами люди живут, как боги, уже благодаря своему природному строю далеко превосходя животных и телом, и душой? Если бы у человека было, например, тело быка, а разум человека, он не мог бы делать, что хочет; точно также животные, имеющие руки, но лишённые разума, в лучшем положении от этого не находятся. А ты, получив в удел эти драгоценные дары, думаешь, что боги о тебе не заботятся? Что же они должны сделать, чтобы ты признал их попечение о тебе?

— Я признаю это, когда они будут посылать мне, как, ты говоришь, они посылают тебе, советников¹ для указания, что делать и чего не делать.

— А когда они, — отвечал Сократ, — дают через гадания указания афинянам, желающим узнать будущее, или когда элинам и даже всем людям, посылая чудесные знамения, они предвещают что-нибудь, разве, думаешь, не дают они и тебе указаний, а только тебя исключают и оставляют вне своих забот? Как ты думаешь, неужели боги насадили бы в людях убеждение в том, что они могут делать добро и зло, если бы они не имели силы для этого? Неужели люди никогда не заметили бы, что они вечно подвергаются обману? Разве ты не видишь, что самые долговечные и мудрые учреждения человеческие — государства и народы — наиболее почтительны к богам и самые разумные возрасты наиболее преданы заботе о богах? Дорогой мой, — прибавил он, — пойми, что и твой ум, пока находится в твоём теле, распоряжается им, как хочет. На этом основании следует думать, что и целокупный разум всего устраивает вселенную так, как ему угодно: не думай, что твой взор может простираться на много стадий,² а глаз бога слишком слаб, чтобы сразу все видеть, и что твоя душа может заботиться и о здешних делах, и об египетских, и о сицилийских, а разум бога недостаточно силен, чтобы сразу обо всем иметь попечение. Но, оказывая услуги людям, ты узнаешь, кто готов и тебе оказывать услуги; делая им приятное, узнаешь, кто и тебе делает приятное; сове-

¹ По-видимому, имеются в виду те же демоны, гении в сократовском понимании.

² Стадий равен 177 метрам.

туясь с ними, узнаешь, кто умен: подобно этому, если, служа богам, ты попробуешь узнать, захотят ли они тебе давать советы о чем-нибудь, неизвестном людям, то поймешь, что божество обладает таким могуществом и такими свойствами, что может сразу все видеть, все слышать, везде присутствовать и сразу обо всем иметь попечение.

Этими беседами, мне кажется, Сократ так воздействовал на своих друзей, что они удалялись от всяких нечестивых, несправедливых и предосудительных поступков, не только когда их видели люди, но и когда они были одни, потому что были убеждены, что ни один их поступок не может остаться скрытым от богов.

АПОЛОГИЯ СОКРАТА РИТОРА ЛИБАНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ И ПЛАН РЕЧИ

Защитником Сократа, обвиняемого Анитом, выступает друг философа. Он полагает это своим долгом, так как уверен в ложности выдвинутых обвинений. Защитник тактично и убедительно напоминает судьям о необходимости не поддаваться влиянию злых происков обвинителей (гл. 1—12).

Далее следует живое описание бескорыстной деятельности Сократа, отданной совершенствованию нравов соотечественников. Сократ, несмотря на враждебность, испытываемую со стороны некоторых сограждан, недовольных его мужественной критикой, пользовался всеобщей любовью и имел множество восторженных приверженцев, к которым некогда принадлежал и Анит, охотно видевший в недавнем прошлом и собственного сына среди собеседников философа. В разговорах с юношей Сократ не раз упоминал его отца, Анита, как кожевенного торговца, что показалось Аниту тяжким оскорблением и послужило истинным поводом его обвинения, доказатель-

ством чему является выраженная Анином еще до начала судебного процесса готовность отказаться от его возбуждения, в случае если Сократ даст обещание впредь не касаться в своих беседах профессии Аниита (пп. 13—33).

Возражения защиты излагаются в следующем порядке:

1. Поскольку Сократ на протяжении всей своей жизни не менял ни образа мыслей, ни согласного с ним поведения, обвинение против него должно было прозвучать со стороны Аниита значительно раньше; в противном случае обвинитель сам достоин осуждения за преступное бездействие.

2. Защитник приводит доказательства полной несостоятельности части обвинения, касающейся ненависти Сократа к демократии, каковую он, по утверждению Аниита, насаждал в молодых людях своими наставлениями (пп. 54—61).

3. Опровержение обвинения, касающегося будто бы неуважительных отзывов Сократа о почитаемых повсеместно поэтах Гомере, Гесиоде, Феогниде и Пиндаре, защитник предваряет замечанием, что сами поэты нередко подвергают друг друга критике. Далее защита настаивает на том, что никакие законы, писанные или неписанные, не запрещают подобного рода критику никому из граждан. В данном случае важно лишь, справедлива ли она по существу. В этом отношении Сократ не заслуживает ни малейшего осуждения, так как все его упреки знаменитым поэтам не были лишены оснований. Наиболее авторитетным доказательством справедливости Сократа служит прозвучавшее некогда Дельфийское провозвестие о его мудрости. Многие в творениях названных поэтов Сократом и одобрялось. Оба утверждения поясняются примерами (пп. 62—108).

4. Обвинение в том, что наставления Сократа учили юношей лжеклятвам и подобным тяжким преступлениям защита отклоняет, указывая на безупречность поведения Сократа в жизни (пп. 109—115).

5. Высказанное обвинением предположение, что Сократ втайне от общества совершал поступки, еще более преступные, нежели те, что совершались будто бы им на виду у всех, отрицается защитой как совершенно абсурдное (пп. 114—116).

6. Так же несостоятельно утверждение обвинителя, что Сократ избирал в свои собеседники лишь людей молодого возраста. Возражая, защитник вновь возвращается к высказываниям Сократа о прославленных поэтах древности (пп. 117—126).

7. Следующий пункт обвинения характеризует Сократа как проповедника праздности. Защита возражает, ссылаясь на достойное всяческого восхищения поведение Сократа в битвах при Делии и Амфиполе, а именно на проявленные им там доблесть и мужество. Забота о совершенствовании души для этого человека важнее попечения о теле. Хотя сам Сократ не принимал активного участия в политической жизни города, тем не менее заслуживает всяческого уважения в глазах сограждан, так как сумел воспитать истинно деятельных и добросовестных государственных мужей (пп. 127—133).

8. Совершенно абсурдно звучит упрек Сократу в бедности, предпринятый обвинением (пп. 134—135).

9. Попытка Анита подтвердить свои аргументы ссылкой на прежнюю дружбу философа с Алкивиадом и Критием, выдает лишь совершенное незнание обвинителем истинных обстоятельств (пп. 136—152).

10. В своей обвинительной речи Анит указывает на опасность, грозящую обществу со стороны фи-

лософов, софистов и прочих мудрецов, аргументируя свою мысль известными в истории Афин фактами конфликтов последних с гражданами и суровыми приговорами, которые не раз выносили им афиняне; при этом Анит указывает, что многие из прославленных государственных мужей Афин достигали заслуженно высокого положения, не будучи в юношеские годы учениками софистов. По мнению защиты, часть обвинения, касающаяся вредного влияния софистов на общество, вообще никак не может быть отнесена к Сократу; что же касается второй, то здесь защитник приводит примеры Мильтиада и Фемистокла, которые, действительно, никогда не быв учениками кого-либо из софистов, тем не менее, также подвергались со стороны афинян осуждению и суровой каре. Обвинитель, коль скоро он не хочет заслужить упрека в непоследовательности, должен был бы признать, что отечество претерпело от названных мужей один лишь вред. Далее защита приводит пример противоположного толка, а именно Перикла, которому афинские граждане никогда не ставили в вину его дружбу с Анаксагором, несмотря на якобы стойкую неприязнь афинян ко всем без исключения представителям науки и искусства, таким, как Дамон, и многим другим философам древности. Защита указывает, что во многих государствах гражданские войны вспыхивали, затягиваясь иногда на долгие годы, без какого-либо подстрекательского влияния со стороны софистов (Спарта) (гл. 153—161).

11. И наконец, упрек обвинения, называющего Сократа сторонником тирании, убедительно опровергается разъяснением истинного отношения обвиняемого ко многим полновластным правителям,

чьи частые и настойчивые приглашения к сотрудничеству им неизменно отклонялись (пп. 162—166).

12. В заключение оратор еще раз обращается к судьям с проникновенным призывом помнить о данной ими клятве и выражает надежду, что, принимая решение, они останутся глухи ко всяческим наговорам и лжи, соблюдая лишь интересы справедливости. В случае если клевета все же восторжествует и приговором Сократу будет смерть, то это возымеет непредсказуемые последствия, которые защитник описывает в самых мрачных красках (пп. 167—184).

1. Мужи афинские! Пусть и вдвое умножились бы обвинения против Сократа, продлевая собою список предъявленных судьям, о благе государства пекущимся и от порчи его охраняющим, не стану я, вопреки сердцу своему, отрицать мою к обвиняемому дружественность. И сочту себя человеком бесчестным, если подлый сговор клеветников разоблачить не попытаюсь, вам о честности и правдивости Сократа рассказав, кои засвидетельствованы были не раз словом его и делом.

2. Мне, другу Сократа, быть может, на божественную волю в судебном сем ристалище уповать должно, ибо ведают боги истину обо всех нас и справедливость хранят; но все ж и я отважусь речью своею быть оной защитою, дабы и эта малость для торжества ее послужила. Итак, вот суть дела: подученный Анитом, подал Мелет архонту жалобу; потом Ликон пред судом умением своим постарался, чтобы к смерти приговорен вами был один из сограждан; и если я смолчу в ответ, с бесчувственностью каменной на то взирая, как враги Сократовы ликуют, а судьи к клятвопреступлению склоняемы,

случится непоправимое. Ибо недостойно гражданина от помощи судьям в честном голосовании отказать и обману искусному клеветников не воспрепятствовать. И потому взошел я на трибуну сию, заботясь о вашей, судьи, чести ничуть не менее, чем о благе обвиняемого.

3. Мысль о смерти, о судьи, Сократа мало тревожит. Ибо долгие годы жизни своей размышлениям отдав, пришел он к той истине, что смерть не зло: человек, преграды плоти преодолев и страстям своим господином став, — а ведь большинство им подчиняется, главною целью пути земного полагая, — бесстрастно в путь из мира сего в мир иной отправляется. И не станет мудрец к средствам неблаговидным для оправдания своего прибегать, хотя не раз и злодеи закоренелые с их помощью сочувствия вашего добивались: нет пред вами семейства его плачущего, и мольбы Сократовой вы не услышите,¹ и сдается мне, что иных здесь это отчасти и рассердит.

4. Но не поколеблется оттого готовность моя в защиту Сократа выступить, хотя и знаю, что возраст преклонный ему долгих лет впереди не сулит, хотя и уверен я в его к смерти безразличии; но тем яснее долг свой понимаю вас от греха несправедливости убересть и помешать злокозненности верх взять в государстве, судей присягу нарушить, а граждан афинских горечь бесславия испытывать. Духом я тверд и готов с Анитовой клеветой побороться.

¹ Просьбы о снисхождении всегда звучали в защитительной речи; слуху афинских граждан они были настолько привычны, что отсутствие таковых казалось шокирующим (см. также: Предисловие).

5. Но, надеюсь, поможете вы мне вниманьем благожелательным. Будь Сократ оратором ловким, то приемами искусными и сам без труда пред судом бы оправдался, клевету разоблачив, и вы, судьи, с ним согласились бы и приняли решение верное. Но говорит он здесь с вами просто, будто на площади с горожанами, и боюсь я, что речью своею лишь в одном пункте жалобы вас разуверить сумел: будто он владыка софистов; посему осмелюсь своим мастерством вам в разборе дела способствовать; хотя и нелегко ему с Анитовым тягаться, все ж, если поможут мне боги, в поисках истины полезным окажется.

6. Клевета против Сократа, как мне ведомо, пущена в ход иными из его собеседников. В ярость и гнев слова мудреца их приводили. Не огорчались они своим невежеством, а, напротив, ненавистью к тому возгорались, кто нерадивых в постижении истины и науки жизни человеческой усовещивал. Сумели заразить ею многих, и все более костер вражды вздувая, так поносили Сократа недруги: «Муж сей злодей, нечестивец и юношей развратитель».

7. И вот, вознадеясь на легковерных сограждан сочувствие, подали истцы свое обвинение. Рассказывали мне, каков ответ их был одному горожанину, когда тот в законности жалобы усомнился: знаем мы о судьей к ответчику нерасположении. Как давно жаждут обвинители ненависть свою утолить! И верит Анит со своими наперсниками, что поможете вы, судьи, его ожиданиям исполниться. Надежда напрасная! Почему, уверен я в этом, спросите? Во-первых, из-за вашей, сограждане, к правде тяге, в коей не раз убеждался, ибо на многих лицах одобрение замечал, когда со лжеца и бахвала речи Со-

кратовы спесь сбивали, а иных из присутствующих — благодарение богам — учили добродетели.

8. Но важнее второе: пусть все до одного вы, мужи-афиняне, и все судьи на Сократа разгневаны, — если и подлинно это так — достойно ли негодование свое решением судебным узаконивать? Ибо нет здесь места, о судьи, ни ненависти, ни любви, и не для того вы собрались, чтоб за прежние обиды или, напротив, благодеяния воздать; нет, одна лишь истина говорить должна устами вашими о вине иль невинности.

9. Вспомните слова Солоновы: вот тяжба меж двумя, и кто-то из судей — друг одному из соперников, а кто-то, положим, враг. Но да не вмешается в приговор, согласно клятве данной, благоволение иль неприязненность, как и всякое недолговечное чувство человеческое. И если есть среди вас, судьи, тот, кем Сократ ненавидим,¹ пусть забудет, принимая решение, о сердце своем и помнит об одной справедливости, божеством хранимой, ибо пренебрегший оной при голосовании недолго будет злорадоваться и навлечет на себя, на дом свой и потомство расплату тяжкую.

10. И смерть для обвиняемого карой избирая, пусть вспомнит судья об обязанностях своих пред народом афинским и чести, а не радуется случаю докучливого нравоучителя к молчанию принудить. Смеемся мы в театре над комедией и соглашаемся с сочинителем, когда порок он обличает, но не

¹ Очевидно, многие из судей были заранее согласны с Анитовым обвинением; поэтому защитник неоднократно, со всяческой, разумеется, осторожностью, напоминает им о долге совести.

оттого, что добродетельны сами, а всего лишь природе Дионисий¹ следуя, коя в смешливости человеческой толк знает. Но если афинянин в Народном собрании, на сцену судебную взойдя, с обвинителем, не раздумывая, ролями обменяется, то повредит тем себе не меньше, чем недругу осужденному, ибо триумф его мнимым окажется, обернувшись затем поражением. Погибнет обвиненный не в одиночестве, познают и дети его глубину позора; но судьи несправедливого потомкам тою же участью воздастся.

11. И богохульствует муж, когда осуждает невинного, хоть и кажется себе охранителем благочестия, ибо боги проклинают поступившего против истины.

12. Но довольно, о судьи, рассуждать о неместном вмешательстве видов личных в ход процесса, если и прав я, предположив, что кто-то из вас от обиды кипит на обвиняемого; и довольно напоминать вам о необходимости установлениям богов в приговоре следовать, именем которых клялись вы, в должность свою вступая. Верю и так я в ваше здравомыслие, а потому перейду лучше к причинам, кои превратили Анита, друга Сократова некогда, в его обвинителя.

13. Они вовсе не в преизбытке любви к вам, сограждане, коренятся и не в заботе о безопасности детей ваших, но совершенно в другом. В речи своей разберу я Анитовы обвинения, следуя их порядку. И коль скоро удастся мне убедить вас в том, что Сократ никогда не учил юношей ни мошенничеству

¹ Здесь имеются в виду Ленеи, праздновавшиеся в январе—феврале в самих Афинах и являвшиеся продолжением сельских Дионисий.

неправедному, ни безбожию, как и клятвопреступлению и к законам пренебрежению, а напротив, нравственности и истине, и всегда о благе государства более всех прочих сограждан заботился, то пусть имя обвинителя, в силу решения вашего, позор покроет.

14. Слушайте же, о судьи! Сократ, сын афинский, вырос в законах нашего отечества, и мудростью своею стяжал городу всесветную славу, доказав, что по праву Афины символом¹ своим возвеличены. Многое он на пути жизненном отринул [из того, что приносит удовольствие], никогда не помышляя о стезе безнравственной, как здесь Анитом утверждается, а ради истины и добродетели, кои перво-степенной заботой и главным благом смертного почитал; на дороге же сей долее всех продвинулся.

15. Не избирал он занятием для себя ни земледелие, ни мореплавание, ни то ремесло, что чрез недра земные богатство приумножает; и в искусстве риторском не совершенствовался, хотя и знал, сколь оно выгодно, так как власть дает над кошельками толстосумов праздных, но главное, над умами людскими, о чем не один из вас, афиняне, мечтает, даже и тот, кто состояние немалое от предков наследует. И все-ж ни одно из дел названных не считал Сократ счастье дарящим, ибо понял, что для богов душа смертного всего важнее, и воистину тот лишь счастье познал, кто чистоту ее сберег, стремясь к добродетели. А надежной попутчицей на стезе достойной считал Сократ философию. И вот, пренебрегая тела призывами, отдавал он дни свои лишь созиданию души совершенной.

¹ Вероятно, имеется в виду сова.

16. Не касался он, с людьми беседуя, природы небесной и солнечной, путь Луны вычислять не собирался и причин молнии и грома не искал, так как полагал знание сих предметов бесполезным для жизни человека; но время свое и все силы души посвящал размышлениям об истине, и о том, кто подлинно мудр и храбр, и в чем благо семьи и отечества заключается; вот о каких вопросах он с любым поговорить был рад, учителем себя не называя и платы за слова свои не требуя, что сделал бы непременно странствующий софист.

17. А вступил он на путь сей, не будучи ни наследником богатым, ни просто человеком состоятельным, имеющим средства на досуге о подобном раздумывать. 80 мин оставил ему отец после смерти, о судьи! Товарищу отдал он деньги свои, дабы поддержать его предприятие, и, не дрогнув, известие принял о крахе затеи, хотя и знал, что предстоит ему отныне жить в бедности, какую и описать не берусь.

18. И что же? С пути выбранного Сократ не свернул, ни в нем, ни в себе не усомнился, а ведь был уже семейством обременен. Не стал искать путей нечестных к благополучию; об утраченном не вспоминал и обходился малым: во всякое время года одним и тем же плащом прикрывался, воду пил будто фассское вино, и пищей обходился самой простой; и то немногое, что имел, выше роскоши персидской ставил. Друзья его иной раз поддерживали, но никогда не был Сократ им в тягость.

19. Ни в чем образе жизни, мною описанной, не изменяя, он повсюду — в палестрах, в гимнасиях, в Ликее, в Академии,¹ на площади рыночной — то есть

¹ Первоначально Ликей и Академия — просто названия мест в Афинах; впоследствии там возникли школы преподавания Аристотеля и Платона.

там, где обычно горожане собираются, с ними беседовал по-отечески, о вашей, афиняне, пользе думая и ей одной служа. И литургия его была Панафиней и Дионисий важнее, ибо радость и веселие празднеств преходящи, а Сократово воспитание к добру и истине вас устремляло и помогало пороку противоборствовать.

20. Не позволял он совести правителей афинских уснуть, государства кормчих, напоминал им неустанно об обязанностях пред вами, сограждане, о знаниях и мудрости, которых должность их высокая требует, об интересах ваших и государства пользе. И побуждала говорить его — боги да засвидетельствуют — не бранчивость пустая, а желание в праздности прозябающих растормошить и проверке дела их подвергнуть, ибо не должно владыкам безотчетно властвовать, и руль корабля государственного ленивому доверять; нет, пусть будет руке умелой и честной он послушен.

21. Речи Сократовы многим не по нутру были, и наживал он себе ими врагов. Но коль скоро поразмыслили б вы о сути их без пристрастия, то поняли б, что для интересов общих он от жала и ничтожного упрека вас избавить не хотел. Скажу прямее: знал Сократ, как велико ваше рвение, афиняне, в заботах о теле и имуществе и как нерадиво душа ваша трудится, детям пример дурной подавая. И непрестанные его речи воспитующие позволяли надежде жить, что люди разумные устыдятся и исправятся, хотя злонравие наихудших и не поколеблется.

22. Вспомните о спорах Сократа с софистами, повсеместно прославленными, с Протагором, Горгием, Продиком, Фрасимахом,¹ и прочими; золота звон их

¹ Протагор (ок. 480 — ок. 410) — один из известнейших греческих софистов. О его образовании и учении со-

из города в город манил, как овец весною зеленое пастбище; приводил и в Афины. Не раз вы вопросы Сократовы слышали, к ним обращенные, и ответы мужей знаменитых. И понимали вы, афиняне, сколь не заслужен их почет, и сколь несведущи они в том предмете, которому учить брались, и достаточно были здравомысленны, чтоб догадаться: не стоит юношам афинским соблазняться знанием поверхностным. Благодаря Сократу ясней-ясного становилось для вас

хранились лишь немногие сведения. Прежде чем посвятить себя исключительно философии, занимался грамматикой и риторикой; именно он впервые назвал себя софистом. Многие положения из его учения сохранены и известны нам благодаря Платону. Утверждал, что не знает, есть ли боги или нет, вследствие чего в Афинах считался атеистом и был изгнан из города, а сочинения его публично сожжены. Горгий Леонтинский, по мнению некоторых писателей, ученик Эмпедокла, уже преклонных лет, в 427 г., приехал в Афины в качестве посла своей родины; немного спустя поселился в Греции, странствовал по греческим городам и приобрел много славы и денег своими речами и преподаванием; считается одним из основателей риторики, разработал систему стилистических фигур, получивших название «горгиевых». Продик — греческий софист и грамматик из Юлиды на Кеосе; был близок со знаменитейшими людьми своего времени — Сократом, Ксенофонтом, Дамоном, Еврипидом; большая часть этих людей прямо называлась его учениками (см. также: Платон. «Апология Сократа», прим. к с. 50). Фрасимах из Халкедона, пришел в 430 г. в Афины и занимался сначала философией, затем риторикой и обучением ей; Платон причисляет его к софистам. Из сочинений Фрасимаха исключительно риторического содержания сохранились только отрывки; по преданию, повесился вследствие пресыщения жизнью.

различие меж истиною и разглагольствованиями пустыми, за кои немалой платы софисты требовали, хотя лучше б, верно, сами на уроки потратились, чем в чужие кошельки залезать.

23. Оттого-то и спешили вы за Сократом, и всегда он был окружен толпою знания ищущих и тех, кто искусству спора поучиться не прочь; оттого сопровождал сии поединки словесные ваш искренний смех, ибо видели вы, как с толку всезнайки сбиты, как, от самолюбия терзаясь уязвленного, возражений не находят и словно рабы невежественные, в любую щель от позора забиться рады. Вот какие уроки вас, сограждане, воспитывали, и заслушивались вы колдовскою силой слова Сократова, и детей своих к нему посылали, ибо все больше убеждались: пусть и малость от щедрых даров мудреца им достанется, все ж полученное любого золота дороже.

24. К почитателям Сократа относился некогда и Анит, ныне злейший враг последнего. И Анитовы сыновья с Сократом беседовали и беседам тем радовались, а Анит их от этого не удерживал, и не бранил, так же, как и вы, судьи, своих сыновей. Ибо знали вы, что в обществе достойного желание подражать ему рождается, и чем чаще встречи, тем оно сильнее и искренней; и наставления Сократа для юношей полезны, ибо к добродетели их приохотить смогут и научат, как порокам не поддаваться: чревоугодию, страсти к вину; воспитают честность и умеренность, с людьми влиятельными неискательность. И о крепости телесной юноши не забудут: холод и солнце палящее перенесут мужественно, жажды и голода не побоятся. Словом, воинами на поле боя к врагу беспощадны будут, а судьями к нему же справедливы.

25. Что же почтенного Анита разгневало, отчего он ныне Сократа обвиняет? Отчего смерти для мужа требует, коего прежде образцом сыновьям своим полагал и не раз говорил о том во всеуслышание? А дело вот в чем, судьи. Ремеслу обучая, мастер примерами рассуждения подкрепляет; метод сей всем знаком, и, как ни старайся, никто без него предмета урока своего объяснить не сумеет.

26. Вот и Сократ, о науке жизни добродетельной беседы с афинянами ведя, горожанам, среди которых встречались и сапожники, и кожевенники, и шерсти красильщики, и прочие люди ремесленные, о том говорил, что каждое дело внимания требует и серьезности; кто правилу сему следует, тот и лучшим мастером становится и труд добротный от небрежного всех легче отличит; мысль сию поясняя и Анита, бывало, упоминал. Тот от дела доходного отказаться не намерен был, однако, сердило его, что Сократ называет его торговцем кожевенным, будто было в названии нечто обидное.

27. Но чем же позорно ремесло твое, благополучие прочное семье приносящее? Так и Сократ об отце своем, Софронике-каменотесе, не раз рассказывал и матери ремесла ничуть не стыдился.¹

28. И о всяком людском занятии говорил он с уважением, по имени его называя, если требовала того цель рассуждения, так как не любил оставлять в словах недосказанности. Всем собеседникам его это было понятно, и Аполлодора² речи его не сер-

¹ Мать Сократа была, как известно, повитухой.

² Аполлодор — один из близких учеников Сократа, упоминаемый Ксенофонтом в «Воспоминаниях» III, 11, 17 и Платоном в «Пире» и «Федоне».

дили, и Ксеноклид ни в чем Сократа укорять не думал. А вот Анитова ремесла коснуться опасно, будто тирана помянуть непочтительно.

29. Но повторяю, не заблуждайтесь, мужи-афиняне, и не верьте, что Анит в заботе о вас суд сей затеял, или с целью единственной детей ваших от развратительства спасти. Ибо не будь Сократ другом истины, согласись он тщеславию Анитову польстить и лишь о богатстве мужа сего, от отца к нему перешедшем, в разговоре с людьми касаться, то не стал бы Анит обвинителем, и о Сократе-безбожнике, юношей губящем, вы б не услышали. Ибо движим Анит не тревогою за вас, а обидой за себя; не за отечества благополучие радеет, а за гордость свою уязвленную; не согласен он тем называться, кто и в самом деле есть; вот что сюда его привело, вот отчего к сикофантам¹ за помощью он отправился, и Мелета подкупил — а уж тот за единую драхму на любую подлость согласится.

30. Есть у меня доказательство, и весьма веское, в том, что вовсе не тревога о вас Анита переполняет, а нечто иное покоя не дает. Слушайте, о судьи: уже подав жалобу, пытался обвинитель с Сократом сговориться: пусть бы тот впредь, с горожанами беседуя, не называл Анита кожевником, и тотчас от обвинения он откажется. Выслушав предложенное, ответил Сократ, что не предаст правды ни ныне, ни впредь, до последнего своего дня, даже и в мелочах, и на любой вопрос точных ответов искать будет, и ни одна угроза его умолчать не заставит, что для истины необходимо. Услышав сию отповедь, отдал

¹ Платные, даже профессиональные, доносчики.

Анит в руки ваши, о судьи, мужа, не пожелавшего и крупитцы правды ради безопасности своей скрыть.

31. Выходит, не меньше Анита с Мелетом Сократ началу процесса сего споспешествовал. Ибо ответь он Аниту согласием и навсегда ремесло того из памяти вычеркни, то бестревожно сейчас, как и прежде, в Ликее с согражданами беседовал.

32. Но природа избранника не дала Сократу угрозам покориться и безопасность себе ценою умолчания купить; не побоялся он суда, ибо верил, что оправдаться сумеет жизнью своею, образом се и правилами, и истина будет невиновности его свидетельницей и поручительницей, а не стговор постыдный с клеветниками.

33. Слова мои, надеюсь, послужат вам двояко: во-первых, в том убедят, что вовсе не из заботы о юношах афинских и согражданах Анит присутствующего здесь Мелета на обвинение подстрекнул; во-вторых, откроют вам, мужи-афиняне, что Сократ, будучи в силах процессу судебному ходу вовсе не давать, не побоялся все же дожидаться приговора вашего, ибо не знает за собою деяний дурных и кары достойных. Говорили мне, и немало меня слышанное порадовало, будто еще при жеребьевке кто-то из судей вероятных удивлялся, отчего ж обвинитель так долго медлил и наблюдал хладнокровно, как Сократ злое дело творит; и закралось в души многих сомнение: не свидетельствует ли сие промедление, что из видов личных Анит на жалобу решился, а не от гнева праведного.

34. С этого и начну я свои возражения обвинителю. Итак, пред лицом собравшихся, задаю я Аниту, патриоту отменному, свой вопрос: во имя богов, ответь мне: старец сей, семидесяти лет достигший,

только что, либо год назад, иль может, сегодня пороку учить начал, а прежде слыл мужем честным, нимало государству вредить не мыслившим; то есть являл собою все годы предшествующие образец порядочности и нравственности, и лишь с недавней поры пороку ненавистному предался?

35. Что скажешь ты на это, Анит? Почему молчишь? Всегда он злодеем был, иль лишь к закату жизни приближаясь, на путь дурной свернул? Ты молчишь? Что ж! — и это ответ. Называл ты здесь имена всем известные,¹ утверждая, что тяжко отчизна под гнетом мужей сих страдала, а Сократа называл их учителем; но раз так, выходит, давно философию своею он зло сеет?

36. Почему же, о ревностный юношей заступник, молчал ты, и медлил на помощь согражданам прийти, хотя давно уж умысел преступный разгадал, а Сократово кощунство тем временем продолжалось беспрепятственно и дурное взращивало? Ты, соотечественник наш, видел, как юноши к Сократу льнут? И беседы их слышал? Или станешь ты тем оправдываться, что Сократ для бесед уголок выбирал поукромнее, и связывал присутствующих клятвой, чтоб ни словом о слышанном не обмолвились, а уж затем учил безнравственности; и долгое время так все и шло, пока кто-то из соучастников болтливых, бремени тайны не выдержав, с посторонним ею не поделился?

37. Но любой из вас знает, что бывал Сократ всё в местах многолюдных, и толпы афинян за ним по пятам следовали, так что скорей многочислен-

¹ Речь, по всей вероятности, идет о Критии и Алкивиаде (см. Предисловие и Ксенофонт. «Воспоминания о Сократе», прим. к с. 111).

ность его сопровождавших иному завистнику б не понравилось, нежели то обстоятельство, что допускал он в круг собеседников лишь немногих, и притом юношей. Разве не был ты сам, Анит, среди его слушателей, и стало быть, коль вредны были слова Сократовы, не мог пагубности их не заметить, не понять, как растет зло и распространяется и в какую цель метит.

38. Как же поступил бы, окажись на твоём месте, муж, о благе города радеющий? О возмущении своём при всех бы вскричал, дабы болезнь здоровых не заразила, и так бы воззвал к согражданам: «Слушайте, о афиняне! Сократ замыслил детей ваших врагами законов сделать. Государство в опасности, так как софист сей воспитывает юношей негодьями, тиранами и разрушителями конституции. Неужели мы ему не воспрепятствуем? Неужели не прогоним злодея прочь из города, а дожидаться станем, пока питомцы его законы упразднят?» Вот что сказал бы муж, отечество любящий, а вслед за тем без промедления с обвинением пред судом вышел, либо о том позаботился, чтоб другой его в деле сем заменил.

39. Или забыл ты, Анит, об архонте-царе и эвмолпидах,¹ кои издавна верно службу свою несут, ибо к богам благочестие в Афинах превыше всего ставится? Открой же судьям, в чем причина задержки. Может, миролюбив ты без меры и жалостлив? Однако ныне кипишь ты от злобы к ответчику, и

¹ Эвмолпиды — одно из двух древних поколений жрецов (другое — род Кериков), которые под надзором архонта-басилевса (царя) управляли элевсинскими мистериями; в процессах, касающихся нарушения мистерий, они имели власть судейскую.

неистово смерти его требуешь, что как раз об обратном свидетельствует. А любви к согражданам, видно, ничтожно мало в душе твоей — не хватало жара ее для отечества и безразличен ты к тому оставался, что разрушители демократии речами воспитываются злоумышленными.

40. Но раз так — один ли Сократ виновен и кары достоин, или вы оба: Сократ за пагубность наставлений своих, ты же за потакание ему и бездействие преступное? Ибо тот, кто дурным делам мужа бесчестного не воспротивился, хотя и в силах был государству помочь, сам законы нарушает. Итак, либо Сократ ничем пред законами афинскими себя не запятнал, и потому молчал доньше обвинитель, что оснований для жалобы не было; или оба пред лицом отечества преступники: Анит-укрыватель Сократа-нечестивца ничуть не менее.

41. А может, вот какой, афиняне, ответ годится: не попустительствовал Анит наглой дерзости, а просто мужа, которого видите вы пред собою, ныне оклеветал. Вспомните, для сравнения, как привычный порядок вы в доме своем соблюдаете и представьте, к примеру, что один из рабов на имущество ваше позарился. Согласится ль хозяин новой проделки слуги дожидаться, позволит разве на руку нечистому в покое и довольстве в доме до старости мошенничеством промышлять? Нет, наказание: колотки, плети, галеры, а то и пытка, тотчас за первым проступком последуют. Почему же Анита долгие годы нимало не тревожило, что Сократ в Афинах демократию губит и сограждан, государству враждебных, воспитывает?

42. Оставляю вопрос сей на ваше решение, и добавлю лишь вот что: допустим, множество дел

неотложных все время Анитово без остатка занимали и досуга ему не оставили злодейские речи Сократовы пресечь. Но и сие объяснение, мужи-афиняне, обвинителя не оправдывает. Ибо не вправе никто из нас все помыслы заботам о доме своем и делах семейства отдавать, если опасность грозит государству. И какие бы хлопоты Анита ни обременяли, все ж упрека горького он заслуживает, о благе общественном вперед всего не позаботясь.

43. Но пусть и силой Анита молчать заставили — отчего же никто другой процесса судебного не открыл? Разве мало риториков в собрании народном на трибуну всходит? Не толпятся разве в судах обвинители во множестве, и по истинным злодеяниям, и клеветники, которых вражда сюда привела, страсть к внутренним распрям в городе, наконец, корыстолюбие? Не высятся ль пред эпонимом¹ горою жалобы, где прочтет: «А. обвиняет В. том-то и том-то»? Отчего ж не нашлось среди них таблички, что Сократа из Алопеки в безбожии, развратительстве, дерзости и тому подобном обвиняла бы?

44. Муж законолюбивый, о высоком титуле «управителя государства» мечтающий, ни средств, ни времени для достижения его не жалеющий, не медлит никогда, чтоб и ничтожного воришку изобличить, и суд из-за кражи крохотной суммы созывает, ибо твердо знает: уверить афинян должно, что нет для него мелочей в жизни государственной, и факел сторожевой, к справедливости путь освещающий,

¹ Член коллегии из 9 архонтов, которые управляли Афинами. Коллегия состояла из архонта-эпонима (по имени которого назывался год), архонта-басилевса, полемарха и 6 фесмофетов.

из рук его не выпадет. Что ж бы вдруг Сократу потворствовали, и чуть не дарами осыпали, взирая безразлично, как тот словами бесстыдными яму отечеству роет и конституции корни подтачивает?

45. А бывало, что и мужи знаменитые, государства могущественного управители, пред судом стояли защищаясь; ибо, клянясь демократии в верности, в мыслях своих владыками видели себя самодержавными, на зависть и самим лакедемонянам; их, победителей в битвах морских, островов покорителей, слава и почет от обвинения не избавили.

46. Или, может, бедность Сократову обвинители щадили, или неопытность его в красноречии, хотя не побоялись некогда и оратора величайшего¹ в искусстве ослепительном, к тому же господина полновластного над войною, миром и благом общественным, на суд отдать? Разве не нелепо сие предположение? Но почему же не нашлось до сих пор обвинителя среди множества очевидцев слов и дел Сократовых, по словам Анита, преступных? Проста разгадка: лишь ныне Аниту об услужливости сикофантов вспомнилось. А ремесло это прибыльное, и истцу часто выгоду сулит, коль скоро его и доносчика усилия успехом увенчиваются; и раз до сей поры, за все годы жизни философа долгие ни один из сограждан к сикофанту за помощью отправиться не вознамерился, то факт сей сам по себе свиде-

¹ Имеется в виду Перикл (ок. 495 — 429), выдающийся государственный деятель. Со стороны матери происходил из рода Алкмеонидов. Принадлежал к демократической партии, достиг исключительного влияния в политике. Время его правления считается периодом наивысшего расцвета Афин (так называемый «Золотой век»).

тельством Сократовой невинности и основанием для оправдания его послужить должен.

47. Из того, что еще сказать бы я мог по этому поводу, судьи, остановлюсь лишь на самом, по мнению моему, примечательном: обвиняет Анит Сократа, мужа афинского, беседами об истине и науке жизни согражданам известного, будто ратора заправского. Они на трибуне ораторской роль советчиков городу исполняют и управителей ваших, не обинуясь, изобличать должны, если убедятся, что власть тех во зло идет отечеству. Сократ же в гимнасиях и палестрах вопросы задавал разнообразные и с теми, кто рядом оказывался — будь то софист, иль человек простого звания, — ответов на них в споре искал. Такой ли путь к цели желанной разрушитель государства избирать привык?

48. Но довольно уж занимал я внимание ваше, о судьи, подобными несуразностями. Лишь последний вопрос хотел бы задать обвинителю: итак, Анит, утверждаешь ты, будто Сократ — враг демократии; стало быть, сердцу его тиран во главе государства любезен. Но кто же? Имя нам назови Сократова избранника. Уж не себя ль самого — да простят мне боги кощунство — в мечтах тайных видел с охраною личной, и войском несметным из рабов и наемников сопровождаемым?

49. «Нет, в жизни повседневной он привычки к пышности не имел и не мечтал о титулах высоких, — признает Анит. — Но вот других к властолюбию напутствиями подталкивал». Допустим. Но тем самым Анит и своей вины бремя, в придачу к упомянутому мною опасному для города промедлению, увеличивает многократно, так как тотчас вспомнятся нам соотечественники, Сократовы на-

ставления слышавшие и за истину их принимавшие. Ныне, выходит, все они против законов. Но почему тогда не стоят пред вами, и нет обвинения против них Анитова? Разве законы лишь подстрекателя к каре приговаривают, а исполнителя замысла преступного милуют? И признаем ли законов правоту, если они вдохновителя убийцы осудят, а свершившего злодеяние невинным назовут? Нет, уверен я в решении судей противоположном.

50. Но здесь пред вами Сократ, законы упразднить убеждавший, в одиночестве, и никого больше, наставлениями пагубными прельстившихся, хотя и знают мужи, на страже законов стоящие, что никому из врагов демократии от наказания уйти не должно; а значит и юношам, Сократом подученным, иначе затаят они злобу в душе и за смерть учителя отечеству мстить станут. Разве допустит врач опытный болезни росткам в теле затаиться, а затем корни в нем пустить?

51. Да, уличи Анит Сократа как злоумышленника, не говоря при этом, что афинянин мысли вредные в умах юных сеял, не упрекнули б мы обвинителя, что не призвал к суду и сообщников. Но внятно названы Анитом все юноши, сыновья ваши, отравленными беседами с Сократом, и в сердце своем государства недругами: а значит, подлежат и они правосудию. И будь искренна об отечестве тревога и бескорыстно о нем истца попечение, не потерпел бы он учеников, смертью учителя ожесточенных, среди сограждан свободных.

52. Тем не менее обвиняется им лишь Сократ. В чем же дело? Да просто нет у Анита и быть не могло, о чем он знает отлично, улик истинных ни

против Сократа, ни против любого из его сторонников и почитателей, то есть оснований для начала процесса судебного. Что именно в вину им Сократу ставится? Его называют софистом. Он оскорбляет нравственность. В комедии высмеян. Не платит налогов. Как наговоры подобные к юношам отнести, не опасаясь, что на смех тебя поднимут? Но за мудрецом клевета сия давно по пятам ходит, и можно ею для обвинения воспользоваться и на успех лжи рассчитывать, когда доказательств правдивых представить не можешь.

53. Давайте поразмыслим. «Он народу враг, — утверждает обвинитель, — и приверженцев учит над демократиею глумиться». Каким же способом, во имя всех богов, Анит? Может, книги против демократии, рукой его писанные, видел ты, и докажешь, что вслух их Сократ читал товарищам? Нет, ни того, ни другого удостоверять не сможешь. Значит в изустной беседе муж законы упразднить подговаривал? Но кто хотя бы слово одно из речей Сократовых припомнит, утверждающее, будто государства и законов значенье исчерпано, и лишь тирана владычество вновь отечеству былую славу вернет? Где же Ликей тот, в коем похожее произошло? Где те палестры и мастерские ремесленные?

54. Между тем, что мешало Сократу тиранию открыто приветствовать и симпатии своей к ней не таить? Говорил он людям всегда открыто и прямо то, что думал, без опасения мысли свои им доверяя, а иначе слова, в коих обвинитель ныне его упрекает, вовсе бы втуне остались. И в собеседниках своих друзей Сократ видел, и стало быть, мог откровенно Писистрата хвалить в разговоре, Гип-

пия и Гиппарха,¹ а годы правления их веком Афин золотым называть.

55. Оратор, в пользу совета своего не обвиняющийся, ясно и точно мысль излагает, слушающего в ней убеждая, радуется, если цели достигнет, гневается, коль скоро непонимание иль несогласие обнаруживает. На неторопливые беседы Сократа нимало манера сия не похожа, и никто из вас, судьи, афиняну не поверит, если тот доказывать станет, будто пыла Сократ для речей не жалел, чтобы прелести рабства под игом тиранов сыновьям вашим расписывать.

56. Однако требует логика рассуждения, судьи, предположить и такое: допустим, опасался Сократ до времени тайные помыслы свои перед слушателями раскрывать, и маскировал их иносказаниями; но постепенно убедившись, что юноши — слушатели благодарные, на прямые к тирании призывы решился. Похоже ли это на правду? Юнец безбородый, вдруг на трибуне пред собранием народным оказавшись, до конца хочет высказаться, используя и крайности, лишь бы протесты несогласных чем угодно опровергнуть. А Сократ? Окружен он всегда был

¹ Писистрат, афинский тиран, происходил из древнего знатного аттического рода Филаидов; человек редких способностей и замечательного красноречия, по матери сродни Солону; Гиппий, сын Писистрата, со своим братом Гиппархом поддерживал отца, и по смерти Писистрата, последовавшей в 527 г., наследовал тиранию; однако и Гиппарх занимал в управлении обществом влиятельное место. Писистрат приобрел себе бессмертную славу принятым им собранием и атрибутированием текста Гомеровых поэм.

слушателями внимательными, которые чаще всего, как известно, с возражениями его соглашались охотно; и никакого труда б для него не составило любого на свою сторону перетянуть — что ж за причина так долго самое важное, сокровенное от окружающих таить?

57. Но вернемся к сути дела. Дважды за те годы, что Сократ был в числе сограждан наших, перемены пришлось претерпеть своду законов: после несчастья сицилийского, и после поражения у Эгоспотам.¹ Есть ли свидетельства, что Сократ примкнул к олигархии, был ли муж сей в числе Четырехсот, либо Тридцати? Сторонником Писандра? С Фераменом рядом стоял ли пред судьями? С Фринихом был ли единомышлен?

58. Но может, публично от соучастия в их устремлениях обвиняемый отказался, а втайне заодно с ними был и на благо тех же целей трудился? Не было этого, судьи; хотя и мог бы я некое имя сейчас назвать, кого упрекнули б вы в сем справедливо, имя мужа,² коего все вы помните, и кто ответ потом пред вами за дела свои держал — но имя сие другое. Сократ же с тиранами не знался, ни в начале, ни в звездный их час, а потому с низложенными на суд вызван не был.

¹ Здесь упоминаются события Пелопоннесской войны (период 413 — 411 гг.); битва при Эгоспотаме — 405 г. Называемые далее личности — известные деятели олигархической партии.

² Имеется в виду выдающийся оратор Антифонт (подробнее о нем см.: Фукидид. История. VIII, 68). После свержения олигархии (правительства Четырехсот) Антифонт должен был защищаться по обвинению в государственной измене как участник заговора.

59. Никогда он переворота и властителей незаконных не желал, как иные, что, из боязни чести своей в глазах сограждан урон нанести, от правителей неправедных держались на расстоянии, а в душе подло гибели демократии радовались. И раз заговорил я о Тридцати, не могу вам, афиняне, не напомнить, что не только не был Сократ ни соправителем их, ни делам их панегиристом, но напротив — осуждал все ими предпринятое в государстве нашем, и от любых встреч с учеником и товарищем прежним, Критием, уклонялся. И вот так-то человек поступал, тирании приверженный, и победу ее, по словам обвинителя приветствовавший и приближению ее изо всех сил помогавший? Отчего ж он в мечте долгожданной, торжества ее дождавшись, разочаровался и, демократию увидев во прахе, погрузился вдруг в скорбь и печаль?

60. Так где ж рабство пестующий и тирании проповедник? Ну-ка, Анит, ответь! Кто из юношей, по совету Сократову, Драконтида, Харикла, либо Мелобия¹ мужами считал, подражания достойными? Кого из мужей, мною названных, Сократ уговаривал сыновей афинских в круг свой ввести, дабы к делам управления те присмотрелись и тирании уроки усвоили?

61. Приведет Анит в подтверждение сказанному аргументы неоспоримые и примеры, наглядно факты доказывающие, согласимся мы с тем, что, невзирая на промедление, с правой речью сюда пришел, о

¹ Некоторые из главных деятелей и учредителей «тирании Тридцати». О них, в частности, рассказывает Ксенофонт в своей «Истории Греции» — II, 3, 2.

безопасности отечества одного помышляя. А не сможет дружбу Сократа с тиранами засвидетельствовать, и клеветою продолжит его пред судьями чернить, подстрекнет вас тем клятву нарушить, что богам справедливым давали.

62. Что же далее Анит Сократу в вину ставит, какую ложью сограждан дурачит? «Гесиода, Феогнида, Гомера и Пиндара,¹ поэтов прославленных в Афинах, и далеко за пределами города нашего, он (Сократ) высмеивает и многое, ими сказанное, вздором считает».

63. Но неужели не свободны мы в пристрастиях личных, Анит? Над тобою и мной, над афинянами и чужестранцами, стариками и юношами, словом, над всеми, кто поэзией наслаждается, не законы властны, а настроение мгновенное волю диктует. Тот похвалит, другой промолчит. И никого за сие не осудят, пусть и погрешит кто-то против истины. При виде статуи один придет в восхищение, а приятель поморщится, и искусство ваятеля в частности разберит или вовсе отринет; то же творений поэтических и прозаических касается: кто-то восторгается, другой с ним спорит. И боги не разгневаются, если вчера стихом восхищавшийся, иначе сегодня о нем отзовется, и мнение переменит на противоположное. Ибо чем пристальнее мы в предмет вглядываемся, тем глубже он нам суть свою раскрывает. Не смешно ль за помощью идти к правосудию, если

¹ О Гесиоде — см. Ксенофонт «Воспоминания о Сократе», прим. к с. 123; Феогнид — см. пункт 88 «Апологии» Либания и прим. к с. 177; Пиндар (ок. 520 — ок. 446) — знаменитый поэт-лирик, автор гимнов, дифирамбов, торжественных од.

собеседник в оценке предмета искусства с тобою расходится?

64. Как поведет себя в сем случае человек воспитанный? С противником разумным поспорит, не теряя достоинства, о том не забыв, что вкусов различие закономерно; если же с хулителем сойдется, пустоголовым и невежественным, то логикой рассуждения правоту своих возражений докажет, ему иль, по крайней мере, собравшимся. К такому диспуту мужифилософы друг друга приглашают, а законы иные тяжбы разбирают. Поясню примером, на мой взгляд, все сомнения в вопросе непростом разрешающим.

65. Спорили как-то за первенство Гомер с Гесиодом, о чем в эпиграмме последний рассказывает, победителем себя объявляя горделиво. Никто б сего не оспорил в том случае, если голоса арбитров, все до единого, Гесиоду были б отданы, и с тех пор соперник проигравший считался б, увы, писателем второстепенным. Но лишь часть судивших, пусть и большая, Гесиода лучшим назвала, были и те, кто Гомера держал сторону; и я, окажись там, к их числу бы примкнул.

66. Об истории сей во многих сочинениях повествуется, но ни в одном не нашел я ни слова о суде, что в Халкидоне¹ состоялся над тем, кто Гесиода или Гомера побранил. Стало быть, элины, кои голос живой величайших поэтов слышали, не боялись о них вольно высказаться, а мы, их потомки, и рта раскрыть не смеем, коли жизнью дорожим, когда то иль иное в творениях их нам не по нраву?

67. Согласишься ли, Анит, Еврипида, Софокла, Эсхила к сонму мудрейших причислить? Зевсом кля-

¹ Торговый город в Вифинии.

нусь, уверен я, что за честь ты примешь, как и каждый из нас, из уст сыновей своих на празднестве дионисийском со сцены стихам всем известным внимать. Но разве зрители немостою наказаны и слова против услышанного сказать не вправе? Публика многотысячная иной раз и конца представления не дожидается, если что-то ей не по душе; тотчас свист со скамей раздается и топот, и никто при том времени на размышление не тратит — понапрасну он актера ошибивает, иль заслуженно. А комедия остроумная часто трагедию уколом язвительным жалит и тем-то успех у горожан снискивает — может, и это безнравственно?

68. Далее. Любому из нас разрешают законы лицу должностному, высот в управлении образованием достигшему, на ошибки в делах указать; но за тот же самый поступок, коснись он знаменитого мужа древности, на суд надлежит тащить афинянина? Почему же мы тем не возмутились, что Аристофаном Сократ в комедии высмеян,¹ и осталось сие зубоскальство черным по белому навеки записанным для потомков, ибо никто слов в книгах не сотрет? А Сократ и изустно упрекнуть Гомера, или другого поэта не вправе? Даже на празднестве дионисийском, правила которого любому злословие дозволяют, так что ни поэт, ни речей писака на насмешку, вскользь брошенную, не обижается?

69. Да, осуждает Сократ и Пиндара, подобно тому, как ты, Анит, его самого. Но есть и различие важное. Ибо критика Сократова беспокойством его внушена: не одобряет мудрец те у поэта строки, что истолкованы могли б быть неверно и умам незрелым

¹ В комедии «Облака» (см. Предисловие).

повредить невольно — тем самым и правде. Твои ж измышления на мужа обрушиваются, людям пользу приносящего. Однако вынуждены мы и их разбирать скрупулезно, так как, будучи гражданином Афин, владеешь правом речи свободной. Однако разделяет с тобою его любой афинянин; а если посчитает себя кто-либо из нас единственным судьей непогрешимым, то уподобится глупцу, что объявил бы безапелляционно, ни с того ни с сего впадая с самою природой в противоречие: беотийцы и других стран уроженцы коренных афинян во сто крат разумнее. Мы-то как раз обратное до сих пор полагали, хоть ты, Анит, с нами, наверное, не согласишься.

70. Между тем, если б о поэзии суждение критическое природе справедливости противоречило, то правосудие числило б его среди проступков, законам противоречащих. Так, гласит один: «Не мздоимствуй!»; другой: «Не причиняй насилия!»; третий: «Не покушайся на чужое имущество!»; и если какой-либо из названных преступишь, то в точности знаешь, какому наказанию подвергнешься. Но где, когда и чьею рукою записано было следующее: «Человек, поэзию древних пожуривший, казни достоин»? И ведомые нам решения собраний народных, славу поэтов прошлого увековечившие, не помечают отдельно, что гражданам афинским творения их под страхом смерти превозносить надлежит. Так в чем Сократ провинился, если ни один закон ему не возбраняет с Гесиодом поспорить, и о Пиндаровой строке отозваться неодобрительно?

71. Поэты названные, Гесиод и Гомер, еще до Солона дни свои окончили. И усмотри законодатель в праве граждан о стихах и прозе свободно высказываться угрозу для безопасности общественной, то не

забыл бы граждан в оном на будущее ограничить; а если не Солон, так другой муж дальновидный; вспомним традицию, кою единодушным решением соблюдать условившись, мы по сей день храним: не нарекать отпрыска раба именами Гармодия и Аристоклитона,¹ освободителей города родного от тиранов.

72. Справедливо ли, что поэты той же привилегии пред прочими согражданами не получили? Да, ибо в первом случае хотели мы славу благодетелей отечества спасти от принижения, пусть и косвенного, а честь их от удела с существом низким на одну доску быть поставленными; но установление сходное о поэтах тиранам бы сих и уподобило, так как лишь тот, кто безраздельно властвует, от подданных славословий требует всечасных и верит в великодушие свое, хотя немногие в безрассудстве и жестокости с ним сравнятся. Не допускал Сократ мысли, что Гомер иль Феогнид с тиранами местами поменялись, а если б и случилось такое, что поэты вдруг власть незаконно присвоили, не стал бы лестью милостей от них добиваться; напротив, речами своими их образумливал и на строки, благоденствию общества, по мнению его, вредящие, внимание обращал соотечественников. Свидетельство, что прав я в своем предположении — поведение Сократа во дни правления Тридцати. Ты же, Анит, ныне, когда демократия и свобода речи в расцвете пребывают, поэтов древности обращаешь в деспотов, возражений не терпящих, обрекая афинян на немоту проклятую.

73. Тогда как и Писистрат, для приумножения славы Гомеровою сил не жалевавший, ко всяким мнениям

¹ Освободители Афин от тирании Писистратидов, пользовавшиеся особым почетом.

прислушивался и, собирая творения поэта воедино, споры позволял яростные, ибо, несомненно, находились и тогда критики. Ты же, Анит, защитником демократии себя выставляя, опаснее любого тирана, и с головой себя выдаешь, когда на отказ Тесеев¹ от владычества над Афинами ссылаешься. Ради свободы народной он так поступил, но не для того, чтобы Анит с Мелетом удавку свободе на шею набросили; афинских граждан видел мужами достойными, в мыслях своих независимыми, дух свой философией укрепляющими, а тело гимнастикой.

74. И потому Афины — град величайший, и всеми любим. Со всех концов света сюда люди спешат — морским путем и сухопутным; многие здесь навсегда остаются, а покинувшие о разлуке скорбят; сожалеют не о трапезах Сибариса² изысканных, не о плодородии нив и урожаях обильных вспоминают — напротив, знаем мы с вами, мужи-афиняне, что продовольствие для города нередко из чужих краев доставлять приходится³ — нет, оттого с неохотою покидают

¹ Тесей — легендарный основатель Афинской демократии. Главным ее принципом провозглашалась свобода речи. (См. также пункт 152 «Апологии» Либания.)

² Сибарис — знаменитая греческая колония, основанная ахейцами и трезенцами в 709 г. и названная по имени источника у г. Буры в Ахее. Благодаря торговле, особенно с Малой Азией, Сибарис достиг могущества и процветания, вследствие чего, впрочем, сибариты впали в роскошь и негу, обратившуюся в поговорку.

³ Хотя ныне трудно составить верное представление о состоянии страны в древности, т. к. вследствие исчезновения лесов и обмеления рек сухость ее достигла высокой степени, но все-таки можно утверждать, что почвы Аттики и в древности не были плодородны, за исключением лишь немногих частей ее.

Афины путешествующие, что с мастерской расстаются, где дух человека создается. Спор разум оттачивает: острый вопрос ответа ждет достойного, учитель ученика найдет и последователя, родится мнение неожиданное и вызывает другое на состязание, в котором иной раз слава мудреца развеется.

75. И благосклонно богиня на Акрополь взирает, ибо достойными считает жителей, богов любимцев, чести Тесея не уронивших. И возвышается город наш над Лакедемоном, и над прочими государствами. Ибо мудрость и знание повсюду почитаются более, нежели доблесть воителей. Мудрость и знание в равном непроходимым от мира отделяют нас варварского.

76. И ущемить право сограждан на дискуссию вольную — все равно, что сердца лишит демократию, зоркости, слуха острого и дара речи. А коль встретится мне афинянин и полезность запрета на диспут доказывать станет, то спрошу его перво-наперво: какой же беседою он друзей своих занимает во время трапезы? Ибо предметом беседы застольной обычно поэзия служит.

77. А лишись она права сего законодательно, то скука будет за столом хозяйничать, а принуждение аппетит отобьет, так как именно рассуждение придает остроту любому кушанью, а спор — главную прелесть пиру. Найдутся ли, когда под запретом она, охотники к приглашению? Но предположим, законник воображаемый беседе свободной препон чинить не станет, но не пустит ее за порог дома собственного, не позволит в палестры, к примеру, наведаться; или же еще того нелепее — всем разрешит согражданам, за исключением Сократа? В ладах ли, о судьбе, сие неравенство со справедливостью беспристрастной?

78. Но забудем, афиняне, о поэтах на время. Когда Зевс слишком долго дождя нам не шлет и вдруг ливень на нивы обрушивает, не замедлим мы с досадливым ропотом, безбоязненно божеству верховному на долг его пред миром подлунным укажем. И Феогнид из Мегары подобных упреков не чурался. Разберем, несомненно, и время года, и самый год, и Зевса, уверенные, что в суд нас за то не потащат. Но если юноша иль старец почтенный о Пиндаре заметит: мол, сболтнул он то-то и то-то, а лучше б на сей раз промолчал, — что ж, не медля приговорим его к чаше с ядом, дабы государство не стинуло?

79. Согласится ли кто из людей здравомыслящих с приговором? Предки наши поэтов ценили и творениями гордились в благодарность за строки бессмертные о городе великом, но обязательством себя не связывали всё без исключения стихотворцами сказанное непреложным считать. Гомер Менесфея¹ великим стратегом нарек, а Пиндар город наш — «Элладой Эллад». Справедлива оценка, что в уста их богами вложена, и истину саму отражает. И признательность им велика, но границы имеет разумные, и не приходит в голову мужу иль городу, ими воспетым, объявить в награду все суждения Гомера ли, Пиндара бесспорными, а несогласие с ними предосудительным; и чуть послушайся некий Сократ установления строгого и потревожь славу кого-либо из сочинителей, сказав, что иной их совет — отечеству не впрок, тотчас жизнью за дерзость свою поплатится.

80. Возмущает Анита и то обстоятельство, что не все обычаи наши Сократ хвалит. Но согласитесь,

¹ Персонаж из «Илиады»; военачальник, погибший под Троей.

о судьи: будь муж сей тирании сторонником, а законам врагом, превозноси он повсюду преимущества неограниченной власти, — а стоит ли напоминать здесь, что произволу сопутствует: стенания и слезы жителей, телохранителей бесстыдство, разводы, чинимые из корыстолюбия, оголтелый разврат, жестокость к детям, ссылки, убийства, казни без суда! — так вот, будь все эти ужасы мечтою обвиняемого и основой наставлений, то вознегодовали б мы с Анитом вместе, но лишь по поводу Сократова долголетия, ибо давно уж смерть заслужил по афинским законам. Но если признает демократию для родины порядком наиболее полезным, то, как раз принципам ее следуя, вправе он негодность того или иного обычая и учреждения, для общества более не нужных, с согражданами обсуждать.

81. Ибо кто не знает из вас, что упразднение законов скверных ими же и завещано? Провозглашен был каждый в свое время в силу необходимости, но предвидел законодатель, что переживет свой срок установление человеческое; тогда сограждане, благоговорность закона исчерпанной найдя, помочь должны ему от собственной власти освободиться. И потому велит нам закон: «Коль скоро обнаружу я ущербность свою, и помехою стану к достижению цели, ради коей некогда принят был, то есть мною обещанного более не выполняю, — требуй отмены моей, не скрывай несогласия и возражений».

82. И мы, сограждане, пожеланию здравому привыкли следовать, законы устаревающие новыми заменяя для пользы отечества. И многие из решений законодательных Драконта, Солона и Клисфена ныне нами не правят, ибо более плодотворные на место их победно заступили.

83. Не стану я перечислять здесь решения известные Ареопага — именно там перемены такого рода происходят и никем впоследствии не оспорируются, так как убеждены граждане афинские, что обновление законов сулит их же совершенствование. Но если обсуждается закон в собрании народном, и оратор сограждан в нецелесообразности его убедить надеется, а, в случае успеха аргументов изложенных, голосования требует за или против отмены, то почему муж, что работникам в мастерских о законах свое суждение высказывал, врагом демократии ославлен?

84. Я первым назвал бы Сократа виновным и голос свой против него отдал, судьи, коль скоро б уверился, что слова, слуха афинян беспрепятственно достигая, так или иначе вредны оказались. Не выбрал бы аргументом одну лишь законность речи свободной, хотя удавалось многим с помощью довода названного от кары себя спасти. Однако афинянину Сократу не к лицу таким оружием от нападков обороняться. Нет у города, убежден я, друга более верного, нежели он, и невиновность его достойна иной защиты.

85. Сократ — истинно так, да будет свидетелем правдивости слов моих Аполлон Пифийский — и верно, в беседах поэтов и их сочинений касался, однако, далеко не всегда, чтоб побранить. Вот как бывало: коль скоро видел в них учителей добродетели, нарекал мудрыми, благородными, божественными и тому подобными именами; но остерегал от ловушки словесной, не заметив которой, впадут юноша, муж или старец в величайшие бедствия, и почуяв опасность, отводил от пропасти неразумного.

86. Возражая на то, с чем не согласен, достигал иной раз Сократ цели искомой на пути обходном,

на который, к слову сказать, и Анит очертя голову бросился с клеветою своею. Вот, к примеру, спрашивает Сократ собеседника, мудрец Гесиод иль нет? Тот, славою поэта замороженный, разумеется, ответит: «Да». «Но значит Гесиод, — вновь спрашивает Сократ, — утверждая, что нет на свете труда позорного, всякое дело, без исключения, благим почитает?» Ответ, конечно, опять утвердительный. «Так, стало быть, тот, кто стену прорывает, либо грабит место захоронения, в лице Гесиода-мудреца заступника имеет и поручителя, что нисколько сим трудом не кощунствует?» Тут спрашиваемый непременно растеряется, а присутствующие — рассмеются; но прельстит ли кого-то из них поступок бесчестный? Ничуть не бывало! Напротив, каждый поймет, что нельзя без разбору за всякий труд приниматься.

87. Или заходит в беседе речь о Пиндаре, и говорит Сократ, что поэт словами «он (закон) повластной рукою правит» допускает опасную двусмысленность. Ибо не случится ли так: кто-то из юношей, изречение поняв превратно, к законам исполнится пренебрежением, посчитав, что сильная рука — важнее законов? И разве беспочвенна тревога Сократова? Напротив, явно права, так что премудрейший Анит не мог сего не заметить, а потому цинично в обвинении своем слова поэта искажил — полагая, вероятно, будто к скифам обращается, кои и слыхом о Пиндаре не слыхивали и не отличат: где Пиндар говорит, а где сам обвинитель. Но дерзость Анитова на сей раз все ж доброму делу послужила. Ибо, изречение поэта в ложном свете представив, лишь в том убедить вас он смог, что упрек сочинитель получил поделом, а Сократ похвалы за предусмотрительность заслуживает.

88. Теперь подумайте, Феогнид ли прав, полагая, что превосходство духа человек лишь с богатством обретет, а удел бедняка — безответное послушание, или Сократ не ошибается, когда утверждает, что нередко тот, кто живет в обстоятельствах скудных, выказывает больше достоинств ума и красноречия, нежели люди, имеющие достаток даже сверх потребного. Довольно и тех примеров, которые в речи обвинителя мы находим, — а именно ссылок Анитовых на Лампра и Фидия,¹ — чтоб в правоте Сократа удостоверить; ибо Фидий взял верх над Исхомахом в состязании речью об искусстве ваяния, а Лампр превзошел Гиппоника речью своею о музыке. И если позволите мне добавить кое-что и от себя, то такую картину в вашей памяти оживлю: часто в народном собрании муж, что в золоте купается, но с мозгами куриными, молчит, а человек, в стесненных живущий обстоятельствах, дает совет полезный. И не покажется ль иной раз взгляд на существо дела богача, небесами обласканного, поверхностным; тогда как афинянин, жизнь которого достатком обделена, совет разумный с трибуны дает

¹ Величайшие мастера искусств античности часто жили в крайней бедности. Например, Лампр, известный музыкант; Фидий, выдающийся ваятель. Феогнид, упоминаемый выше, — гениальный элегический поэт, живший около 540 — 500 гг., был родом из аттической Мегары и принадлежал к богатой дорической знати этого города, которая около этого времени, при демократическом перевороте, утратила свое политическое влияние и богатство. Феогнид, гордый аристократ, также потерпел убытки от этой революции, чем и объясняются его горькие жалобы на испорченность нравов и несправедливость противников.

городу? Следовательно, совершенно прав Сократ, считая, что в мастерстве речи к вершинам ведет образование, а не имущественное преуспеяние.

89. Среди граждан афинских не так уж и много мужей состоятельных, а вот тех, кому нужда знакома, думаю, большинство. Стало быть, Сократ на их стороне, когда говорит о праве каждого открыто с речью к народу обратиться, а Феогнид в нем чуть ли не всем горожанам свысока отказывает. Так от чьих же слов пользы больше для тебя, для меня и для города? Того, кто главной целью существования провозглашает стремление к приобретательству и имущественному успеху, селит в сердцах алчность и страх смерти? Либо в совете Сократа: полагаться в жизни на умеренность и рассудительность, а не на наживу?

90. Таков строй его мыслей, что отвечает духу города нашего и всем афинянам близок, так что, если бросаете вы Сократу упрек в святотатстве и преступлении, то задеваете и себя поневоле. Помните, сограждане, как легко было вам разделить с Великим царем богатства его и мнимое величие, когда тот, гордясь военным могуществом, думал город наш подчинить своему владычеству; после жестокой битвы на море у соседнего острова посольство пышное в Афины отправил, и искушал вас талантов несметным множеством,¹ обещал покровительство и благоволение к городу отныне и впредь на все времена. Но нет, не поддались вы на посулы, и, хотя знали, что разорена и ограблена ваша земля,

¹ Либаний напоминает о событиях греко-персидских войн (500 — 449 гг.). Согласно Геродоту (История, IX, 2), совет подкупить греков исходил от фиванцев.

хотя изнемогали от мучительного труда на триерах, не пожелали советам Феогнида подчиниться, и отвергли предложенное; более того, наверно, сурово осудили бы любого из своих товарищей, если б нашелся такой и отважился аргументы в пользу противоположного решения привести. Противилась честь ваша благополучию, купленному ценою бесчестья и рабства под игом мидян.

91. Итак, все афиняне тогда сердцем и душою были заодно; прошлые наши соотечественники полагали ошибкою, если не позором, вершить судьбу полиса согласно Феогнидовым воззрениям, о каковых говорил я выше. А поведи себя наши отцы подобно нынешним ораторам и людям, облеченным властью, возьми верх в минуту важного решения любовь к монете звонкой и мысль о выгодах торговли, с виду разумная, послушайся предшественники наши мужей богатых, но мотивами отнюдь не безупречными — если не сказать хуже — на трибуне руководимыми, — вообразить легко, куда бы это государство завело.

92. Ныне подобного рода люди обвиняют Сократа; я же встал на защиту его и продолжу речь свою, надеясь удостоверить вас в той истине, что и мысли, и дела Сократа были для умов горожан не менее полезными, чем больному лекарство. Сейчас рассказать хочу поподробнее о беседах философа с юношами афинскими, — вашими, сограждане, сыновьями; ведь эти-то беседы и считает Анит пагубными чрезвычайно; но коль скоро не удастся мне хотя бы единственного из судей в правоте истца разубедить, готов я с Сократом рядом встать и правосудию ответить.

93. Итак, слышали юноши из уст Сократа, например, следующее: «Одиссей в Хиосе велит рядовых

воинов подвергнуть порке, когда видит в них готовность бежать; военачальников же отвращает от малодушия словами, причем мягкими. Боюсь, напрасно Гомер о поступке таком нам поведал, ибо справедливость для всех одна и от высоты положения не зависит; то есть, коль скоро намерение дезертировать — преступно и достойно телесного наказания, то подвергнуться каре должны были все воины без разбора. Если ж минутная слабость в битве — не более чем ошибка, каковую исправить должно, упреком иль разъяснением, — то поступил герой поэта против справедливости, одних лишь побранив, а других побив». Возможно, кто-то из Гомерова рассказа сделает вывод, что человек влиятельный по природе превосходит всех прочих, хотя много раз поступки доблестные и благородные совершались людьми, не облеченными высшей властью. Простолюдин, бывало, вел себя по-геройски, а вождь — недостойно.

94. Кто насмеялся над прорицаниями Кассандры, позоря ее пред афинянами, и обрек войско тем самым на великое бедствие? — Один из его предводителей.¹ Почему не вспомнил о том Одиссей — по рассеянности иль, может, был глуповат? Но тогда и вовсе права решать не имел. А если в рассказе Гомера правды нет, а одна лишь выдумка, то ложью

¹ Кассандра, троянская царевна, дочь Приама и Гекубы, пророчица, предсказаниям которой не верили. Один из предводителей греков — Эант (Аякс), по прозвищу Малый, друг Эанта Великого, — обесчестил Кассандру в храме, чем вызвал гнев Афины, крушение корабля и собственную гибель.

его, как и всякою, не один Одиссей оклеветан, а все мы обмануты.

95. Еще говорил Сократ так: «Берегитесь принять за истину рассказанное Гомером об Автоликe.¹ Ибо, называя мошенника любимцем Гермесовым, считает поэт его безнаказанность результатом обильных жертв. А ведь богам дары смертных не в диковинку — но много ли припомните случаев, чтоб поспешили они с благодарностью?»

96. Что скажешь, Анит? Я повторил Сократом сказанное, и какой же пагубой слова мои на собравшихся отзовутся? Да никакой, лишь направят афинян к пользе взвешенного раздумья. Чем оскорбил я, сограждане, правосудие, открыв слуху вашему Сократово предостережение? Не будучи сам поэтом, не завидовал он их славе, а стремился лишь к одному: научить собеседников наблюдательности и осторожности, так, чтобы странствовали они по просторам поэзии с духом свободным. Ибо легко на тропинке, к пропасти ведущей, неумелому оступиться, если признает он мудрость и опытность проводника невозбранимыми, так что и слабого голоса сомнения в душе своей испугается.

97. Однако Анит вне себя от ужаса, будто земля разверзлась, раз некий афинянин иных мест уроженцев здравомысленнее оказался, требует Сократа, о поэзии размышляющего, в руки Одиннадцати отдать, и считает себя притом спасителем юношей от крамолы. И все же, соберись, о Анит, с духом, и ответь нам на сей раз правдиво: знаешь ли ты человека, который слышал явственно, как Сократ Одис-

¹ Сын Гермеса (дед Одиссея), искусный вор, умевший перевоплощаться и делать предметы невидимыми.

сея за способ рядовых воинов вразумления нахваливал, и поучал юношей при этом: «Вот и ты с людьми богатыми и влиятельными будь осторожен и терпелив, а с бедняком не церемонься?» Может, представишь суду свидетеля, из круга собеседников Сократа изгнанного за несогласие с нравоучением?

98. Но говорит обвинитель, вконец, видно, запутавшись, что не верил Сократ в силу собственных доводов и подкреплял их, для убедительности, изречениями поэтов великих. В ответ не преминул бы я заметить, как сильно обмолвка Анита противоречит прежде им сказанному; ибо выходит из слов твоих, что обвиняемый питал-таки к поэтам уважение, — но умолкаю, ибо во сто крат доказательнее, чем я иль кто бы то ни было, ответит тебе призываемый мною свидетель.

99. Внимайте, мужи-афиняне! В трудный наш час, во мраке сомнений дорогу к истине не найдя, чьей помощи взыскуем и, вдохновленные оракулом, свершаем славные дела и величайшие подвиги?

100. Им, Аполлоном Пифием,¹ владыкою над Акрополем, основателем и покровителем города, судьей всем судьям, отличен Сократ среди прочих мудрецов, чьи знания и ум вы превозносите — да, этими дарами благословлял бог многих и прежде Сократа. Его же направил на путь исследования истины, назвав задачи сей наидостойнейшим. И хотя с того дня всепроникающая сила мудрости его обрела оче-

¹ Пифий — одно из имен Аполлона, данное в честь победы над драконом Пифоном под Дельфами. Согласно правилам риторики, пункт 100 — примерно, середина речи — является вершиной ее. Отсюда и патетический тон, и торжественное обращение к слушателям.

видность, не возгордился Сократ своей избранностью, не стал высокомерен с завистниками, лишь вынуждал любого спорщика истине уступить.

101. Так вот: когда говорил Сократ, ведающий о Дельфийском провозвестии, с юношами афинскими, что за нужда была ему помощи искать у Пиндара, Симонида¹ — да кого ни назови? Коль скоро знаешь, что сами судьи — правоте твоей свидетели, не станешь выбирать сих из числа людей ничтожных, с корыстной душою. Замысли Сократ недоброе, мог и так успокоить опасующихся впасть в грех кощунства: «Вспомните: это Пифия говорит моими устами, а чрез нее прорицающий у подошвы Парнаса бог. Богом я назван первым из мудрых, и кто мне возразит — богохульствует». Слышал ли кто нечто подобное от Сократа? Даже Анит не дерзнет утверждать сию ложь, пусть запасся оной в избытке.

102. Говоришь ты, Анит, что юноши, силе слова учителя покорные, Сократа почитали более отцов и смотрели свысока на старших братьев? Выходит, убеждал он их истиной — не одними афоризмами. Но, может, огорчались отцы и братья, ожесточаясь в душе? И, не зная, как детей своих образумить и спасти от искушения, взывали афинские граждане к судьям, дабы остановили те Сократа в его недобром промысле?

103. Нет, не приведешь ты нам в пример отца, что отрекся от сына, ибо тот Сократовыми поучениями бесповоротно был испорчен. И о муже предусмотрительном не расскажешь, который сына дер-

¹ Симонид (ок. 556 — ок. 468), греческий лирик, вел странствующий образ жизни, подобно своему сопернику в поэзии беотийцу Пиндару.

жал под замком, дабы спасти его от влияния пагубных слов, произносимых на площади. Ибо не было таких, Анит. Не видели афиняне в рассуждениях Сократа и следа тлетворности, понимали как должно слова его о воровстве, об осквернении святилищ, и об оправданной хитрости. Так как знали и сами, что иной раз все это — не преступление: скажем, если диктуется интересами войны. Любой из нас военачальника, перехитрившего противника, поставит выше того, у кого на обман смекалки и духу не хватило. Ибо обвести врага вокруг пальца — справедливо.

104. Знаменитый Фемистокл обманом прославил себя дважды: возвел Длинные Стены¹ и тем спас Афины, затем — и всю Грецию. Вот и врач, по нашему разумению, вправе утешить больного ложкою лжи. А иной раз атлет, крепкий телом, в спасительном снадобье не меньше больного и слабого нуждается, и обману рад, когда бремя правды ему не по силам.

105. В чем преступен Сократ, славя Меланта² за победу, хотя завоевана она с помощью лжи, — не шла ли речь тогда о жизни и смерти? В чем злоумышляет обвиняемый, когда хвалит Одиссея за похищение

¹ Фемистокл подкупил (или обманул) эфоров — должностных лиц, чтобы они не противодействовали строительству. (Подробнее см.: Плугарх. «Сравнительные жизнеописания». «Фемистокл».)

² Согласно легенде, Мелант из рода Нелеидов был царем в Мессене; изгнанный оттуда гераклидами, удалился в Аттику. Когда царь Аттики, Фимет, потомок Тесея, отказался вступить в борьбу с беотийским царем Ксанфом

Палладия? ¹ Разве не украли прежде троянцы у Менелая самое ценное из всего им имеемого?

106. Да и кому придет в голову, что Сократ, юношам о том рассказывая, учит их вести себя с согражданами и друзьями так же, как с воинами вражеской армии? У кого недостало б рассудка урок пропустить мимо ушей, иль указать учителю, что поведение, достойное похвалы на поле сражения, в мирной жизни не имеет обыкновения считаться примерным? Думаю, любой из участников беседы, слыша, как одобряет Сократ мошенничество, понимал преотлично, что говорит он об обстоятельствах войны с троянцами и только. Поступок, который расценили б мы в иное время как бесчинство, на войне подчас и оправдан — и покорив враждебный город, афинянин, лаконец, и откуда б ни был воин родом, не щадит его, опустошая иногда и святилища, ибо считает завоеванное противника имущество божественной себе наградой.

107. Но коварная изобретательность Анита переходит все пределы, когда уверяет он: Сократ-де хвалил эллинов за хитрость, и Фиеста среди прочих, чем отцов наших оскорбил. Не дает обвинителю покоя мысль, что недостаточно смысл сказанного

за обладание Эноей, Мелант принял вызов, победил Ксанфа и сделался царем в Аттике. Во время боя позади Ксанфа появился Дионис в черной козлиной шкуре, и когда Мелант стал упрекать Ксанфа в том, что тот не один, Ксанф обернулся и в этот момент был убит Мелантом.

¹ Палладий — священное изображение богини Афины, находившееся в Трое. Похищен, согласно известной легенде, Одиссеем и Диомедом.

Сократом о троянцах или предводителе беотийцев в ложном свете представить, дабы согласились вы, судьи, признать обвиняемого оплотом порока — и еще толику лжи добавляет — авось, и она сойдет за правду. Однако, всем, кто хоть сколько-нибудь знает Сократа, ясно, что никогда не поставил бы он в один ряд, об эллинах говоря, Одиссея с Мелантом и Фиеста.

108. Даже и по рассеянности. Не находилось места в речах Сократовых злу и коварству, ибо чист был от них мудрец душою.

109. Но что удивляться бездельце, если находим в обвинениях Анита и нечто, во сто крат большего негодования достойное? А именно, такое утверждение: «Он учит лжеприсяге». И это говорит обвинитель о человеке, который, правду слов своих подтверждая, покой божества клятвою бременить не спешит — и иную, земную, тварь¹ свидетелем истины призывает, советуя и согражданам попусту священные имена не тревожить? Кто поверит абсурду? Вот, скажем, если встретим мы человека, который и издали на воду взглянуть боится, вообразим ли себе, что в разговоре с приятелем обсуждать он станет тонкости мореходного ремесла?

110. Попробуй-ка, мой милый, доказать нам сначала, да так, чтоб мы поверили, будто бы хоть разок-другой Сократ, связав себя клятвой, ее не сдержал, а уж потом обвиняй, будто толкал он к святотатству и сограждан. Того же требую я и в отношении всех прочих твоих обвинений. Обоснуй, Анит, — но со знанием дела, — когда и где афиня-

¹ Наиболее известна клятва «собакой». (См.: Платон. «Апология Сократа», прим. к с. 54).

нин Сократ подверг храм осквернению, посягнул на чужое имущество, сотворил насилие, а уж затем упрекай за вредоносное влияние на приверженцев. Ты же, разглагольствуя о пагубности речей Сократа, — не назвав, однако, и тут ни единого аргумента, который прозвучал бы для слуха соотечественников убедительно, — не торопишься с конкретным примером совершенного в согласии с теми речами злодеяния (хотя воздается человеку по мере дел его), и, таким образом, заставляешь нас прийти к выводу, что и слова Сократа тобою умышленно извращены.

111. Быть может, вор сторонится грабежа, а прелюбодей разврата? Однако не раз убеждались мы в противоположном. Всегда и во всем сказанное подтверждается сделанным, иль превращается в звук пустой. Вдохновенный призыв к важному началу, коль скоро не подтвержден сообразными действиями хозяина слов, вернее всего, отпугнет, а не следовать себе заставит, ибо свойственные природе человеческой практичность и к новому недоверие перевесят вскоре минутное воодушевление. Вот, например, некий муж на трибуне пылко согражданам советует прийти государству на помощь и пополнить казну деньгами, а сам — в стороне; как вы думаете, сумеет ли вскрыть такой оратор кладезь щедрости в сердцах соотечественников? Нет, скорее поступком своим источник ее закупорит бесповоротно. Иль если на поле брани вождь, призвав к атаке, схоронится за спинами воинов, ища безопасности, — тем родит в их сердцах, несомненно, лишь страх, но никак не мужество. И так всегда и во всем: верим мы лишь совету, подкрепленному делом.

112. А теперь, не выпуская из виду предыдущее рассуждение, согласимся, что ты, Анит, прав: скло-

нял Сократ юношей и к лжеприсяге, и к воровству, и к насилию; сам же, однако, был добропорядочным гражданином: почитал богов, был равнодушен к богатству, несуетен, честен и скромн в быту — чем посчитали бы в сем случае сыновья афинские слова пагубных наставлений? Скорее всего, ни за что не поверили б в искренность Сократовых нравоучений, и приняли б их за шутку или игру, будучи свидетелями образа жизни, который с советом в раздоре.

113. Но правда — какой она была и есть, — в том, что никогда не направлял Сократ юношей — ни словами, ни делами — на путь пагубный. Все это ложные обвинения, и исходят от людей, кои не стоят мизинца ответчика. Желая избавиться от досадившего им соотечественника, выдают они себя за героев и вгоняют сограждан в страх, пугая бедствиями, что обрушатся непременно на государство, если они (обвинители) не предадут происходящее огласке. О, если б все недоброжелатели города хоть каплю на Сократа походили! Глубока и покойна была бы уверенность афинян в благополучии и безопасности державы, когда б раздавались на площадях и рынках лишь речи, подобные Сократовым, — ведь вел он их открыто, у всех на виду, что само по себе является свидетельством в пользу правоты его.

114. Удивительно мне Анитово упорство, когда, понимая очевидное, пытается он убедить вас, судьи, еще и в том, будто самые скверные из своих намерений Сократ от ушей и глаз людских прятал. «Можете себе представить, — говорит обвинитель, — что за беседы вел Сократ с теми из юношей, к коим особенно был расположен, чему учил их, будучи с ними наедине». Наступит ли предел бесстыдству твоему, Анит! Поделись же с нами своей осведом-

ленностью: что за уголок облюбовал Сократ для тайных свиданий? Под кровом собственного жилища? В безлюдном поле? Где же? — ибо мы-то привыкли встречать его в местах, всем горожанам хорошо известным.

115. Но прежде ответь нам прямо и кратко, Анит: то, что Сократом говорилось публично — ведь воздвиг ты здание обвинений своих на рассуждениях Сократа, произносимых при всех, — выдавали ли слова, слуху любого доступные, со всей несомненностью его намерения как учредителя зла и порока? Да или нет? Действительно чинили они вред и призывали всенародно преступать законы? Ибо если это не так, то остается признать тебя клеветником; если же не возводишь напраслину — то отвага виновного Сократа граничила с безумством!

116. Но столь отъявленный злодей в силу природы своей во всех действиях выказывал бы паразитическое бесстрашие. Как увязать отчаянную жажду риска, обычно натуре подобной присущую, с разборчивостью в средствах и умением держать себя на людях так, что они и не подозревают о зреющем в душе преступлении? Человек, Анитом рисуемый, афинянин, готовый пойти на самое страшное преступление из всех существующих (ибо знает Анит не хуже нас с вами, что нет в глазах закона ничего ужаснее, чем задуманное, будто бы, Сократом: сбить юношей с пути истинного и подорвать правопорядок) — не побоялся бы ничьих ушей, и не держал бы рот на замке, как это делает заурядный трус.

117. Далее. Анит утверждает, что Сократ в собеседники выбирал себе лишь юношей, а людям преклонных лет отказывал в своем обществе, и настаивает на обвинении, хотя и вы, судьи, и мно-

жество сограждан, здесь находящихся, вели с Сократом знакомство, и в беседах видели удовольствие. Тем не менее, не смущаясь ничуть, заверяет Анит: Сократ-де мужей почтенного возраста сторонился и охотился за юнцами незрелыми, — против чего, повторяю, свидетельствует ваш собственный опыт.

118. Как и многое другое. Вот если нарек бы себя Сократ учителем, а дом свой — школою, и у ворот поставил бы стража, дабы тот нежеланных гостей выпроваживал, точнее, одним лишь юношам дверь отворял, следуя строгому приказу хозяина, — тогда, и верно, встречи могли вызвать кой у кого подозрения. Но он себя учителем не называл никогда, готов был побеседовать с любым человеком, повстречавшимся ему на пути, если замечал в нем любознательность, и всякий уголок, где окружали его добровольные слушатели, находил вполне пригодным для разговора. А если попадался среди афинских жителей такой, что не чувствовал в оном потребности, — обходил беседующих строной, и никак против воли не понуждался принять в разговоре участие. Но уж рассуждать о вреде родника, из коего люди живую воду черпают, и лишь ты один утолиться ею не жаждешь, по меньшей мере глупо, равно как, на борт корабля ступить не отважившись, проклинать ветерок попутный.

119. Объяснить же тот факт, что в числе беседующих с Сократом преобладали люди молодого возраста и старших успехами превосходили, нетрудно. Не удивится сему обстоятельству ни учитель музыки, ни грамматики. Ибо жизнь человека в годы юности свободна от будничных забот, и

предназначен сей отрезок пути земного для обречения знаний, как никакой другой. Не бременят сыновей ваших, судьи, до поры обязанности пред отечеством, не обступают со всех сторон насущные нужды горожан — по делам семьи, имущества и хозяйства, не забирают часы дня посланцы иноземных держав и разбор тяжб сограждан в народном собрании — и досуг свой ревностно и усердно отдают юноши совершенствованию души, ума и тела.

120. И, честно спросив себя о том, без труда поймут мужи лет зрелых, отчего окружали Сократа главным образом юноши. Сердце того, кому ставят в вину сие обстоятельство, преисполнено было ко всем людям, без различия возраста, сочувствия и интереса — так что кое-кому это, возможно, и досаждало. Юность же никогда уроку не противится: рада выслушать совет дельный и благодарна учителю, указавшему путь верный в жизни.

121. А кто из отцов афинских не пожелал бы сыну, достигшему возраста странствий по морю поэзии вольной, в попугчики лоцмана сведущего? Ибо как юноше не растеряться, когда он впервые прочтет, что Афина, явившись к Пандару, соблазнила мужа, будто простая смертная, и уговаривала того предать принесенную клятву; либо о том, как Гера разгневанным Зевсом в наказание закована и подвешена к небесам; как Афродита Александру сводничала и повержена была, вместе с Диомедом, рукою Ареса? Легко ли юноше узнать, как Аполлон с Посейдоном на службу нанялись? Как боги сговорились пленить и заковать Зевса? Как бились жестоко жители Олимпа между собою? Как Кронос, дерзнувший на оскпление отца своего, пре-

терпел вскоре то же кощунство от рук собственного сына? ¹

122. Не согласны ли вы, что Сократ предотвращает скорее возможный вред, нежели чинит его, когда внимание юношей на те из строк сочинителя обращает, что вопиют против нравственности? Отчего же Гомер, не постеснявшийся богов на позор выставить, снискал всесветную славу, а Сократ приговаривается к смерти, ибо, и восхищаясь достоинствами творений поэта, не смолчит, найдя в них что-либо несообразное? И кто же вызывает его на суд? Человек, и в самом деле память Гомера опочивший.

123. Поспешу обосновать вам, судьи, и обвинителю справедливость последних слов моих, для чего напомним кое-что из речи Анитовой, никем не замеченное.² Он утверждает, что все несчастья и бедствия, претерпленные Одиссеем во время скитаний на суше и на море, в чужеземных пределах и в родной земле, посланы ему справедливо — карою за нанесенную божеству обиду. Анит, Сократа оговорить желая, и сам не заметил, что за недобрую шутку с Гомером сыграл. В чем же дело? А вот в чем: всем, кто «Одиссею» читал или слышал, ясно,

¹ Различные варианты и трактовки мифов, иногда восходящие к Гомеру (Пандар — персонаж «Илиады»); Александр — прозвище Париса.

² Либаний постоянно возвращается в своей речи к вопросу отношения Сократа к поэтам — отчасти, возможно, и оттого, что здесь открываются для него широкие возможности удостоверить читателя в своем близком знакомстве с классической литературой, эрудиции и образованности.

что Гомер героем своим восхищается. Ибо *единственного* славит его поэт приметно более прочих. Тем «Одиссея» от «Илиады» отлична, в коей почести легендарным героям возданы поровну.

124. Покровительствует Одиссею не кто иной, как сама Афина: готова богиня любимцу помочь в любой переделке; коль скоро потребуют того обстоятельства, поменяет ему и обличье: превратит атлета в убогого старца, затем вновь возвращает мужу стать благородную. Месть Посейдона не оправдает читатель, ибо вослед за автором к герою, попавшему в переделку, сострадания полон; ослепление же Циклопа, сына божества, находит правомерным, ибо жестокая хитрость ради спасения жизни предпринята.¹

125. Итак, все говорит за то, что намеревался Гомер Одиссеевой славе песнь пропеть. Но тут вдруг встает Анит и Одиссея, кого Гомер считал человеком во всех отношениях исключительным, Одиссея, благодаря которому, по мысли поэта, пришел конец многолетней войне — называет злополучным безбожником и источником всяческих бед! Как сильнее оскорбить можно память поэта! Ибо выходит из слов обвинителя, что труд жизни своей положил Гомер на прославление худшего из эллинов, отправившихся некогда к Трое.

126. И тот самый Анит, что посягнул опорочить не больше и не меньше как корень Гомерова замысла, затевает судебный процесс против Сократа, отозвавшегося неодобрительно о нескольких стихах поэта? Но в таком случае подлежит сам истец на-

¹ Как известно, Посейдон — бог морей, мстил Одиссею за ослепление своего сына, циклопа (киклопа) Полифема.

казанию по суду — и более суровому, нежели то, какого для Сократа требует. Ведь не удивимся мы, узнав, что покарал закон со всей строгостью афиняна за свершенное тем пустячное членовредительство, но вправе более тяжелой доли ждать для виновного в убийстве. — Вот разве что пример мой и вовсе излишен, ибо Анит, и следовательно, Сократ, благосклонно иль дурно высказываясь о плоде чьего бы то ни было поэтического вдохновения, остаются гражданами законопослушными.

127. «Сократ, — продолжает обвинитель, — внушает бездеятельность». И как же именно? Вероятно, превозносит преимущества ничем не омрачаемого досуга в сравнении с деятельным трудом? Уговаривает ремесленника позабыть обретенные им навыки? А пахаря бросить возделывание матери-земли, купца — сказать «vale»¹ морским просторам; гребца — предаваться неге; словом, всем без исключения сидеть советует руки сложа дни напролет и дожидаться безмятежно, пока свалится прямо с небес пропитание? Пусть же выйдет сюда хотя бы один горожанин, слышавший из уст Сократа нечто подобное, — и я умолкаю, побежденный. Но если такового не найдется, позволю себе спросить: леность ли поощрял Сократ, когда говорил, что, хлопоча лишь о выгодных сделках и пренебрегая заботами о душе и упражнением ее в добродетели, поступает человек неразумно, ибо душа для смертного по важности первостепенна, за нею следует тело, а помыслы о деньгах последнее место занимать должны?

128. Не презирал Сократ трудолюбивого, но хотел, чтоб помнил человек о главном — ибо понуж-

¹ Прошай. — лат.

даемы вами сыновья с юности к рабским занятиям и лишь об имущественном преуспевании радеют, превращая душу в бездельницу. Беседы с Сократом направляли сограждан ваших будущих на верный путь, берегли от ошибки.

129. Богатство без благоразумия, говорил он, ведет к пороку. Но тем менее нищенство праздное приветствовал. Окружали Сократа отнюдь не рабы неимущие, и ты, Анит, признаешь это правдой. Но какой же ущерб нивам рачительного помещика нанесут заботы об улучшении души своей?

130. Сам Сократ не имел земельных угодий или судов для торговли; как сказано, и та небольшая сумма, что досталась ему по наследству, безвозвратно пропала; однако нимало не страдал он от своей бедности, не испугался б и голода. Войско, будь оно сплошь из мужей, подобных Сократу, не устрашит враг — и безводную пустыню видит оно блаженным оазисом, когда стремится навстречу победе.

131. Вспомните, афиняне, о мужестве Сократа у Делии и Амфиполя.¹ И ночью, и днем восхищал он товарищей несгибаемой выдержкой, с легкостью все ужасы фракийской зимы перенося. Но при чем же здесь праздность, спросите вы? Объясняю охотно: ленивого в трудный час испытания изнеженность предаст. Сократу же все превратности климата были нипочем, и, подчиняясь злополучной судьбе, внушал он врагу, во время бегства армии, все тот же страх.

132. По всей видимости, уважает Анит за усердный труд одних лишь сикофантов, а тот, кто ум тренирует знанием и дух совершенствует, в глазах обви-

¹ Города, где происходили кровопролитные битвы во время Пелопоннесской войны. (См. также: Предисловие).

нителя — не более чем лодырь и человек бесполезный. Странно, к слову сказать, что до сей поры никого из атлетов на суд Анит не вызвал: те ловким и крепким телом гордятся, упражняя его непрестанно, хотя обретенной мощью ни с кем не делятся.

133. «Он не выступает как оратор пред обществом», — возмущается Анит. Да, на сей ниве деятельным тружеником Сократа не назовешь, как и многих прочих его соотечественников, — однако лобой из нас ничуть против Солоновых установлений не грешит, на поприще названное не вступая, коль скоро не чувствует к риторской стезе призвания. И разве не случилось отечеству и согражданам ущерб терпеть от верхоглядов с советами скоропалительными? Не зря Сократ юношей порицает, когда видит, как тщеславная поспешность — свойство, простительное и понятное в молодых — влечет их выйти на трибуну с речью ораторской. Уверен мудрый наставник: не настало еще их время. От многого вреда, что мог постичь город со стороны людей, в делах управления несведущих, избавили Афины Сократовы непрестанные усилия! Благодарный Анит причисляет его за то к сонму праздношатающихся. Я же пред мужем, от державы и наималейший вред отводящим, склоняю почтительно голову. И нареку его для отечества благодетелем, надеясь, что согласятся со мною афиняне, не желая людьми неразумными прослать.

134. «Он денег не наживает и ссудить ими не сможет», — так говорит Анит.¹ Видимо, полагает обвинитель ростовщика иль менялу — наилучшими для

¹ Обрати внимание, читатель, как забавно противоречит данное обвинение тому, что поведал нам о Сократе «перекупщике» Диоген Лаэртский (см. наст. изд.: с. 221).

молодежи руководителями. Я на сей счет мнения другого держусь. Бранишь ты Сократа за бедность, будто не ведаешь о благородном достоинстве, с каким несет он ее; между тем, граждане Лакедемона, державы, на твой взгляд, превосходной (по нраву тебе она, ибо софистов там не бывает), — отнюдь не богаты, но сие обстоятельство нимало тебя не смущает.

135. В прежние времена не предстал бы житель афинский пред судом по обвинению в бедности, нестяжательстве; не разбирали наши отцы, отчего тот или другой поместьями не владеет. Напротив, спросить могло правосудие: «Наш соотечественник унаследовал от родителей земли клочок, а ныне — деньгам счету не знает, угодыям обширным; словно по волшебству, сумел он имуществом над большинством сограждан возвыситься. Как же случился невиданный взлет?» Теперь — вот уж событие небывалое — преследуется по суду Сократ, довольный тем, что имеет.

136. Далее. Называет истец в обвинении имена Алкивиада и Крития как довод наглядный тому, что беседы Сократовы семена злополучия для города взращивали. Прежде чем возражать, поспешу от себя упрек отвести в недостаточном здравомыслии, коего заслужу непременно, не делая, подобно Аниту, меж названными — Алкивиадом и Критием — различия. Однако оно налицо, ибо последний сознательно руку поднял на демократию, тогда как Алкивиадом — пусть не всегда поступал сей муж безупречно — содеяно все ж немало и к пользе отечества. Ввиду главного моего намерения — разубедить судей, будто Сократ первопричиною поступкам нечестным был, кем бы они ни свершались, позвольте мне, судьи, времени вашего не беречь, и кое-какие обстоятельства дней прошедших напомнить.

137. Итак, чем же Алкивиад, сын Клиния,¹ возбудил недовольство сограждан? Тем, что Алкмеонидом был, Гиппонику² родней, отцом восхищался, мужем, прославленным смертью геройской? Алкивиаду, потомуку двух знатных родов, досадны были уверения в красоте, слышимые со всех сторон? В том ли провинился, что вровень с предками стать мечтал? За то ль упрекнул Алкивиада афиняне, что, в распрях со Спартою, союзников привлек на сторону родины и предотвратил Аттики опустошение, театр войны за пределы ее перенеся? Быть может, напрасно стремился расширить державу, и тем вашу честь оскорбил?

138. Враждебны мы к человеку, когда посягнет он на наше имущество, но не тем ли более любезен нам друг, об умножении его радеющий? Алкивиад отечество видел владыкою над морем Ионическим, над Сицилией, Италией и Либией; Гесперию³ — оплотом Пелопоннесса, упрочить старался могущество государства войной победной, а затем над Лакедемоном [Спартой] возвыситься. На трибуне был Алкивиад непобедим, и завистники прибегли к низости: повредили гермы⁴ и ему приписали собственное святотатство; тогда же случилось кощунство против

¹ Клиний, отец Алкивиада, обладал столь крупным состоянием, что за собственный счет снарядил трирему для персидской войны. Пал в битве при Коронее.

² Алкмеониды — знатный афинский род; Гиппоник был тестем Алкивиада.

³ Ионическое — Адриатическое море; Либией называлась Африка; Гесперия — мифическая страна на крайнем западе земного круга.

⁴ Алкивиада обвиняли, в частности, в том, что он и его друзья изуродовали изображения Гермеса.

мистерий, и подкупленные метеки донесли на Алкивиада по наущению его врагов.

139. Теперь сосредоточьте все свое внимание: Алкивиад готов был ответить суду тотчас же и рассеять возникшие подозрения, но недруги добились приказа, вынудившего его к немедленному отплытию. Корабль шел на веслах в открытом море и не достиг еще острова назначения, когда пришло требование возвратиться. Алкивиад знал, что в Афинах ждет его гибель, и рассудил здраво, приняв вест, доставленную «Саламинией»,¹ повелением: «Беги, Алкивиад. Спасайся, ибо приговор тебе уже произнесен. Враги, воспользовавшись твоей отлучкой, преуспели в коварных кознях, народ неистовствует, и участь твоя решена».

140. Алкивиад не принял по здравому размышлению несправедливости. Он нашел пристанище в Спарте и для виду интриговал против Афин. Чуть лишь упрочив доверие к себе лакедемонян, стал действовать в ваших, сограждане, интересах: склонял на сторону Афин Великого царя, в расчете лишить флот спартанцев денежной помощи персидского владыки и обещанных им триер. Борьбу же против ненавистной народной партии — вспомни, Анит! — начал Алкивиад, когда сами афиняне устыдились пред ним, беглецом оклеветанным, победителем многих битв на море и суше, завоевателем городов, и, раскаявшись, просили вернуться.

141. Я мог бы продолжить рассказ, освежив в памяти вашей во всех подробностях историю доблестного похода героя в Олимпию, во главе отряда, сна-

¹ «Саламиния» — афинский государственный корабль.

раженного из собственных средств. Но добавлю одно: во время нового взлета отличала поступки Алкивиада скорее честолюбивая поспешность, нежели низость души; то был муж, рожденный вершить судьбы земли, — павший, однако, жертвою вероломства, царящего в мире сем. Мы прослыли бы неблагодарными, позабыв о заслугах Алкивиада пред отечеством, позабыв о праве мужа на нашу признательность, кое неизмеримо более ему принадлежит, нежели его недругам, бывших причиной злополучного бегства.

142. Уклонился я в сторону, афиняне, в мыслях оправдать — не Алкивиада, не Сократа — вас самих в глазах потомков, дабы поняли они, что не поступились вы честью, примирившись со святотатцем, а лишь справедливость вернули невинному. Она — не я — защитит сегодня мужа, стоящего пред вашим судом. Она взывает Анитовы наветы изблечить, а потому согласится, в целях ясности рассуждения, допустить на время, что прав обвинитель: Критий и Алкивиад равны виной пред законом, Сократа в том преступление, что был и того и другого учителем (пусть даже сам себя так и не называл). Теперь спрашиваю: виноват ли наставник в том, что леность, недостаток способностей иль добронравия помешали кому-то из питомцев его усвоить зерно наставлений, как хотелось учителю? Не в ученике ли самом, что безразличен остался к словам старшего — по легкомыслию, а может статься, оттого, что с уроком в душе не соглашался, ибо склонялся к примерам иным, — причина никудышного результата? Представьте, для сравнения, земледельца, трудившегося на пашне усердно, орудия выбравшего наилучшие и самых крепких волов, однако оставшегося ни с чем, когда пришло время жатвы, ибо все приложенные усилия

бесплодие почвы стубило? Кого обвините вы в неудаче — пахаря или безжизненный грунт?

143. Какому угодно ремеслу обучаясь — башмачника ли, плотника — успехами ученики не одинаковы: один превзойдет учителя, другой точь-в-точь приемы мастера повторяет, и на шаг от усвоенного урока отступить не отваживаясь; дурак же и азбуки дела не одолеет. А все потому, афиняне, что разнятся люди природой своей в дарованиях и способностях, и иной раз усилия воспитателя тщетны. Не смиришь мы с истиной сей, посчитай учителя всемогущим — никто не дерзнул бы знанием поделиться — ведь воспользуйся им ученик неверно, а то и во зло окружающим, не сносить наставнику головы.

144. Уроков мужей-законодателей все мы, без различия возраста и звания, ученики. Жители страны — граждане и пришельцы, рабы и свободные, люди мужского пола и женского — законы почитают богоравными и предмет урока учить должны тщательно. Ведаем мы о наградах за прилежание и о карах за нерадивость. Но все ж дают то и дело корни зла ростки. Дерзкие законов не боятся, а кто-то — Анит, например, — думают, что их хитрее. Для Мелета же честь — звук пустой, и лишь деньги мыслями доносчика правят.

145. Но разве обвиним законодателей, Драконта или Солона, в злодеяниях, что свершаются установлениям их вопреки? Печалимся, что кончили уж дни свои мужи названные, и оттого не привлечем их к ответу за чинимые на глазах сограждан преступления? — Ничуть не бывало, именуем благодетелями отечества!

146. И как тут о вас не сказать, судьи, наставников афинян в неукоснительном законов испол-

нении? Карою для преступника избираете вы изгнание, конфискацию имущества, лишаете жизни злодея неисправимого, отдав в руки Одиннадцати. Но наглядность урока числа мошенников не уменьшит, и потребность в присяжных на нет не сводит. Назавтра же после казни принуждены вы собраться вновь — ради негодника, точь-в-точь такого же, что осужден был вчера. И как бы ни был закон суров, всех до одного праведниками не сделает.

147. Но коль скоро гидра зла то и дело голову поднимает, не страшась ни суда, ни жестокой кары, справедливо ли Сократа винить, если не всем из слушателей, в Ликее его окружавших, рассуждения здравые впрок пошли? Ведь не всегда и господин с рабом ленивым справляется, хотя вправе, суд хлопотами не бременя, проучить слугу по-своему — не словами, а бичем, оковами, клеймением, пыткой. Что же, больше власти, чем хозяин над рабом, за деньги купленным, имел Сократ над людьми свободными и знатными?

148. «Критий оскорбил народ». — Сократа в том числе. «Критий лишил афинян права речи свободной». — Сократу уста замкнул, бесед лишив привычных.¹ Не правда ли, странно? Ученик и наперсник, наставлениям старшего друга искренне веривший, отплатил учителю черной неблагодарностью — запретив жить, как душе полюбилось? Не разумнее ли заключить, что Сократ тиранию не принял, и за то был Критием обречен на молчание? Разве не тем скорее оказался б учитель в числе мужей, властью Тридцати обласканных, будь наставления его первопри-

¹ Критием был издан указ о запрещении Сократу публичных бесед со слушателями.

чиною беззаконий и жестокостей, что свершались учеником с преступными соратниками?

149. Не раз доводилось вам, афиняне, присутствовать при победе атлета. Кичится разве увенчанный ученик пред гимнастом, злорадствуя свысока над завистью учителя? Ничуть не бывало: миг торжества празднуют оба в полном согласии. Но вот перед вами Сократ, из чудачков чудак; ибо, дождавшись желанного триумфа — законов бессилия, демократии уничтожения, Крития на вершине власти, — стоит в стороне, любимцу не рукоплещет, на благо тирана не трудится, хоть и никто ему впредь помешать в сем не сможет? И вместо этого тирана обличает, не заблуждаясь в участи инакомыслящего?

150. Толкуя об Алкивиаде и Критии, обходишь ты, Анит, молчанием другие имена, мужей, стяжавших славу добродетельной, пусть и частной жизнью. Что скажешь ты о Платоне? Критоне? Эсхине и Херефоне? В чем упрекнуть сможешь тысячи и тысячи других? Предали они друзей хоть однажды, отложились, быть может, к врагам? Какие законы низвели, какого тирана возвысили? Иль перечислял ты скрупулезно обиды, поэтам нанесенные, дабы собравшихся здесь запутать и стереть в их памяти слова Сократовы об умеренности, например, и вреде чревоугодия в разговоре с Аристиппом? О почитании родителей в беседе с Лампроклом? Надеялся, что позабудем мы, как примирил мудрец братьев, Херекрата и Херефона? Что говорил он о дружбе, с Антисфеном рассуждая?

151. Небезызвестны вам, афиняне, и Главкон, сын Аристана, коему помогли слова Сократовы от недостойного малодушия пред трибуной народной избавиться, и Хармид, сын Главкона, чье рвение

советы давать городу, напротив, не считал Сократ в юном возрасте полезным. И Перикл, сын Перикла, с немалою пользою для себя с Сократом беседовал, научаясь основам полководческого искусства. Да что говорить! Сколько их! — и не сосчитать всех, кого к добродетели вели Сократовы рассуждения¹ — к справедливости, благоразумию, уравновешенности, прямоте, порядочности. Разве что обвинитель с товарищами в сей список не входят.

152. Здравый смысл, клевете непокорный, вас, афиняне, не покинет и признать правоту обвиняемого понудит, хотя и не привелось тому преданности отчизне собиранием земель государственных засвидетельствовать, подобно Тесею легендарному, собственной волею от себя единоподданности отложившего; и памяти Солона-завоевателя, Солон-законодателя, от уплаты пяти талантов неимущих должников избавившего,² Сократ по себе не оставит. Но смерть карою судья праведный ни Сократу, ни другому не объявит за то, что иных мужей старанием Саламин завоеван и законы написаны — или не хватит яда в достатке и чаш для него. Бессмертной же славе Тесея храм в Афинах воздвигнут, и Солон, в бронзе отлитый, на Агоре свою подтверждает.

¹ В пунктах 150—151 перечислены ученики и друзья Сократа; самые знаменитые — будущие философы Платон, Аристипп и Антисфен (см. Послесловие).

² Знаменитый законодатель, мудрец и поэт Солон (ок. 640 — ок. 560) начал свое правление Афинами с уничтожения долговых обязательств и облегчения участи бедняков (см.: Плутарх. «Сравнительные жизнеописания», «Солон», XV).

153. Говорилось немало обвинителем и о ненависти вашей, сограждане, к софистам — Анаксагору, Протагору, Диагору. Давай, Анит, рассудим вместе: отчего же Сократа она миновала? Ведь имей он те же провинности пред отечеством, те же цели преследуй в поступках и мыслях, что осужденные вами софисты, верно, и участи бы сходной не избег? Коль скоро имели б афиняне обыкновение богохульникам попустительствовать, и Сократ свое черное дело творил бы, уверенный, что сойдет оно ему с рук. Но истинное-то положение вещей прямо против сего свидетельствует: никто из действительно виновных от правосудия не ушел — следственно, Сократ ни причем?

154. Анаксагор заключен был в темницу справедливо вполне, ибо богохульствовал, рассуждая о природе Луны и Солнца. Протагор изгнан вами, ибо в богах сомневался. А Диагора убийцу, Диагора, над святынями и Элевсином потешавшегося, вы бы, сограждане, не судили, а монетою звонкой порадовали.¹ Так обстоит дело с названными тобою, Анит, людьми, но назови нам имен и вдвое больше, не удостоверишь, будто софисты, правосудием в нечестии изобличенные, на Сократа тень бросают, ибо не найдется свидетеля ни слову его, против богов

¹ Лица, упоминаемые в пп. 153—154: Анаксагор Клазоменский (ок. 500 — 428) — философ, объяснявший устройство мира (см. также: Платон. «Апология Сократа», прим. к с. 62). О Протагоре см. прим. к «Апологии» Либания, с. 149. Диагор, жил ок. середины 5 века, был последователем атомистической философии и, таким образом, стал противником как народной религии, так и мистерий; афиняне назначили награду тому, кто убьет его; бежал в Коринф, где, предполагается, и умер.

и законов сказанного, ни букве, враждебной рукою начертанной.

155. Далее, проклиная негодных софистов, толкуешь ты нам о Мильтиаде, Фемистокле и Аристиде¹ — мужах, кои у софистов не обучались, и именно оттого — как выходит по мысли твоей — удостоились звания народа афинского руководителей. Но Мильтиад кончил дни свои в темнице, а Фемистокл, прославивший себя победою в морском сражении, изгнан из города остракизмом — об этих обстоятельствах ты намеренно забываешь, ибо как соединить их с понятием добродетельной жизни и отменной нравственности? Согласен ты,

¹ Имеется в виду знаменитый Мильтиад (ок. 550 — 489), стратег афинский, в 490 г. одержавший победу в Марафонском сражении; по обвинению в обмане и злоупотреблении доверием народа был приговорен к денежному штрафу в 50 талантов и, так как не мог внести требуемой суммы, посажен в тюрьму, где вскоре скончался. Фемистокл (ок. 524 — 459), афинский политический деятель и стратег; будучи архонтом в 493 г., расширил портовый город Пирей; победитель сражения с персами под Саламином; впоследствии был обвинен в преданности персам и, хотя был тогда оправдан, в 471 г. по настоянию противников, посредством остракизма изгнан из отечества; Аристид (ум. ок. 468/67), афинский политический деятель, аристократ, получил у народа прозвище «справедливый», чем возбудил к себе зависть Фемистокла, остававшегося из-за сильного противника в тени; воспользовавшись некоторыми доводами, Фемистокл сумел расположить изменчивое настроение народа против Аристида, и тот был удален из Афин остракизмом. Потом вернулся и предводительствовал афинянами в сражении с персами при Платеях (479 г.)

что не истина и справедливость на долю мужей выдающихся пришлись, а злонравная судьба? Но говорила она устами народа — возьмешься, быть может, уверять нас теперь, будто софисты толпой верховодили? Кто же из них, назови?

156. Итак, мужи, ни единым словом софиста не испорченные, запятнали себя делом бесчестным; тогда как Перикл, сын Ксантиппа, народом правил и согласия с волей своей добивался легко. Под эгидою Зевса, царя богов, достоинства царского на земле учредителя, достиг сей муж всех мыслимых вершин в государстве, и послушались его сограждане, когда просил их питомец Анаксагоров учителя из тюрьмы выволить. А может, уроки софиста — источник Перикловой славы и добродетели, и благодаря им снискал он признательность величайшую и любовь народа?

157. Что же касается Дамона,¹ то, коль скоро и правда преступен был — значит, и изгнан по заслугам; если ж вина его сикофантов стараниями раздута — о муже сожалею, несправедно обиженном. Надеюсь однако, никак на процесс сегодняшний ссылка обвинителя на тот, что в давние времена состоялся, не повлияет и Сократу не повредит, хотя и тщится Анит втолковать судьям: Дамона покарали изгнанием, а ведь виновен муж в проступке незначительном — и злейший враг не говорил о нем (как здесь говорят о Сократе), что он законы ниспровергнуть

¹ Дамон, крупный знаток музыки и государственный деятель, учитель Перикла, был подвергнут изгнанию остракизмом, по утверждению Плутарха, «за разумность» (см.: Плутарх. «Сравнительные жизнеописания». «Перикл», 4; см. также: Диоген Лаэртский. «Сократ»).

намерен. Но, может статься, противник Дамонов на суде — из тех был людей, что меру знают?! Впрочем, как бы ни было, случается, за злодейство мелкое со всей строгостью спрашивают, а на тяжкое глаза закрывают.

158. Кого же воистину жаль, так это Бианта, Солонова помощника, друга справедливого Пифии в Дельфах. Обещан безвинно Биант и с ним многие другие, стяжавшие Ионии богов благословение. Ни Фалес, ни Мелисс, ни Пифагор¹ не отдавали города ионические под иго иноземцев, не подстрекали граждан к войне братоубийственной; виною природа человека, что битвы междоусобные порождает, и персы, жаждавшие мир завоевать. Могущество же персов не Пифагор упрочивал, и не Мелисс, а Кир, Креза с престола свергший, а еще раньше Дарий.

¹ Биант, родом из Приепы, жил предположительно между 590 — 530 годами; один из Семерых мудрецов Греции, судья; Фалес — один из Семерых мудрецов Греции, родился в Милете в 624 г., умер в 546 г. До нас дошли только разноречивые и недостоверные заметки о нем. Иногда его называют основателем геометрии и астрономии у греков, иногда первым философом. Мелисс — государственный деятель и философ, жил на о-ве Самос в середине 5-го столетия, ученик Парменида; Пифагор (ок. 540 — 500) — знаменитый философ, с именем которого уже издавна были связаны сказочные предания, так что трудно отделить правду от вымысла. Неоплатоники утверждали, что он заимствовал свою мудрость из культов и тайных учений Востока. Главным источником для ознакомления с философией Пифагора служат отрывки и сочинения Аристотеля (см. также: Плутарх. «О демоне Сократа», прим. к с. 236).

159. Софисты же никоим образом причиною перечисленным злополучиям не были. Лакедемоняне, как это им ни горько, правду слов моих признают; ибо именно их страна от смут гражданских страдала долее всех прочих, именно они под десницею персов едва не очутились из-за козней самоуправца Павсания.¹ И по сию пору проклинают греки память мужа, ни одного софиста не видавшего и в глаза.

160. Легко предположить — поразмысли, Анит! — что занятия философией пошли бы на пользу Фрасибулу и Конону.² С другой стороны, Критий и Алкивиад, возможно, выросли б малыми вовсе беспутными, если б знакомство с наукою сей души их не смягчило. Горячности последних она, пусть слабой, но уздою служила — наверно, и в сердца первых хоть каплю миролюбия влить бы смогла?

161. Но довольно об этом. Созвали суд Анит с Мелетом, толкуя Сократу и всем собравшимся о праведности и справедливости. Не пристало мне пред людьми благонамеренными и законопослушными рассуждать о том, что значит вести жизнь порядочную, и Сократов образ мыслей согражданам известен, — все ж спрошу кое о чем Анита.

¹ Спартанский царь (480 — ок. 467); умер в изгнании.

² Фрасибул, один из освободителей Афин от тирании Тридцати (403 г.); несмотря на первоначальную благодарность народа восстановителю государства, вскоре, вследствие слишком частых восхвалений своих заслуг, был оттеснен другими народными вождями на задний план и лишился политического влияния. Конон — знаменитый афинский морской военачальник, отличившийся во время Пелопоннесской войны.

162. И как же, по-твоему, вести себя долг гражданина велит? Почитать богов, согласно с законами отечества? — Сократ все признанные обычаи соблюдал, и афиняне тому свидетели. Родителям помогать всем, чем можешь? — Он и других побуждал сил для родных не жалеть. Не причинять никому зла? — Ко всем Сократ ровен был и справедлив. Подчиняться властям? — Не противился никогда принятому решению. Законы соблюдать? — Был им верен. О семье иметь попечение? — И о людях заботился, кои не были в числе его домочадцев.

163. И ты его, будто неуча, наставляешь в том, чему он всю свою жизнь других учил? Ведь это все равно, как если бы кто-то Мелету растолковывать принялся, как в ремесле сикофанта упражняться. Сговорившись с ним, стыда не боясь, зовешь ты Сократа другом тиранов. Уж не думаешь ли, что тебе поверят? Сократ — друг тиранов, и из чего, скажи? Из недостатка здравого смысла, себялюбия? Из корысти, жадности к золоту, украшениям драгоценным? К роскошным одеждам — что там еще? Как бы не так! Да любой пришелец, посети он Афины, послушай речи горожан в собрании, на вопрос: «Если б случилось выбирать тебе из жителей города наидостойнейшего, кому бы свой голос отдал? — ответил бы вот что: «Сократу, ибо он согражданам друг, он несуетен, честен, духом высок и образованностью. Не ослепит его, не покажется счастьем блеск двора и самого Азии держателя, не говоря уж о роскоши тиранов не столь именитых».

164. Но к чему рассуждения пустословные, когда и весомее доказательство представить могу в том, что афинянин сей самодержавную власть не приемлет? Ведь многие тираны, наслышанные о Со-

кратовых добродетелях, охотно имели б мудреца в числе приближенных.

165. Еврилох из Ларисы, Скопас из Кранона и сам Архелай, властитель Македонии,¹ слали к нему гонцов, золотые горы суля. А он — тот, кто юношей афинских законы попирашь наущал — неизменно от предложений отказывался, и письменно, и устно, подарки богатые отправлял обратно, и родину покинуть не думал, ибо любил ее и детям своим, и внукам, и самым дальним потомкам желал оставаться свободными гражданами Афин.

166. И продолжал жить, как жил, достойно и мудро, не вникая посулам владык горделивых, ничуть бедностию не тяготясь; а с сикофантом, за наживой туда-сюда шныряющим, не поменялся бы Сократ привычками, пообещай ему за то в награду владычество над всею Фессалией.

167. И вот этого человека торопитесь вы отдать смерти, поступившись клятвою, вас связавшей, и свершить готовы сие на основании речи Анитовой? И не боитесь богов разгневать? От истины отворачиваясь — не от наветов лживых? Отчего служителей музы божественной к ответу не призовете, не на них — на мужа нападаете, кто чутким слухом звук фальшивый в творениях поэтических ловил? Смерти Сократ не трепещет, ибо познал философию. Там, за чертою, учит она, награда ждет достойного, там сами боги станут ему собеседниками, и разрешится с поэтами спор. С радостью примет Сократ долгожданную встречу с бессмертными! Но вы, судьи,

¹ Скопас — фессалийский властитель; Архелай (ок. 413 — 399) — македонский царь. Еврилох — лицо неизвестное.

остерегайтесь желанию подсудимого пособничать, и честь свою приговором несправедливым запятнать! Ибо хозяин ваш — закон беспристрастный, ни единым словом о поэтах рассуждать не возбраняющий.

168. За рассудительность и благопорядочность, отличавшие Сократа в жизни, ждут его в Аиде великие награды, но и вы, афиняне, воздайте достойному по заслугам, ибо он трудился для вас неустанно и, семейством обремененный, бедность предпочитал пути нечестному к благополучию. Домашних своих учил Сократ довольствоваться малым, большую часть дня посвящал заботе о горожанах, сыновей ваших от порока — вина, азартной игры и прочих — отвращая. Бранил отцов легкомысленных, вождей бездеятельных тормозил, ораторов речистых колол вопросами, для блага общественного бесполезными.

169. С лекарем, тело врачующим, Сократа сравнил бы я. С тою лишь разницей, что афинянина Сократа хлопоты большею пользой для сограждан оборачивались — ведь пекся он о здоровье и крепости души. Отчего же тех, кто искусством своим менее важное исцеляет, благодарить вы привыкли, а от Сократа готовы избавиться? И это плата наставнику в добродетели, награда отцу заботливому молодежи афинской? Решитесь ли, судьи, мальчиков осиротить? Лишить их дома отчего, где речь свободная льется, злосчастной рукою дверь в него запереть?

170. Плачьте, дети горемычные, плачь, Ксантиппа, жена, достойная сожаления! Не прольются слезы из очей Сократа, ибо не боится он смерти и готов к пути дальнему, в благословенное жилище сонма праведных. Просьбой о милости себя не унизит; мужественной души не предаст вам — нет, не вострепещет мудрец, словно какой-нибудь варвар, в преддверии

близкой смерти. Вы же, дети афинские, молитесь судей, стенайте, кричите громче, дабы услышали вас!

171. И я, не колеблясь, к вам примкну. Не дайте погибнуть, мужи-афиняне, своему лучшему другу, советчику всем людям разумным, честнейшему из сограждан. Не встанет Сократ во главе войска, но душе поможет исправиться. Кормчим корабля в море не выйдет, но остережет тщеславцев от похода губительного. И его литургия отечеству не уступит вашим, судьи, трудам, по значению.

172. Сколь многих отцов беспечных, о сыновьях не заботящихся должным образом, Сократ образумил, сколь многих братьев рассорившихся помирил, сколь многих людей от поступка и помышления бесчестного против родителей отвлек! Ибо боялись афиняне речи его обличительной больше любого судилища; всякий знал — без труда от обвинителя мздою отделаешься; Сократа же не соблазнишь деньгами, не добьешься его молчания, когда справедливости ущерб грозит. И вот теперь готовы вы к чаше приговорить Сократа, ибо исправлял вас, за дурное браня?

173. Но подумайте о том, что станут говорить о вас, афиняне: предавались жители города разнообразнейшим заботам, а о душе добродетельной не пеклись; о богатстве хлопотали — не о жизни праведной, и вдобавок того, кто не мог с легкомыслием примириться, и сограждан учил добру со знанием дела — погубили. Его, лучшего друга всем соотечественникам, неустанно для пользы общей трудившегося, казнили они, будто воина вражеской армии, поля Аттики опустошавшего! Убили достойнейшего человека, не посчитавшись и с возрастом его почтенным! И стяжали себе тем славу недобрую. Да разве станут державы соседние на благожелатель-

ность вашу надеяться, просльпшав, сколь жестоко обошлись афиняне с лучшим из жителей города!

174. Сократ еще с нами, среди живых, и кому-то сие не по нраву; когда же перестанет сердце мужа биться, вспомните вы процесс сей судебный, и восплачете, уверен в том, от боли неизбывной, упреками осыпая обвинителей, присяжных и самих себя, к злому делу не меньше причастных; окружают вас друзья Сократа и знакомые его, скорбящие родственники, придут на память беседы умершего с горожанами. Повстречается пришелец, Афины навестивший ради встречи с Сократом, и обнаруживший здесь могилу его. Отправится он бродить по городу с попутчиком, обходить места, где бывал Сократ, скажет: «Вот где, слышал я, говорил он о рассудительности, здесь о храбрости речь вел, а тут о справедливости. Здесь Продика превзошел, здесь с Протагором в мудрости состязался, там над элейцем Гипсием в споре верх взял, а там над Горгием из Леонтиды».

175. И навернутся на глаза слезы, и опустят головы горожане, ибо не посмеют отрицать, что чаша с ядом выпита до дна, и постыдятся взглянуть друг на друга. О, как много зла, недовольства возбуждает сейчас сердца ваши, афиняне! Опомнитесь, молю, не упустите время для здорового решения, ибо потом наступит оно для раскаяния и сожаления о безвозвратном. Не отворяйте в гимнасии двери для беседы о кошельке тяжелом, не запирайте их в доме своем для мудрости, гости нежеланной! Представления ужасного, духу афинскому чуждого, зрителями не делайтесь: вот выносят тело Сократа за тюремные стены для погребения, провожают его в последний путь друзья, навек утратившие счастье голос его слышать, пению соловья подобный, молчат Сократовы товарищи-едино-

мышленники, проклиная в душе соотечественников, и покидают город один за другим, отправляясь в Мегару, в Коринф, в Элею, в Эвбею; поросль афинская в чужих землях расцветает, и обращаются юноши к встречающим их на чужбине с такою речью: «Примите нас, граждане, беглецов из Афин; мы не предали отечества, не бросили знамени, честью юного сердца не поступились; не восставали против законов. Искали лишь знания и совершенства духа, но у сограждан наших они не в почете, и опасаемся мы нападков. Оклеветали Ликон с Мелетом Сократа в глазах афинян, а Анит судебною речью подвел свободе мужа, а затем и жизни его черту. Оттого остерегаемся мы афинянами оставаться и принуждены у вас искать пристанища».

176. Найдут юноши в чужом краю пристанище, утешение и духом воспрянут. Не смолчат, и на весь свет разнесется об Афинах недобрая слава. Люди здравомыслящие потребуют наказания — для убийц, обвинителей, судей, да и для граждан рядовых. Ибо никто из них кривде не воспротивился, а стало быть, преступления соучастник. Заклеймит вас на веки вечные несмываемое пятно позора. Писатели знаменитые в трудах своих его обессмертят — ведь записанная история повествует бесстрастно о добром и злом, и не вычеркнешь ни строки из памяти человеческой.

177. Помните о Миносе, весь род коего беды постигли и посрамление из-за любовных утех Пасифаи? ¹ Поведали нам о том трагедии. Завоеватель морей всемогущий за зло, причиненное нашему го-

¹ Минос — легендарный царь Крита, впоследствии один из судей в Аиде. Пасифая — его супруга, согрешившая с быком; от этой любовной связи родился Минотавр.

роду, казним и поныне словом поэта. Бойтесь свидетельств, что о позоре расскажут!

178. Но не зря ли пугаю присяжных пред обдумыванием решения лишь трактатами поколений грядущих? Ибо много страшнее, афиняне, Пифии гнев, оракула бога дельфийского; бойтесь голосованием вещающего с треножника оскорбить, безумцу Идасу ¹ уподобиться, посягнувшего стрелу смертоносную на бога поднять. И вы ныне на Аполлона восстали, ибо божественному свидетельству Сократовой мудрости, возглашенному некогда в земном средоточии, здесь, в афинском суде, отвечаете: «Муж сей повинен смерти».

179. Как же после кощунства в Дельфы с жертвоприношением отправитесь? Как молитвы возносить станете? Как попросите треножник, если прорицанием его пренебрегли? Вы, народ афинский, кто более всех прочих славы оракула должник! Его предсказанием вы от бед избавлялись, владычеству персов противились, державу колониями расширяли, ему благодарны, что первыми из земледельцев-эллинов плоды земные жертвуете божеству.

180. Вообразите на мгновение — да сохранят нас боги от ужасного несчастья! — как взываете к божеству о помощи, но изгоняемы вон из храма; ясно указана вам вина: Сократ, муз и Аполлона служитель, приговором вашим умерщвлен. Вот уж тогда воистину мы честью в глазах греков возвеличимся! Убивший Архилоха ² богами отвергнут, хотя законом

¹ Могучий сын Афарея, убивший Кастора.

² Знаменитый греческий поэт (род. в 650 г.)

войны обелить себя мог. Чем же вы, сограждане, оправдываться станете, а ну-ка, ответьте!

181. Ведь и жрецов своих Аполлон не щадил, за Эзопа-баснописца подвергнув гонениям. Кто же из вас, будь он бесчувственнейшим упрямым, фригийца Эзопа с Сократом сравнит? Неужто надеетесь, что милостиво бог вину вам за смерть афиняна спустит, коль скоро первое злодейство почел чудовищным? Вина наша велика, но есть еще время снискать у эллинов снисхождения. Не усугубляйте ж, афиняне, ее многократно чрез смерть Сократа по необходимости законной, отведите несчастья от отечества, пока в вашей власти гнев Аполлона умирить! Цветами корабль украшен, везущий хор в Делос, — не оттого ли, что сам Аполлон свой голос за оправдание отдал?

182. Ибо боги, о афиняне, к друзьям муз благосклонны. Либефры¹ страшную кару волею божества в судьбе претерпели. Поплатился народ и страна за смерть Орфея одичалостью, слепым безрассудством, невежеством, безучастием скотоподобным к красоте и добру. О сограждане, не ввергайте Афины в подобное!

183. Критон, Сократу годами сверстник, из дема того же родом, — зываю к тебе: поведай судьям о друге! Детей саламинца Леонта зовите!² Его отказался Сократ привести на расправу тиранам. Да встанут свидетелями в суде афинском Фрасила,

¹ Либефры — скорее всего, древняя народность, жившая в Македонии.

² О Леонте Саламинском см.: Платон. «Апология Сократа», прим. к с. 72).

Перикла, соратников-воинов тени — мужей, вопреки уговорам Сократа незаконно казненных!¹

184. Ни слова больше, Анит! Страшись грядущего! Кадмова победа² сулит расплату. Брошены были вожди в оковы — и кем? — Калликсеном, о собственном близком конце не ведавшим. Остерегись же примера сего и на путь Федонов вступи, кто философией от презренных пороков избавился. Ибо всю свою жизнь сим лекарством — им лишь одним — «губил» Сократ юношей.

¹ Имеются в виду события, последовавшие за битвой при Аргинузских островах, когда казнили неповинных стратегов. (См.: Платон. «Апология Сократа», прим. к с. 71).

² Выражение «Кадмова победа» имело тот же смысл, что сейчас мы вкладываем в выражение «Пиррова победа». Кадм — сын мифического царя Агенора; основал Кадмею, впоследствии Фивы. Убив Дракона, Кадм засеял землю его зубами, из которых выросли воины, перебившие друг друга.

ДИОГЕН ЛАЭРЦИЙ СОКРАТ ¹

Сократ, сын скульптора Софрониска и повивальной бабки Фенареты (по словам Платона в «Тезетете»), афинянин, из дема Алопеки. Думали, что он помогает писать Еврипиду; поэтому Мнесилох ² говорит так:

«Фригийцы» — имя драме Еврипидовой,
Сократовыми фигами откормленной.

И в другом месте:

Гвоздем Сократа Еврипид сколоченный.

Каллий ³ пишет в «Пленниках»:

¹ Лица, сведения и понятия, известные по предыдущим текстам и комментариям, а также незначительные исторические персонажи, играющие подсобную роль в рассказе Диогена Лаэртция — в примечания не включаются.

² Поэт так называемой средней комедии (после 400 года).

³ Поэт древней комедии (до 400 года).

- Скажи, с какой ты стати так заважничал?
- Причина есть; Сократ — ее название!

И Аристофан в «Облаках»:

- Для Еврипида пишет он трагедии,
В которых столько болтовни и мудрости.¹

По сведениям некоторых, он был слушателем Анаксагора, а по сведениям Александра в «Преемствах» — также и Дамона.² После осуждения Анаксагора он слушал Архелая-физика и даже (по словам Аристоксена) был его наложником. Дурид уверяет, что он также был рабом и работал по камню: одетые Хариты на Акрополе, по мнению некоторых, принадлежат ему. Оттого и Тимон³ говорит в «Силлах»:

Но отклонился от них камнедел и законоположник,
Всей чарователь Эллады, искуснейший в доводах тонких,
С полуаттической солью всех риториков перешутивший.

В самом деле, он был силен в риторике (так пишет Идоменей), а Тридцать тиранов даже запретили ему обучать словесному искусству (так пишет Ксенофонт); и Аристофан насмехается в комедии,

¹ В «Облаках» таких стихов нет.

² Теоретик музыки V—VI веков. Первым открыл и исследовал воздействие музыки и ритма на формирование человека, то что в Греции обозначалось как «этос». Изменениями музыкального строя и вкусов слушателей объяснял политические катастрофы, общественные потрясения и упадок нравов. (См. также: Либаний. «Апология», прим. к с. 207).

³ По-видимому, Тимон Флиунтский, живший в III в. н. э.

будто он слабую речь делает сильной. Фаворин¹ в «Разнообразном повествовании» говорит, будто Сократ со своим учеником Эхином первыми занялись преподаванием риторики; о том же пишет Идоменей в книге «О сократиках».

Он первым стал рассуждать об образе жизни и первым из философов был казнен по суду. Аристоксен, сын Спинфара, уверяет, что он даже наживался на перекупках; вкладывал деньги, собирал прибыль, тратил ее и начинал сначала.

Освободил его из мастерской и дал ему образование Критон, привлеченный его душевной красотой (так пишет Деметрий Византийский).² Поняв, что философия физическая нам безразлична, он стал рассуждать о нравственной философии по рынкам и мастерским, исследуя, по его словам,

Что у тебя и худого и доброго в доме случилось.³

Так как в спорах он был сильнее, то нередко его колотили и таскали за волосы, а еще того чаще осмеивали и поносили; но он принимал все это, не противясь. Однажды, даже получив пинок, он и это стерпел, а когда кто-то подивился, он ответил: «Если бы меня лягнул осел, разве стал бы я подавать на него в суд?» Все это сообщает Деметрий Византийский.

В противоположность большинству философов он не стремился в чужие края — разве что если нужно было идти в поход. Все время он жил в

¹ Ритор II в. н. э.

² Историк III в. н. э. Далее (как и до этого) анекдоты и предания, имеющие какие-то основания, мешаются с небывицами.

³ Гомер. «Одиссея». IV, 392.

Афинах и с увлечением спорил с кем попало не для того, чтобы переубедить их, а для того, чтобы доискаться до истины. Говорят, Еврипид дал ему сочинение Гераклита и спросил его мнение; он ответил: «Что я понял — прекрасно; чего не понял, наверное, тоже; только, право, для такой книги нужно быть делосским ныряльщиком».¹

Он занимался телесными упражнениями и отличался добрым здоровьем. Во всяком случае, он участвовал в походе под Амфиполь, а в битве при Делии спас жизнь Ксенофону, подхватив его, когда тот упал с коня. Среди повального бегства афинян он отступал, не смешиваясь с ними, и спокойно оборачивался, готовый отразить любое нападение. Воевал он и при Потидее (поход был морской, потому что пеший путь закрыла война); это там, говорят, он простоял, не шевельнувшись, целую ночь, и это там он получил награду за доблесть, но уступил ее Алкивиаду — с Алкивиадом он находился даже в любовных отношениях, говорит Аристипп² в IV книге «О роскоши древних». В молодости он с Архелаем ездил на Самос (так пишет Ион Хиосский), был и в Дельфах (так пишет Аристотель), а также на Истме (так пишет Фаворин в I книге «Записок»).

Он отличался твердостью убеждений и приверженностью к демократии. Это видно из того, что он ослушался Крития с товарищами, когда они велели привести к ним на казнь Леонта Саламинского, богатого человека; он один голосовал за оправдание

¹ Остров Делос славился искусными водолазами.

² Философ из Кирены (ок. 435 — 355), ученик Сократа; насчет любовной связи с Алкивиадом — крайне сомнительно.

десяти стратегов; а имея возможность бежать из тюрьмы, он этого не сделал и друзей своих, плакавших о нем, упрекал, обращая к ним в темнице лучшие свои речи.

Он отличался также достоинством и независимостью. Однажды Алкивиад (по словам Памфила в VII книге «Записки») предложил ему большой участок земли, чтобы выстроить дом; Сократ ответил: «Если бы мне нужны были сандалии, а ты предложил бы мне для них целую бычью кожу, разве не смешон бы я стал с таким подарком?» Часто он говаривал, глядя на множество рыночных товаров: «Сколько же есть вещей, без которых можно жить!» И никогда не уставал напоминать такие ямбы:

И серебро, и пурпурная мантия
На сцене хороши, а в жизни ни к чему.¹

К Архелаю Македонскому, к Скопасу Краннонскому, к Еврилоху Ларисейскому он относился с презрением, не принял от них подарков и не поехал к ним. И он держался настолько здорового образа жизни, что, когда Афины охватила чума, он один остался невредим.

По словам Аристотеля, женат он был дважды: первый раз — на Ксантиппе, от которой у него был сын Лампрокл, и во второй раз — на Мирто, дочери Аристиды Справедливого,² которую он взял без приданого и имел от нее сыновей Софрониска и Менексена. Другие говорят, что Мирто была его первой женой, а некоторые (в том числе Сатир и Иероним

¹ Стихи Филемона, поэтa III в. н. э.

² Афинский государственный деятель (ок. 500 — ок. 467).

Родосский) — что он был женат на обеих сразу;¹ по их словам, афиняне, желая возместить убыль населения, постановили, чтобы каждый гражданин мог жениться на одной женщине, а иметь детей также и от другой, — так поступил и Сократ.

Он умел не обращать внимания на насмешников. Своим простым житьем он гордился, платы ни с кого не спрашивал. Он говорил, что лучше всего есть тогда, когда не думаешь о закуске, и лучше всего пьешь, когда не ждешь другого питья: чем меньше человеку нужно, тем ближе он к богам. Это можно заключить и по стихам комедиографов, которые сами не замечают, как их насмешки оборачиваются ему в похвалу. Так, Аристофан пишет:

Человек! Пожелал ты достигнуть у нас озарения мудрости
высшей, —
 О, как счастлив, как славен ты станешь тогда среди
эллинов всех и афинян,
 Если памятлив будешь, прилежен умом, если есть в тебе
сила терпенья,
 И, не зная усталости, зная в себя ты вбирать будешь,
стоя и лежа,
 Холодая, не будешь стонать и дрожать, голодая, еды
не попросишь,
 От попоек уйдешь, от обжорства бежишь, не пойдешь по
пути безрассудства...²

¹ Такого рода рассказы чем-то напоминают байки старушек у подъездов. О них (этих байках) сообщает и Плутарх («Аристид», XXVII), но не верит в них. (См. также Предисловие).

² «Облака». 411—416.

И Амипсий¹ выводит его на сцену в грубом плаще с такими словами:

- Вот и ты, о Сократ, меж немногих мужей самый
лучший и самый пустейший!
Ты отменно силен! Но скажи, но открой: как добыть тебе
плащ попрличней?
— По кожевничьей злобе на плечи мои я надел это
горькое горе.
— Ах, какой человек! Голодает, чуть жив, но польстить
ни за что не захочет!

Тот же гордый и возвышенный дух его показан и у Аристофана в следующих словах:

Ты же тем нам приятен, что бродишь босой, озираясь
направо, налево,
Что тебе нипочем никакая беда, — лишь на нас ты
глядишь, обожая.²

Впрочем, иногда, применительно к обстоятельствам, он одевался и в лучшее платье — например, в Платоновом «Пире» по дороге к Агафону.

Он одинаково умел как убедить, так и разубедить своего собеседника. Так, рассуждая с Теэтетом о науке, он, по словам Платона, оставил собеседника божественно одухотворенным; а рассуждая о благочестии с Евтифроном, подавшим на отца в суд за убийство гостя, он отговорил его от этого замысла; также и Лисия³ обратил он к самой высокой нравственности. Дело в том, что он умел извлекать доводы из происходящего. Он помирил с матерью сына своего Лампрокла, рассердившегося на нее

¹ Комедиограф.

² «Облака». 363—364.

³ Знаменитый оратор (ок. 445 — 380). (См. Предисловие).

(как о том пишет Ксенофонт); когда Главкон, брат Платона, задумал заняться государственными делами, Сократ разубедил его, показав его неопытность (как пишет Ксенофонт), а Хармида, имевшего к этому природную склонность, он, наоборот, ободрил. Даже стратегу Ификрату он придал духу, показав ему, как боевые петухи цирюльника Мидия налетают на боевых петухов Каллия. Главконид¹ говорил, что городу надо бы содержать Сократа [как украшение], словно фазана или павлина.

Он говорил, что это удивительно: всякий человек без труда скажет, сколько у него овец, но не всякий сможет назвать, скольких он имеет друзей, — настолько они не в цене. Посмотрев, как Евклид² навострился в словопрениях, он сказал ему: «С софистами, Евклид, ты сумеешь обойтись, а вот с людьми — навряд ли». В подобном пустословии он не видел никакой пользы, что подтверждает и Платон в «Евтидеме». Хармид предлагал ему рабов, чтобы жить их оброком, но он не принял; и даже к красоте Алкивиада, по мнению некоторых, он остался равнодушным. А досуг он восхвалял как драгоценнейшее достояние (о том пишет и Ксенофонт в «Пире»).

Он говорил, что есть одно только благо — знание и одно только зло — невежество. Богатство и знатность не приносят никакого достоинства — напротив, приносят лишь дурное. Когда кто-то сообщил ему, что Антисфен³ родился от фракиянки,

¹ Лицо неизвестное.

² Философ (ок. 444 — 366), ученик Сократа, основатель школы мегариков («Все существующее — благо»).

³ Философ (ок. 444 — 366), ученик Сократа, основатель школы киников (см. Послесловие).

он ответил: «А ты думал, что такой благородный человек мог родиться только от полноправных граждан?»¹ А когда Федон, оказавшись в плену, был отдан в блудилище, то Сократ велел Критону его выкупить и сделать из него философа. Уже стариком он учился играть на лире: разве неприлично, говорил он, узнавать то, чего не знал? Плясал он тоже с охотой, полагая, что такое упражнение полезно для крепости тела (так пишет и Ксенофонт в «Пире»).

Он говорил, что его демоний предсказывает ему будущее; что хорошее начало не мелочь, хоть начинается и с мелочи; что он знает только то, что ничего не знает; говорил, что те, кто задорого покупают скороспелое, видно, не надеются дожить до зрелости. На вопрос, в чем добродетель юноши, он ответил: «В словах: ничего сверх меры».² Геометрия, по его выражению, нужна человеку лишь настолько, чтобы он умел мерить землю, которую приобретает или сбывает. Когда он услышал в драме Еврипида такие слова о добродетели:

...Не лучше ль
Пустить ее на произвол судьбы...³ —

¹ Спокойно-приятное отношение Сократа к мекетам (переселенцам), тем, кто формально не мог считать себя коренными жителями Аттики, и вообще к чужакам, хорошо известно. Аристотель пишет: «...нужно обращать внимание и на то, среди кого произносится похвала, потому что, по выражению Сократа, нетрудно восхвалять афинян среди афинян же» («Риторика». 1, 8, 1367б).

² Афоризм, приписываемый одному из семи великих мудрецов (по одной версии Клеобулу, по другой — Солону).

³ «Электра». Ст. 379.

то он встал и вышел вон: не смешно ли, сказал он, что пропавшего раба мы не ленимся искать, а добродетель пускаем гибнуть на произвол судьбы? Человеку, который спросил, жениться ему или не жениться, он ответил: «Делай, что хочешь, — все равно расквасишься». Удивительно, говорил он, что ваятели каменных статуй бьются над тем, чтобы камню придать подобие человека, и не думают о том, чтобы самим не быть подобием камня. А молодым людям советовал он почаще смотреть в зеркало: красивым — чтобы не срамить своей красоты, безобразным — чтобы воспитанием скрасить безобразие.

Однажды он позвал к обеду богатых гостей, и Ксантиппе было стыдно за свой обед. «Не бойся, — сказал он, — если они люди порядочные, то останутся довольны, а если пустые, то нам до них дела нет». Он говаривал, что сам он ест, чтобы жить, а другие люди живут, чтобы есть. Нестоящую чернь он сравнивал с человеком, который одну поддельную монету отвергнет, а груду их примет за настоящие. Когда Эсхин¹ сказал: «Я беден, ничего другого у меня нет, так возьми же меня самого», он воскликнул: «Разве ты не понимаешь, что нет подарка дороже?!» Кто-то жаловался, что на него не обратили внимания, когда Тридцать тиранов пришли к власти; «Ты ведь не жалеешь об этом?» — сказал Сократ.

Когда ему сказали: «Афиняне тебя осудили на смерть», он ответил: «А природа осудила их самих». (Впрочем, другие приписывают эти слова Анаксагору.) «Ты умираешь безвинно», — говорила ему же-

¹ Один из малоизвестных слушателей Сократа.

на; он возразил: «А ты бы хотела, чтобы заслуженно?» Во сне он видел, что кто-то ему промолвил:

В третий день, без сомнения, Фтии достигнешь
холмистой.¹

«На третий день я умру», — сказал он Эсхину. Он уже собирался пить цикуту, когда Аполлодор предложил ему прекрасный плащ, чтобы в нем умереть. «Неужели мой собственный плащ годился, чтобы в нем жить, и не годится, чтобы в нем умереть?» — сказал Сократ.

Ему сообщили, что кто-то говорит о нем дурно. «Это потому, что его не научили говорить хорошо», — сказал он в ответ. Когда Антисфен повернулся так, чтобы выставить напоказ дыры в плаще, он сказал Антисфену: «Сквозь этот плащ мне видно твое тщеславие». Его спросили о ком-то: «Разве этот человек тебя не задевает?» — «Конечно, нет, — сказал Сократ, — ведь то, что он говорит, меня не касается». Он утверждал, что надо принимать даже насмешки комиков: если они поделом, то это нас исправит, если нет, то это нас не касается.

Однажды Ксантиппа сперва разругала его, а потом окатила водой. «Так я и говорил, — промолвил он, — у Ксантиппы сперва гром, а потом дождь». Алкивиад твердил ему, что ругань Ксантиппы непереносима; он ответил: «А я к ней привык, как к вечному скрипу колеса. Переносишь ведь ты гнусный гогот?» — «Но от гусей я получаю яйца и птенцов к столу», — сказал Алкивиад. «А Ксантиппа рождает мне детей», — отвечал Сократ. Однажды среди рынка она стала рвать на нем плащ; друзья советовали ему

¹ Гомер. «Илиада». IX, 363.

защищаться кулаками, но он ответил: «Зачем? чтобы мы лупили друг друга, а вы покрикивали: „Так ее, Сократ! так его, Ксантиппа!“?» Он говорил, что сварливая жена для него — то же, что норовистые кони для наездников: «Как они, одолев норовистых, легко справляются с остальными, так и я на Ксантиппе учусь обхождению с другими людьми».

За такие и иные подобные слова и поступки удостоился он похвалы от Пифии, которая на вопрос Херефонты ответила знаменитым свидетельством:

Сократ превыше всех своею мудростью.

За это ему до крайности завидовали, — тем более, что он часто обличал в неразумии тех, кто много думал о себе. Так обошелся он и с Анитом, о чем свидетельствует Платон в «Меноне»; а тот, не вынесши его насмешек, сперва натравил на его Аристофана с товарищами, а потом уговорил и Мелета подать на него в суд за нечестие и развращение юношества. С обвинением выступил Мелет, речь говорил Полиевкт (так пишет Фаворин в «Разнообразном повествовании»), а написал ее софист Поликрат (так пишет Гермипп) или, по другим сведениям, Анит; всю нужную подготовку устроил демагог Ликон. Антисфен в «Преемствах философов» и Платон в «Апологии» подтверждают, что обвинителей было трое — Анит, Ликон и Мелет: Анит был в обиде за ремесленников и политиков, Ликон — за риторов, Мелет — за поэтов, ибо Сократ высмеивал и тех, и других, и третьих. Фаворин добавляет (в I книге «Записок»), что речь Поликрата против Сократа неподлинная: в ней упоминается восстановление афинских стен Кононом, а это произошло через 6 лет после Сократовой смерти. Вот как было дело.

Клятвенное заявление перед судом было такое (Фаворин говорит, что оно и посейчас сохраняется в Метрооне ¹: «Заявление подал и клятву принес Мелет, сын Мелета из Питфа, против Сократа, сына Софрониска из Алопеки: Сократ повинен в том, что не чтит богов, которых чтит город, а вводит новые божества, и повинен в том, что развращает юношество; а наказание за то — смерть». Защитительную речь для Сократа написал Лисий; философ, прочитав ее, сказал: «Отличная у тебя речь, Лисий, да мне она не к лицу», — ибо слишком явно речь эта была скорее судебная, чем философская. «Если речь отличная, — спросил Лисий, — то как же она тебе не к лицу?» «Ну, а богатый плащ или сандалии разве были бы мне к лицу?» — отвечал Сократ.

Во время суда (об этом пишет Юст Тивериадский в «Венке») Платон взобрался на помост и начал говорить: «Граждане афиняне, я — самый молодой из всех, кто сюда всходил...», но судьи закричали: «Долой! долой!» Потому Сократ и был осужден большинством в 281 голос. Судьи стали определять ему кару или пеню; Сократ предложил уплатить двадцать пять драхм (а Евбулид говорит, что даже сто). Судьи зашумели, а он сказал: «По заслугам моим я бы себе назначил вместо всякого наказания обед в Пританее».

Его приговорили к смерти, и теперь за осуждение было подано еще на 80 голосов больше. И через несколько дней в тюрьме он выпил цикуту. Перед этим он произнес много прекрасных и благородных рассуждений (которые Платон приводит в «Федо-

¹ Древнее святилище Матери богов в Афинах.

не»), а по мнению некоторых, сочинил и пеан, который начинается так:

Слава тебе, Аполлон Делиец с сестрой Артемидой!

(Впрочем, Дионисодор утверждает, что пеан принадлежит не ему.) Сочинил он и эзоповскую басню, не очень складную, которая начинается так:

Некогда молвил Эзоп обитателям града Коринфа:
Кто добродетелен, тот выше людского суда.¹

Так расстался он с людьми. Но очень скоро афиняне раскаялись: они закрыли палестры и гимнасии, Мелета осудили на смерть, остальных — на изгнание, а в честь Сократа воздвигли бронзовую статую работы Лисиппа, поместив ее в хранилище утвари для торжественных шествий; а когда Анит приехал в Гераклею, гераклеяцы в тот же день выслали его вон.² И не только за Сократа, но и за многих других приходилось раскаиваться афинянам: с Гомера они (по словам Гераклида) взяли 50 драхм пени, как с сумасшедшего; Тиртея³ называли помешанным; и из всех Эсхилowych товарищей первым воздвигли бронзовую статую Астидаманту. Недаром Еврипид укоряет их в своем «Паламеде»: ⁴

...Сгубили, сгубили вы

Соловья Аонид, премудрого, не преступного.

Вот как об этом пишут; Впрочем, Филохор утверждает, что Еврипид умер раньше Сократа.

¹ Басня в переносном смысле, Сократ подобными стишками не баловался.

² О достоверности этих сведений — см.: Послесловие.

³ Древнегреческий поэт-лирик; писал короткие боевые песни (пеаны) и элегии (VII век).

⁴ Несохранившаяся трагедия.

Родился он (как сообщает Аполлодор в «Хронологии») при архонте Апсефионе, в четвертый год 77-й олимпиады, шестого Фаргелиона, когда афиняне совершают очищение города, а делосцы отмечают рождение Артемиды. Скончался он в первый год 95-й олимпиады в возрасте 70 лет. Так пишет Деметрий Фалерский; но некоторые считают, что при кончине ему было шестьдесят лет. Слушателем Анаксагора он был вместе с Еврипидом, который родился в первый год 75-й олимпиады, при архонте Каллиаде.

Я полагаю, что Сократ вел беседы и о физике — во всяком случае даже Ксенофонт хоть и утверждает, будто беседы его были только об этике, но признает, что он рассуждал и о провидении; и Платон хоть и упоминает в «Апологии», как Сократ отрекается от Анаксагора и прочих физиков, но сам же рассуждает об их предметах, приписывая все свои речи Сократу.

По словам Аристотеля, некий маг, пришедший из Сирии в Афины, заранее предсказал Сократу в числе других бедствий и его насильственную смерть.

Вот и мои о нем стихи:

Пей у Зевса, в чертоге, Сократ! Ты назван от бога
Мудрым, а мудрость сама — разве не истинный бог?
Ты смертоносную принял цикуту от судей афинских —
Но не тебе, а себе смерть обрели они в ней.

Поносителями Сократа были Антилох Лемносский и гадатель Антифонт (так пишет Аристотель в III книге «Поэтики»); так и Пифагора¹ поносил

¹ Из перечисляемых лиц, которых, по словам Диогена, поносили: Пифагор (540 — 500) и Фалес (624 — 546) — ученые и философы; Биант (590 — 530) — мыслитель и остроумец; Питтак (ок. 620 — ок. 570) — государственный

Килон Кротонский, Гомера — Сиагр при жизни и Ксенофан Колофонский посмертно, Гесиода — Керкоп при жизни и тот же Ксенофан посмертно, Пиндара — Амфимен Косский, Фалеса — Ферекид, Бианта — Салар Приенский, Питтака — Антименид и Алкей, Анаксагора — Сосибий, Симонида — Тимокреонт.

Преемниками его были так называемые сократики, из которых главные — Платон, Ксенофонт, Антисфен, а из десяти основателей школы — четверо известнейших: Эсхин, Федон, Евклид и Аристипп.¹

Был и другой Сократ, историк, сочинивший описание Аргоса; третий — перипатетик из Вифинии; четвертый — сочинитель эпиграмм и пятый — с острова Коса, писавший о прозвищах богов.

деятель; трое последних причислены к легендарным семи мудрецам Древней Греции (см. также: Либаний. «Апология», прим. к с. 208 и Плутарх. «О демоне Сократа», прим. к с. 236); Пиндар (ок. 520 — 446), Алкей (VI в.) и Симонид (556 — 448) — знаменитые поэты. Алкей принадлежал к числу политических противников Питтака, отсюда и его вражда к демократическому диктатору Мителены, который, в конце концов, разрешил поэту вернуться на родину, сказав знаменитую фразу: «Прощение сильнее мести».

¹ См. Послесловие.

ПЛУТАРХ

О ДЕМОНЕ СОКРАТА

Участники диалога: Архидам и Кафисий

(Отрывки)

Фабула небольшого диалога состоит в рассказе Кафисия Архидаму (и его друзьям) истории переворота в Фивах в 379 году, когда демократы во главе с Пелопидом убили олигархов. Собственно речь больше касается тайного заговора демократов и потому рассуждений о предзнаменованиях и предчувствиях. В этом контексте возникает разговор о демоне Сократа, который представляет для нас интерес. Все действующие лица — из числа заговорщиков; из них для приведенного фрагмента существенен Симмий Фиванский, судя по всему, ученик Сократа, один из персонажей некоторых диалогов Платона.

9. <...> «Клянусь Гераклом, как трудно найти человека, свободного от суеверного чада. Одни подвержены этому против своей воли, вследствие

необразованности или душевной слабости, другие же, чтобы казаться какими-то особо выдающимися по богобоязненности, на каждом шагу ссылаются на божье волеизъявление, на сны, видения и тому подобный вздор, прикрывая этим то, что у них в действительности на уме. Кто причастен к политической деятельности, тому, пожалуй, бесполезно иногда прибегнуть к узде суеверия, чтобы направить на нужный путь суетную толпу или отвлечь ее от чего-либо; для философии же такой ход мысли не только не приличествует, но и прямо противоречит ее обязанностям, если она, пообещав рассуждением научить нас доброму и полезному, обращается к богам как началу всех действий, словно пренебрегая всяческим рассуждением; презрев доказательство, свое основное отличие, она прибегает к гаданиям по снам и видениям, которые посещают одинаково и доблестного, и подлого. Потому-то, думается мне, ваш Сократ избрал более философский характер образования и речей, простой и бесхитростный, как более приличествующий человеку свободному и стремящемуся к истине, а весь этот философский дым и чад отбросил, предоставив его софистам». — «Что же, Галаксидор, — заговорил тут Феокрит, — значит, и тебя убедил Мелет в том, что Сократ пренебрегал верой в богов? Ведь именно в этом он обвинил Сократа перед судом афинян». — «Отнюдь не верой в богов, — ответил тот. — Не восприняв от Пифагора,¹

¹ Пифагор (540 — 500) — крупнейший философ, в учении которого действительно присутствовали элементы высокой мистики и магии. Родился на Самосе в эпоху тирании Поликрата, союзника египетского фараона Ама-

Эмпедокла¹ и других философию, преисполненную мифов, призраков и суеверия, он как бы вывел ее из состояния вакхического опьянения и обратил на искание истины посредством трезвого рассуждения».

10. «Хорошо, — сказал Феокрит, — но как же мы, дорогой мой, оценим демона Сократа — как ложную выдумку или иначе? Среди преданий о Пифагоре я не назову ничего, что так походило бы на мантику и суеверие: без преувеличения, подобно тому как Гомер представил Афины «соприсущной во всяком труде» Одиссею, так демон Сократа явил ему некий руководящий жизненный образ, «всюду предтекавший ему, подававший совет и могучесть», в делах неясных и недоступных человеческому разумению: в этих случаях демон часто вступал в собеседование с Сократом, сообщая божественное участие его намерениям. Узнать об этом больше можно от Симмия и других товарищей Сократа. Но вот однажды, когда мы направлялись к гадателю Евтифрону — ты помнишь это, Симмий, — Сократ прохаживался наверху, у Перепутья и дома Андокида, ведя фило-

сиса. Много путешествовал, по преданиям, иногда апокрифическим, побывал в Египте, Вавилонии, в Иудее и в других древних странах. Переехав в Южную Италию, основал религиозную школу-братство; ему принадлежит теория чисел («природы всех вещей») и концепция бессмертия души — путем непрерывного переселения из одного живого существа в другое — метемпсихоз. (См. также: Либаний. «Апология Сократа», прим. к с. 208).

¹ Эмпедокл (ок. 495 — 435) — философ, считавший, что мир существует в борьбе сил любви и ненависти. Согласно легенде, бросился в кратер Этны, чтобы стать богом или погибнуть.

софскую беседу с Евтифроном, и подвергал его, по своему обыкновению, шутливому разгрому. Вдруг он остановился и так оставался некоторое время погруженным в себя, а затем свернул в сторону и пошел по улице Коробовщиков, подозвав к себе и тех спутников, которые уже отошли вперед, и сославшись при этом на полученное им указание от демона. Большинство, в том числе и мы с Евтифроном, пошли вслед за ним, но несколько юношей продолжали идти вперед, как бы желая изобличить демона Сократа, и увлекли за собой флейтиста Харилла, который приехал вместе со мной в Афины к Кебету. И вот, когда они проходили по улице Ваятелей мимо судебной палаты, им навстречу выбежало тесно сплоченное стадо покрытых грязью свиней. Посторониться было некуда, так что свиньи одних сбили с ног, других обмазали сплошь грязью. Пришел домой и Харилл весь в грязи, так что после этого случая мы всегда со смехом вспоминали, как всегда заботится о Сократе его демон».

11. «А как ты думаешь, Феокрит, — спросил Галаксидор, — имеет ли демон Сократа какую-то свою особую силу или же это просто частица тех общих необходимых условий, которые, определяя жизненный опыт человека, сообщают ему в неясных и не поддающихся разумному учету случаях толчок, направляя его поведение в ту или иную сторону? Подобно тому как мальтй груз сам по себе не отклоняет коромысло весов, но, добавленный к одному из уравновешенных грузов, уводит все в свою сторону, так чихание или тому подобный знак, хотя бы и ничтожный, может повлечь за собой решение, касающееся важных действий: когда встречаются два противоборствующих соображения, то, присо-

единившись к одному из них, такой знак разрешает безысходность, устранив равновесие, и отсюда возникает движение и сила». Это подхватил мой отец: «А ведь и в самом деле, Галаксидор, я слышал от одного мегарца, а он от Терпсиона, что демон Сократа — это не что иное, как чихание, свое ли собственное или чужое. При этом, если кто-либо другой чихнул справа, или сзади, или спереди, то это побуждало к действию, если же слева, то заставляло воздерживаться; собственное же чихание утверждало в намерении совершить намеченное действие, но удерживало от завершения того, что уже было начато. Станным мне кажется, однако, если он, в действительности исходя из чихания, говорил товарищам о каком-то побуждающем или сдерживающем демоне: было бы, друг мой, нелепой суетностью из-за какого-то внешнего шума — чихания — отказываться от заранее обдуманного действия, и это совершенно противоречило бы образу человека, которого мы считаем поистине великим и выдающимся среди людей своей мудростью. Все поведение Сократа отличалось целеустремленностью и решимостью, как бы исходя из единого твердого изначального суждения. Всю жизнь он провел в бедности, тогда как мог бы воспользоваться тем, что ему с радостью готовы были предоставить его друзья; он не поступился философией, пренебрегая всеми препятствиями; наконец, когда товарищи подготовили ему обеспеченный побег из тюрьмы, он не склонился на все их настояния, чтобы уйти от верной смерти, а встретил ее с непоколебимой твердостью решения, — все это свойственно не человеку, изменяющему свои намерения под влиянием случайных шумов или знаков, а тому, кто следует выс-

шему устремлению, ведущему к добру. Говорят, что и гибель сицилийского похода афинян Сократ предсказал некоторым из своих друзей; а еще ранее был такой случай. Периламп, сын Антифонта, раненый и взятый в плен после поражения афинян в битве при Делии, узнав от послов, прибывших из Афин с мирным предложением, что Сократ вместе с Алкивиадом и Лахетом¹ благополучно вернулись, совершив переход у Регисты, превознес Сократа похвалами и горько сокрушался о тех своих товарищах и соратниках, которым довелось, избрав после битвы путь возвращения, отличный от указанного демоном Сократа, пасть под ударами нашей конницы. Думаю, что и Симмий слышал об этом». — «Слышал нередко и от многих, — отозвался Симмий, — ведь именно этот случай особенно прославил в Афинах демона Сократа».

12. «Что же, Симмий, — сказал Фидолай, — позволим мы Галаксидору шутя сводить это высокое пророчество к чиханию и приметам, которыми забавляются по пустякам невежды? Ведь где налицо действительная опасность и трудные обстоятельства, там уже, по Еврипиду,

Железом, а не шуткой спор решается».

Галаксидор, однако, возразил: «С Симмием, если он сам слышал это от Сократа, я так же согласен, как и вы, Фидолай и Полимний, но то, что вы сами сказали, нетрудно опровергнуть. Подобно тому как во врачевании биение пульса служит малым знаком, много говорящим о состоянии больного, и как для

¹ Лахет — афинский стратег, погиб в 418 году в битве при Мантинее.

кормчего крик морской птицы или прохождение темного облачка предвещает бурный ветер и жестокое морское волнение, так для вещей души гада-теля чихание или голос, вещь сама по себе ничтож-ная, может быть знаком чего-то важного: ведь ни в каком мастерстве не забывают о том, что малое может предзнаменовать великое, и малочислен-ное — многое. Человек, незнакомый со смыслом письменности, видя немногие и невзрачные по фор-ме начертания, не поверил бы, что знающий грамоту может извлечь из них сведения о великих войнах, происходивших у древних народов, об основаниях городов, о деяниях и судьбах царей, и сказал бы, что какой-то демон разворачивает перед ним пове-ствование обо всех этих делах исторического про-шлого, и мы весело посмеялись бы над неразумием этого человека; смотри же, друг, как бы мы, не зная силы тех данных, которыми располагает мантика для суждений о будущем, стали неразумно выражать неудовольствие, если осведомленный в мантике че-ловек делает из них выводы, касающиеся будущего, и при этом утверждает, что его действиями руко-водит не чихание и не голос, а демон. Тут я обра-щаюсь к тебе, дорогой Полимний. Ты удивляешься, что Сократ, более чем кто-либо из людей очелове-чивший философию устранением из нее всякой на-пыщенной темноты, для этого своего знака избрал название не чихания и не голоса, а какого-то тра-гического демона. А вот я, наоборот, удивился бы, если бы такой мастер диалектики и владения словом, как Сократ, сказал, что получает знак не от демона, а от чихания; это то же самое, как если бы кто сказал, что его ранило копьё, а не посредством копьё метнувший это копьё человек; или что тот

или иной вес измерен весами, а не сделавшим взвешивание человеком посредством весов. Ведь действие принадлежит не орудию, а человеку, который пользуется орудием для этого действия. <...>

20. Те продолжали углубленное исследование важного вопроса, поднятого Галаксидором и Фидолаем, — какова сущность и сила так называемого демона Сократа. Что ответил Симмий на речь Галаксидора, мы не слышали. Но нам он сказал, что как-то сам спросил об этом Сократа, но, не получив никакого ответа, больше не допытывался. Однако ему часто доводилось быть свидетелем того, что Сократ людей, говоривших о том, что им было явлено божественное видение, признавал обманщиками, а к тем, кто говорил об услышанном ими некоем голосе, относился с уважением и внимательно их расспрашивал. Это наблюдение побуждало нас при обсуждении между собой занимающего нас вопроса подозревать, что демон Сократа был не видением, а ощущением какого-то голоса или созерцанием какой-то речи, постигаемой необычным образом, подобному тому как во сне нет звука, но у человека возникают умственные представления каких-то слов, и он думает, что слышит говорящих. Но иные люди и во сне, когда тело находится в полном спокойствии, ощущают такое восприятие сильнее, чем слушая действительную речь, а иногда и наяву душа едва доступна высшему восприятию, отягченная бременем страстей и потребностей, уводящих ум от сосредоточения на явленном. У Сократа же ум был чист и не отягчен страстями, он лишь в ничтожной степени в силу необходимости вступал в соприкосновение с телом. Поэтому в нем сохранялась тонкая чувствительность ко внешнему воз-

действию, и таким воздействием был для него, как можно предположить, не звук, а некий смысл, передаваемый демоном без посредства голоса, соприкасающийся с разумением воспринимающего как само обозначаемое. Ведь когда мы разговариваем друг с другом, то голос подобен удару, через уши насильственно внедряющему в душу слова; но разум более сильного существа ведет одаренную душу, не нуждающуюся в таком ударе, соприкасаясь с ней самым мыслимым, и она отвечает ему, раскрытому и сочувствующему, своими устремлениями, не возмущаемыми противоборством страстей, но покорными и уступчивыми, как бы повинующимися ослабленной узде. И не следует удивляться этому, видя повороты тяжелых кораблей под воздействием малого кормила, или движение гончарного круга, которому сообщается равномерное вращение легким касанием оконечностей пальцев: предметы неодушевленные, но гладкие и подвижные по своему устройству, покорствуют движителю при каждом его толчке; а душа человека, напряженная бесчисленными устремлениями, как натянутыми струнами, гораздо подвижнее любого вещественного орудия. Поэтому она чрезвычайно расположена к тому, чтобы под воздействием умственного прикосновения получить в своем движении уклон в сторону задуманного. Ведь именно здесь, в мыслящей части души, начала страстей и устремлений, которые, вовлекаемые в ее движение, когда она поколеблена, уводят за собой и самого человека. Отсюда легко понять, какую силу имеет мыслительная часть: кости бесчувственны, жилы и мышцы наполнены жидкостью и вся масса составленного из этих частей тела лежит в покое, но как только в душе возникнет мысль и порыв к

движению, тело пробудится и, напрягаясь во всех своих частях, словно окрыленное, несется к действию. И нет причин полагать, что трудно или невозможно постигнуть способ, каким мыслящая душа увлекает за своим порывом телесный груз. Подобно тому как мысль, даже и не облеченная в звук, возбуждает движение, так с полной убедительностью, как мне кажется, могли бы мы предположить, что ум следует водительству более высокого ума и душа — более божественной души, воздействующих на них извне тем соприкасанием, какое имеет слово со словом или свет со своим отблеском. В сущности мы воспринимаем мысли друг друга через посредство голоса и слов, как на ощупь в темноте: а мысли демонов сияют своим светом тому, кто может видеть и не нуждается в речах и именах, пользуясь которыми как символами в своем взаимном общении люди видят образы и подобия мыслей, но самих мыслей не познают — за исключением тех людей, которым присущ какой-то особый, божественный, как сказано, свет. Если кто отнесется к этому с недоверием, то может почерпнуть некоторое дополнительное подтверждение в том, что происходит при звучании речи: воздух, оформленный в виде членораздельных звуков и превратившийся полностью в звучащие слова, доносит до души слушающего некую мысль. Что же удивительного, если воздух при своей восприимчивости, изменяясь сообразно с мыслями богов, отпечатывает эти мысли для выдающихся и божественных людей? Подобно тому как удары ведущих подземные работы, доносясь из глубины, улавливаются медными щитами в форме отголоска, а помимо этого затухают незамеченными, так речи демонов, разносясь повсюду, встречают

отголосок только у людей со спокойным нравом и чистой душой; таких мы называем святыми и праведниками. Простой же народ думает, что божества вещают людям только в сновидениях, если же это происходит с бодрствующими и находящимися в полном сознании, то это считают странным и невероятным: подобно тому как если бы кто считал, что музыкант, играющий на дурно настроенной лире, не сможет вовсе и прикоснуться к ней, когда она будет настроена правильно, эти люди не видят истинной причины кажущейся странности; заключается же она в их собственной настроенности и смятенности, от которой был свободен наш товарищ Сократ, как свидетельствует оракул, полученный его отцом, когда Сократ был еще ребенком; он гласил: предоставить мальчику делать все, что ему вздумается, ни в чем не насиловать и не ограничивать его склонностей и молиться за него Зевсу Покровителю и Музам, а в остальном не беспокоиться о Сократе, ибо он в себе самом содержит лучшего руководителя жизни, чем тысячи учителей и воспитателей.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

СУД ПОТОМКОВ

Заметки на календаре эпох

Посмертная реабилитация Сократа произошла не так уж скоро, и конечно, носила не юридический, а общественный характер. Ученики Сократа разбрелись в разные концы небольшого (по нашим меркам) греческого мира, основали собственные философские школы: Эвклид — в Мегаре, Федон — в Элиде, Аристипп — в Кирене; Антисфен жил в порту Пирей. По достоверным сведениям, Платон после казни учителя долго путешествовал, потом вернулся в родной полис, и в 387 году основал Академию... Особенно прославились Аристипп — родоначальник гедонизма, философии наслаждения (и телесного, и духовно-возвышенного), и Антисфен — от него берет начало противоположное направление, киническое, смысл которого в максимальном ограничении своих потребностей и желаний. Имена последователя первой философской ветви Эпикура и второй — Диогена Синопского, того, что «жил в бочке»,

известны всем... Разумеется, основным философским движением стал объективный идеализм Платона, а потом учение Аристотеля. К теме «реабилитация Сократа» названные события имеют прямое отношение: все ученики так или иначе стремились восстановить справедливость, доказать невиновность Сократа, несправедность его обвинителей и недругов. Особенно много в этом отношении сделали Платон и Ксенофонт, чьи защитительные сочинения уже знакомы читателю.

«Нет пророка в своем отечестве» — эта вечная истина подтвердилась и в нашем вечном сюжете. Признание, распространение и даже канонизация идей Сократа и их автора начались не на земле Аттики, а в других государствах и краях Греции, где при жизни Сократа никогда не видели (впрочем, он вообще был «домоседом» и путешествовать не любил). Впоследствии, спустя столетия, пылкие почитатели — из лучших намерений — создали множество изящных сказок о раскаянии и покаянии афинян (Диоген Лаэций, с. 232). По другим версиям-мифам троица обвинителей была казнена разгневанным народом без суда и следствия (Диодор Сицилийский); Плутарх в присущей ему тончайшей и занимательнейшей литературной манере повествует, как опамятовшиеся граждане возненавидели Анита с присными, не давали им огня, отказывались мыться с ними в одной воде, т. е. в общей бане и плавать в том же бассейне, так что злодеям ничего не оставалось, как удавиться... (Плутарх «О зависти и ненависти», гл. 6). Исторический анализ говорит о другом; например, очевидно, что Ксенофонт совершенно иначе писал «Воспоминания», если бы массовое мнение в Афинах в отношении Сократа «перестроилось»; не преминул бы, ко-

нечно, поведать об этом и Платон в одном из «сократических» диалогов. Есть сведения (речь Лисия XXII, b), что в 387 году Анит был жив (и здоров?) и занимал немаловажную должность хлебного пристава; однако самым убедительным доводом, что Сократ еще долго предстал для среднего афинянина фигурой одиозного нарушителя законов, является речь знаменитого оратора Эхина (345 год, через 50 с лишком лет), где он, походя, замечает: «Афиняне, вы казнили софиста Сократа за то, что он воспитал Крития, одного из Тридцати, низвергнувших демократический строй» (I, 173). Опытный ритор никогда бы не поплыл против народного мнения...

Возвращение Сократа в родной город «богоравным» мудрецом состоялось после потери Афинами независимости в 338 году, и, наверное, не в один день чудо свершилось, а когда до «масс» дошла та простая истина, что теперь — в политическом и моральном унижении — им остается ухватиться только за свое великое прошлое, наполненное тенями знаменитых мужей. К этим мужам причислили, конечно, и «софиста» Сократа, которому поднесли чашу с ядом их отцы и деды... Вполне возможно, что тогда повсеместно прославленному уже мыслителю и был воздвигнут памятник, о котором сообщает Диоген Лаэртский.

В бесконечно долгий эллинистический период¹ Сократа ждала счастливая судьба; он был одним из немногих, кто не подвергнулся отрицанию и, тем бо-

¹ Границы его условны, одни включают его 30 годом н. э., а последующую эпоху именуют «второй» и далее «поздней софистикой», а в общем, концом эллинизма можно считать закрытие платоновской Академии императором Юстинианом в 529 г. н. э.

лее, новому, посмертному суду. Причин тому несколько; ну, ставшая с дистанции времени столь зримой несправедливость казни; еще то, что его учение пришло к потомкам через высоко чтимых Платона и Ксенофонта, пришло как бы в своих избранных, лучших страницах; а самое важное то, что его учение не было системой, «растущей» из одного корня-идеи. Его учение — это высокие заповеди, его учение — это высокоморальная жизнь и смерть. Именно поэтому его любили и постоянно ссылались на него столь разные люди, как Аристотель, Эпиктет, Цицерон,¹ Сенека или Плотин... Каждый, разумеется, стремился подкрепить свою философию цитатами из Сократа, трактуя их на свой лад.

Оглядываемый нами чуть ли не 900-летний период в его второй половине характеризуется, прежде всего, соперничеством, взаимопроникновением и противоборством античного и христианского мирозерцаний и мировидений. В этом историческом «сражении» двух религиозных концепций участвовали — не по своей воле — Христос и Сократ, иногда их противопоставляли, чаще сопоставляли, ибо истине в их земной юдоли немало сходного. Многие из отцов новой веры, постепенно бравшей верх,²

¹ Для примера — пафос Цицерона: «О, Сократ и последователи Сократа! Нет пределов моей благодарности вам» (письмо Титу Помпонию Аттику 17 апреля 44 года). Причина благодарности та, что Сократ и сократики своими мыслями и учением помогали Цицерону стойко переносить обрушившиеся на него жизненные невзгоды.

² В 313 году по Р. Х. император Константин I признал христианство равноправной религией; немало лет обе религии сосуществовали, иногда мирно, иногда резко конфликтно...

относились к Сократу с пиететом, сознавая, что его заповеди не противоречат христианским; можно сослаться, например, на сочинение Блаженного Августина «О граде Божием»; хотя, конечно, язычника можно было уважать лишь в некоем историческом плане, но не в церковном.

...Перелистнем наш календарь эпох: европейское Возрождение, начавшееся и быстрее шедшее в архитектуре, живописи и скульптуре, вскоре коснулось и литературы, сначала сочинений римских авторов — Овидия, Цицерона, Сенеки; через них начали воскрешаться и греческие классики. В 1459 году во Флоренции вновь открывается платоновская Академия, в 1482 Марсилино Фиччино заново переводит Платона на латинский язык — и тут, разумеется, Сократ, его жизнь и учение не могли не войти в «программу» обсуждений и обучений.

Эразм Роттердамский (1469—1536) ставит Сократа почти в один ряд с христианскими святыми мучениками; особенно близки ему идеи самопознания, самоусовершенствования и мудрой веры в высший смысл того, что суждено испытать человеку. Один из участников диалога «Благочестивое застолье», Нефалий, говорит: «Поразительно! Ведь он не знал ни Христа, ни Святого Писания! Когда я читаю что-либо подобное о таких людях, то с трудом удерживаюсь, чтобы не воскликнуть: „Святой Сократ, моли Бога о нас!“»¹

Не менее значимая веха — это отношение к Сократу великого французского моралиста Мишеля Монтеня (1533—1592). В его «Опытах» («Les Essais»), давших начало всей мировой эссеистике, имя афин-

¹ «Разговоры запросто». М., 1969. С. 101.

ского философа встречается, вероятно, чаще всех остальных. Обе последние главы «Опытов», несомненно, писались на том же столе, на котором лежала «Апология» Платона; в чтении сократовских мыслей Монтень черпал силы в предчувствии надвигающейся неизлечимой болезни, когда его одолевали страх и боль небытия; из нее он целиком выписал в свою книгу речь Сократа после вынесения смертного приговора. Для Монтеня, как, вероятно, для многих, Сократ становится опорой и поводырем на той пограничной линии, что отделяет царство живых от иного, неведомого...

Перелистнем еще несколько страничек-столетий: начало немецкой классической философии — Иммануил Кант. Для него Сократ в вопросах морали — авторитет высочайший. Однако сократовский демоний смущает Канта иррациональностью, загадочностью, трудноуловимостью; вера в знамения и озарения не в духе кёнигсбергского мыслителя,¹ мучительно (что и сам прекрасно замечал) искавшего истину на путях логики, науки и рассудка.

Отметим великого софиста нового времени Гегеля, который в одном из своих сочинений учинил заново суд над Сократом² и вынес ему повторный смертный приговор, отделив от Сократа-человека его учение: дескать, автор виновен, но его учение бессмертно! Точно также не станем задерживаться у философской «зоны» Фридриха Ницше, его напоенные ядом стрелы против Сократа соответствовали его кон-

¹ См., например: «Антропологическая дидактика». Ч. I, 10.

² Гегель Г. В. Ф. «Лекции по истории философии». Кн. 2, СПб., 1994.

цепции сильной личности; по-нашему мнению, сила самого Ницше — в художественно-культурологических наблюдениях, а не в его доктрине, столь притягательной для обозленных мелетов и ликонов. Два слова — о другом кумире, уже века нашего, об Освальде Шпенглере. Приходится сожалеть, что из литературно-философского обихода выпала (или осталась в тени) статья Томаса Манна «Об учении Шпенглера», в ней дан исчерпывающий анализ теории непроницаемо-герметичных цивилизаций. Диагноз писателя и мыслителя достаточно строг: сочинение Шпенглера не более чем гиллерторское теоретизирование, пропитанное холодным снобизмом. Можно добавить, что для невежественного и замкнутого в себе индивида герметичны и непроницаемы не только другие цивилизации, другие времена и нравы, но и взгляды любого другого человека, чьи убеждения не согласны с его собственными. Универсальность, вневременность философского учения Сократа, его личности и судьбы, несомненно, подтверждают существование некой сквозной темы, связи между всеми человеческими сообществами и мирами.

Сократ в России. Античность вошла в русскую жизнь и культуру, как понятно, после петровских реформ, когда был снят запрет с «елпинских борзостей». Рубежом, от которого начался брак по любви между Древней Грецией и Новой Россией можно считать день выпуска книги под названием, выведенным красивой колонкой:

КСЕНОФОНТА

о достопамятных делах и разговорах

Сократовых четыре книги и

Оправдание Сократово
пред судиями,
переведенное с греческого языка
Надворным советником
Григорием Полетиною
В Санктпетербурге
при Императорской Академии
Наук, 1762

На титуле торжественно значится: «Ея Императорскому величеству Всепресветлейшей Державнейшей Великой государыне Екатерине Алексеевне императрице». Книга Полетики знакомила просвещенных русских людей сразу с Ксенофонтом, Сократом, вводила в круг философских проблем, быта и бытия греков, чему служило и изящное предисловие автора перевода.

Само собой, не обошел вниманием Сократа и крупнейший просветитель Н. И. Новиков; его, как тогда выражались, иждивением издана «Похвала Сократу, произнесенная в обществе человеколюбцев», 1783 год. Упомянем еще забавнейшее и занятнейшее сочинение «Разговор Сократа с Пифагором о должностях человека», СПб., 1790.

Весь русский XIX век прошел в поисках лучших форм внедрения и усвоения классического образования и одновременно — в борьбе за его отмену (демократы — сокрушители). Все же именно на последние десятилетия пришелся самый высокий взлет познания античности, что связано, в первую очередь, с Владимиром Сергеевичем Соловьевым. От него началось движение русской философской мыс-

ли XX века, сам же он всей своей жизнью и трудами соединен с античностью, Платоном и потому Сократом.¹

Конспективный обзор посмертной судьбы афинского мыслителя показывает, что Сократу-человеку потомки выносили, в основном, вердикт оправдательный; возвели в сан мудреца, апостола Эллады; иначе обстоит дело с тем, что Сократ считал самым дорогим — с его учением. Можно утверждать, что столбовая дорога общественного развития все больше и больше отклоняется от сократовских идей (самопознание — самоограничение; исследование цели — научение добру; разумение как сдерживающая сила темных инстинктов). Развитие цивилизации идет совсем в другую сторону, а именно путем непрерывного *расширения границ дозволенного*: сексуальная революция, постепенное узаконение наркотиков, телеэкранная разнузданность, кумиромания... Достопримечательным явлением стало то, что принято именовать трансгрессией, т. е. возможностью

¹ Особой главой темы «Сократ в России» могло бы стать отношение к Сократу Л. Толстого и Ф. Достоевского, великих антиподов во всем. Приведем только их высказывания о главном в учении Сократа — о сознании (и сознательных решениях): «Сознание — болезнь. Не от сознания болезни (это ясно, как аксиома), но само сознание — болезнь» (Достоевский «Записная тетрадь», 1864—1865). «Вера всегда нетверда. Можно разувериться или поверить в другое. Твердо только сознание» (Толстой «Записная книжка», 1910 год). В известной степени оба писателя точно определяют две ипостаси России и два коренных типа русского человека; хотя конечно, в душе многих оба начала, — идущее от Достоевского и толстовское — сложно сочетаются и противоборствуют.

(потребностью? необходимостью?) преступить общепринятые нормы. В давние времена это прощалось (в какой-то мере) иным из прославленных творцов — живописцам, поэтам, властителям-реформаторам; для них трансгрессия служила допингом и искупалась предельным напряжением, огромной отдачей; нынче то же самое разрешают себе весьма обильные группы людей, для которых это лишь форма самоутверждения. Спешка, суетность, смена пристрастий и мод, «захлеб», ослабление иммунной защищенности от зла — опасные признаки развивающейся болезни общественного организма, в том числе, и не в последнюю голову российского. Так что невольно хочется вспомнить необычайно популярное в позднеантичный период речение-предупреждение:

Куда вас несет, человеки?..

Псевдо-Платон
«Клитофонг» 407а.

ОБ АВТОРАХ

ПЛАТОН (427 — 347) — один из величайших античных мыслителей, создатель теории объективного идеализма. Но ни слово «теория», ни понятие «объективный идеализм» не дают представления об авторе и его книгах; его сочинения — высокохудожественные произведения, наполненные людьми с тонко и точно очерченными характерами, бытом и бытием окружающего мира, построенные — в своих лучших образцах — как сюжетно законченные сцены, драмы или трагедии. Недаром начинал Платон — до знакомства с Сократом — как трагический поэт.

Казненный учитель стал главным героем всех диалогов Платона, сначала по непосредственным воспоминаниям, потом — в осмыслении, а еще позже как носитель и выразитель платоновских воззрений.

О так называемой личной жизни Платона известно немного: Академия, ученики, путешествия в Сицилию; но, несомненно, именно конкретные наблюдения, впечатления и разочарования меняли его мирозерцание. Афинский полис, да и вся Греция доживали последние годы, общество деградировало;

попытки Платона создать идеальное государство в Сицилии «сверху», по воле сиракузских тиранов, едва не привело его к гибели. И вот на закате своих дней Платон пишет огромный труд — «Законы», где главное действующее лицо — некий афинянин, быть может, он сам, и еще два старца. Об этой книге упоминают обычно нехотя, в виде *post scriptum*, что легко объяснить: несравненная в своей художественности и пафосе, она (другого слова не сыщешь) — страшна. Смысл ее в том, что идеальный строй и порядок достижимы лишь путем жесточайшего контроля и жесточайших наказаний. Мягкое управление годится — для избранных, наделенных высокими моральными свойствами; «широкие массы» подчиняются только силе. Не будем приводить доводы опровержения, мы все знаем, к чему ведет стремление разместить всех людей по ячейкам и надзирать за каждым шагом. Посмертное сочинение Платона — не партийная программа, но духовное отчаяние человека, которого впоследствии назовут «божественным» и «Гомером философов».

КСЕНОФОНТ (430 или 425, ум. после 355) — в своих многочисленных сочинениях предстает уравновешенным, гармоничным и объективным, но жизнь его была бурной, полной неожиданных поворотов. Столь же преданный ученик Сократа, как и Платон, он в 401 году покинул Афины, как оказалось, навсегда (по античным источникам — советовался насчет отъезда с Сократом). Далее — долгие 14 лет военной службы, сначала в войсках персидского наместника Кира Младшего (сына царя Дария), потом советником спартанского царя Агесилая. В 387 году, наконец, «отошел от дел» и поселился в своем поместье на северо-западе Пелопоннеса близ Скилла.

Здесь, в тишине и спокойствии, написаны основные произведения — «Греческая история», «Киропедия» (трактат о воспитании), «Анабазис» и, возможно, те сократические сочинения, что включены в нашу книгу. По своим политическим взглядам Ксенофонт был сторонником дееспособной власти (скажем, умеренной олигархии), противником тирании; недружелюбно относился и к демократии плебейского толка.

В 399 году Ксенофонта заочно присудили к изгнанию из Афин, в 369 помиловали, тоже заочно; но он этим не воспользовался, хотя утратил свое имение. Умер, по-видимому, в бедности, в Коринфе, в 354 или 353 году.

ЛИБАНИЙ (314—393 г. н. э.) — прославленный ритор эпохи позднего эллинизма, пользовавшийся огромной популярностью при жизни и оставивший большое количество сочинений. Один из последних убежденных приверженцев языческой религии, вполне терпимо, впрочем, относившийся к христианству; так, например, его учеником был крупнейший христианский богослов Василий Великий. Образование Либаний, как и положено, получил в Афинах, затем переселился в Константинополь, а позже в город, где родился, — Антиохию. Создал собственные школы преподавания, из которых вышло немало известных тогда ораторов, риторов и толкователей классической литературы.

Особый сюжет — дружба Либания с императором Юлианом Отступником, прозванным так за попытку возродить веру в Олимпийских богов и вообще за свое пристрастие к античной культуре. Лично Либаний познакомился с императором Юлианом в Антиохии в 362 году и занял при нем немаловажную государственную должность квестора. Увы, дружба про-

должалась недолго: в 363 году Юлиан был убит в войне с Персией. В память о погибшем царственном друге и единомышленнике Либаний написал знаменитый панегирик «Надгробное слово Юлиану».

«Апология Сократа» отличается от всех других представленных в этой книге сочинений своей особой стилистикой и жанром. Это — созданная на определенную тему и записанная речь, декламация, по установившемуся определению «фиктивная», то есть как бы произнесенная на суде защитником (через 800 лет!) Ей присущи повторы, особая эмоциональная витиеватость, а в сюжетном отношении — некое плавное движение «по спирали» от зачина к торжественному финалу.

Читатель, внимательно следящий за ходом рассуждений Либания, познакомится не только с его своеобразной формой подачи материала, но и со всеми отличительными свойствами позднеантичного, имеющего многовековую предысторию, ораторско-философского искусства.

ДИОГЕН ЛАЭРЦИЙ — увы, мы не знаем даже ориентировочно дат его рождения и смерти; по косвенным приметам определяют, что писал он в начале III века нашей эры. Осталось одно сочинение Диогена Лаэртция, зато объемистое, в 10 книгах; названия не имеет и потому условно обозначено «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов». Нет такой работы по античности, в которой бы не ссылались на Лаэртция и трудно отыскать такую, где бы его не бранили — за хаотичность рассказов, легковесность, «навал» материалов. Каемся, ругнули и мы его в одной из сносок. Однако, насколько же беднее были бы наши сведения без таинственного автора! В частности, это касается и

Сократа, о котором написан, пожалуй, один из интереснейших очерков во II книге Лаэртция.

Существует версия, что жил Диоген в Афинах, занимался грамматикой, что в те времена значило — изучением и толкованием литературы (и философии). И уж, во всяком случае, был он человеком любознательным!

ПЛУТАРХ (ок. 46 г. н. э. — ум. после 119) — редчайшая личность, в которой характер, жизнь и сочинения составляли, судя по всем признакам, триединство. Был он дружелюбен, внимателен к людям, нравственно чист; в родном городе Херонее занимал высокие должности, отличаясь безукоризненной честностью (в последние годы стал жрецом знаменитого Дельфийского храма Аполлона); такими же высокими качествами обладают его многочисленные произведения. Их читали даже в средневековье, читают и нынче; адаптированные — в детстве, полные — в зрелости и старости. «Сравнительные жизнеописания» — книга для всех и на все времена.

Приведенный в данном издании отрывок из очерка Плутарха — весьма интересен не только как глубокий исторический и психологический анализ таинственного демония Сократа. Он отражает и собственные взгляды Плутарха, последователя философии Платона, считавшего бога началом всего сущего, а посредниками между творящим богом и человеком — некие одушевленные существа, те же сократовские гении, демоны, те внутренние предостерегающие и направляющие голоса, что все мы хотели бы слышать в трудную минуту.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

* *Диоген Лаэртций*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. «Мысль»: М., 1983.

* *Ксенофонт*. Сократические сочинения. АО «Комплект». СПб., 1993.

* *Libanius*. Apologie des Socrates. Verlag der philosophischen Bibliothek. Leipzig, 1922.

* *Платон*. Собрание сочинений в 4-х томах. «Мысль». М., 1990. Т. I.

* *Плутарх*. Сочинения. «Художественная литература». М., 1983.

Творения Платона. Изд. Солдатенкова. М., 1903. Том второй.

Аристотель. Афинская полития. Государственное устройство афинян. Изд. 2-е. М., 1937.

Белох Ю. История Греции. Т. I—II. М., 1905.

Блекки Дж. Ст. Четыре фазиса нравственности. М., 1899.

Боннар А. Греческая цивилизация. Т. I—II. М., 1959.

Ботвинник М. Н. и др. «Мифологический словарь». Л., 1961.

Бузескул В. П. История афинской демократии. СПб., 1909.

Бузольт Г. Очерк государственных и правовых греческих древностей. Харьков, 1890.

Гиро П. Частная и общественная жизнь греков. СПб., 1995.

Гомперц Г. Жизнепонимание греческих философов и идеал внутренней свободы. СПб., 1912.

Гомперц Т. Греческие мыслители. СПб., 1912.

Греческая литература. М., 1939.

Зелинский Ф. Ф. Древнегреческая литература эпохи независимости. Пг., 1919.

- Кессиди Ф. Х.* Сократ. М., 1976.
- Колобова К. М.* Древний город Афины и его памятники. Л., 1961.
- Лосев А. Ф.* Жизненный и творческий путь Платона. Изд.: Платон. Собр. соч. Т. I.
- Лосев А. Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993.
- Любкер Ф. Х.* Реальный словарь классических древностей. СПб., 1885.
- Нерсисянц В. С.* Сократ. М., 1977.
- Сиповский В. Д.* Сократ и его время. СПб., 1914.
- Словарь античности. М., 1989.
- Соболевский С. И.* Аристофан и его время. М., 1957.
- Соболевский С. И.* «Сократ и Аристофан». Ученые записки Московского городского педагогического института им. Потемкина. Том VI, 1947.

Тексты исторических сочинений, включенные в книгу, печатаются по изданиям, отмеченным звездочкой. Для составления постраничных примечаний-сносок использована указанная основная литература и некоторые другие источники.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
К читателю	5
Предисловие. Суд современников	8
<i>Платон</i> . Апология Сократа. Перевод М. С. Соловь- ева	45
<i>Ксенофонт</i> . Апология (защита) Сократа на суде. Перевод С. И. Соболевского	90
<i>Ксенофонт</i> . Воспоминания о Сократе. Кн. 1. Гл. 1—4. Перевод С. И. Соболевского	101
Апология Сократа ретора Либания. Перевод М. А. Рай- циной	138
<i>Диоген Лаэртский</i> . Сократ. Перевод М. Л. Гаспарова	219
<i>Плутарх</i> . О демоне Сократа. Перевод Я. М. Боров- ского	235
Послесловие. Суд потомков	246
Об авторах	256
Основная литература	261

Директор издательства:

О. Л. Абышко

Главный редактор:

И. А. Савкин

Художественный редактор:

Н. И. Пашковская

Корректор:

Л. А. Абышко

Издательство «Алетейя»:

193019, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 13

Телефон издательства: (812) 567-2239

Факс: (812) 567-2253

E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

Сдано в набор 12.06.1996. Подписано в печать 16.01.1997.

Формат 70×100/₃₂. 8,5 п. л. Тираж 1200. Заказ № 3213

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034. Санкт-Петербург. 9 линия, 12

Printed in Russia